

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №7 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 178.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>В.Н. Бараков</i> ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ РУБЕЖА ВЕКОВ	8
<i>В.В. Башкеева, Е.Д. Монгуш</i> КВАЗИСЕМЬЯ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»	12
<i>Л.В. Гурленова</i> РОМАН А.С. ЯКОВЛЕВА «ЧЕЛОВЕК И ПУСТЫНЯ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ	17
<i>Ю.Н. Золотых, М.Г. Подопригора, М.В. Ардашева</i> РЕАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ И ТЕРНАРНОЙ МОДЕЛЕЙ МИРА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»	21
<i>Ли Шуан</i> ОБРАЗ ШАНХАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЩЕРБАКОВА	24
<i>М.Г. Подопригора, Ю.Н. Золотых, М.В. Ардашева</i> ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО	27
<i>А.Н. Ушакова</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПОКОЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.К. ОЛЕШИ	30
<i>Ян Хао</i> ЖУРНАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ «ЛАСТОЧКА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ХАРБИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	33

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов</i> СЛАГАЕМЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В TELEGRAM-КАНАЛЕ ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ	36
<i>Д.С. Ищенко</i> ПРОЕКТНО-ПРОЦЕССНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВЕ	40
<i>Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова</i> КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. ИБРАГИМОВА НА ТАТАРСКУЮ ДРАМАТУРГИЮ	43
<i>Ю.М. Павлов</i> «ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА	46

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, И.А. Баширова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТРИНСИВНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ	50
<i>Е.О. Двинова</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ГРАФИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЙ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ	53
<i>Г.М. Лисина, Н.В. Габдреева</i> ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ АРГО	57
<i>В.П. Манаенко, А.В. Чепкасов</i> МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В РЕЧИ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ А. Г. ТУЛЕЕВА)	61
<i>А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОДА» В ТЕКСТАХ СМИ	64
<i>П.А. Якимов</i> ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛОЩЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ	67

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>К.Н. Антонова, Л.В. Фиалкина</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТ WATER В РОМАНЕ ИЭНА МАКБЮЭНА «В СКОРЛУПЕ»	70
<i>К.Э. Вяльях, В.В. Барышникова</i> К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РЕЧИ КИНОПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АКЦЕНТИРОВАННОГО КИНО)	75
<i>А.М. Горохова</i> К ВОПРОСУ О ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ КАРТИРОВАНИИ ПАНДЕМИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	78
<i>Ю.С. Григорьева</i> КЕННИНГИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ	82
<i>А.В. Гуркова</i> СПОСОБЫ ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ И ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	85
<i>Е.В. Дворак</i> ЭВФЕМИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ	88
<i>А.И. Каразия, Н.А. Каразия</i> ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)	91
<i>Ю.Б. Косова, Т.В. Сметанина, М.В. Носкова</i> К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ИМЕН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ДЕОНТИЧЕСКАЯ, ЭПИСТИМИЧЕСКАЯ И ДРУГИЕ ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ)	95
<i>К.В. Костина, И.В. Солдатенко</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ	98
<i>К.И. Пикуль, Ю.Н. Синецкая</i> ПРОЕКТ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	101
<i>В.Н. Рудых, К.И. Федорова</i> МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	104

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Ю.А. Бабайкина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР В ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	107
<i>Е.А. Вансяцкая</i> СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАНТОВ-МАЛЬЧИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ)	111
<i>Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова</i> МЕТАФОРЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ	114
<i>Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова</i> СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ В ИДИОМАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	117
<i>Н.В. Гревцева, Г.А. Донскова, О.А. Донскова, А.Э. Мирзаханова</i> «КОВИДНЫЙ СЛОВАРЬ» КАК ОТКРЫТАЯ ДИНАМИЧНАЯ СИСТЕМА	120
<i>А.Н. Гуров</i> ПРОЦЕСС ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР	123
<i>А.В. Данилова, Л.Г. Васильев</i> ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ	126
<i>Л.Х. Дзасежеева, А.Л. Латипова, Э.Р. Хутова, М.А. Шарданова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ	129
<i>Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ СЛЕНГЕ	132

<i>Л.В. Кузнецова, Е.В. Иванова</i> РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И ПРОСПЕКТИВНЫЕ СВЯЗИ В ДИСКУРСЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	135
<i>А.В. Медведева, П.В. Невская</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ	138
<i>О.Н. Польщикова</i> МЕТОНИМИЗАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	141
<i>А.В. Раловец</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ДЕТЕКТИВА	144
<i>М.И. Савостькина, С.Н. Маскаева, И.Г. Зубарева</i> ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОВАРЯМИ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА	149
<i>Е.Н. Сагайдачная, Е.В. Рябикина</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ НЛП В КОНТЕКСТНОЙ РЕКЛАМЕ МЕДИЙНОГО ТИПА	152
<i>Г.С. Сатаева, Л.Ю. Данилина</i> КОНЦЕПТ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАГМАТИКЕ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	155
<i>М.А. Хатламаджиян</i> ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ МАНИФЕСТАЦИИ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	158
<i>А.Ю. Щербинин</i> СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЁН ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI-XVIII ВВ.	161
<i>М.В. Эфендиева</i> КОНЦЕПТ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В ПРАГМАТИКЕ ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ	164
АННОТАЦИИ	167

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>V.N. Barakov</i> THE WORK OF VASILY BELOV IN THE EVALUATION OF RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE TURN OF THE CENTURY	8
<i>V.V. Bashkeeva, E.D. Mongush</i> QUASIFAMILY IN N. GOGOL'S CYCLE 'EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA'	12
<i>L.V. Gurlenova</i> A.S. YAKOVLEV'S NOVEL "MAN AND THE DESERT": A NEW READING	17
<i>J.N. Zolotych, M.G. Podoprigora, M.V. Ardasheva</i> IMPLEMENTATION OF BINARY AND TERNARY MODELS OF THE WORLD IN M.YU. LERMONTOV'S NOVEL "HERO OF OUR TIME"	21
<i>Li Shuang</i> THE IMAGE OF SHANGHAI IN THE WORKS OF M. SHCHERBAKOV	24
<i>M.G. Podoprigora, J.N. Zolotych, M.V. Ardasheva</i> HISTORIOSOPHICAL PROBLEMS AND PECULIARITIES OF ANDREY BELY'S STYLISTIC SYSTEM	27
<i>A.N. Ushakova</i> INTERPRETATION OF THE GENERATION CATEGORY IN OLESHA'S WORK	30
<i>Yang Hao</i> THE MAGAZINE OF THE FAR EASTERN ABROAD «LASTOCHKA» AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF HARBIN EMIGRATION	33

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>Al-Baidhani waleed Abdulkareem saeed, R.P. Bakanov</i> THE COMPONENTS OF THE FORMATION OF A PUBLICISTIC IMAGE OF REALITY BY THE TELEGRAM CHANNEL JOURNALIST AND BLOGGER MARINA AKHMEDOVA	36
<i>D.S. Ishchenko</i> DESIGN AND PROCESS ACTIVITIES AS A BASIC MODEL OF LABOR ORGANIZATION IN THE EDITORIAL OFFICE AND PUBLISHING HOUSE	40
<i>F.H. Minnullina, G.N. Zayneeva, L.Sh. Garipova</i> CRITICAL VIEWS OF G. IBRAGIMOV ON TATAR DRAMATURGY	43
<i>Yu.M. Pavlov</i> "PUSHKIN'S SPEECH" BY F.M. DOSTOEVSKY IN THE INTERPRETATION OF ALEXANDER KAZINTSEV	46

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafieva, T.A. Koloskova, I.A. Bashkirova</i> LINGUISTIC PROJECTS IN THE ASPECT OF FORMING INTRINSIC MOTIVATION OF STUDENTS	50
<i>E.O. Dvinova</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC ARRANGEMENT OF LEXICOGRAPHIC DEFINITIONS IN A DIALECT DICTIONARY	53
<i>G.M. Lisina, N.B. Gabdreeva</i> FRENCH BORROWINGS IN RUSSIAN ARGO	57
<i>V.P. Manaenko, A.V. Chepkasov</i> PERSONAL PRONOUN "WE" AS ONE OF ADDRESS FORMS IN THE SPEECH OF THE SPEAKER (ON MATERIAL OF PUBLIC STATEMENTS A. G. TULEYEVA)	61
<i>A.R. Petrovskaya, L.A. Yakovleva</i> LEXICAL REPRESENTATION OF THE SEMANTIC FIELD "FASHION" IN MEDIA TEXTS	64
<i>P.A. Yakimov</i> FEATURES OF THE STUDY OF LINGUISTIC VOLOSTS OF THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD IN POETRY	67

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>K.N. Antonova, L.V. Fialkina</i> REPRESENTATION OF THE CONCEPT WATER IN NOVEL NUTSHELL BY IAN MCEWAN	70
<i>K.E. Vyalyak, V.V. Barishnikova</i> TO THE QUESTION OF THE THEMATIC ORIENTATION OF THE SPEECH OF FILM CHARACTERS (BASED ON THE MATERIAL OF THE ACCENTED CINEMA)	75
<i>A.M. Gorokhova</i> TOWARDS LINGUISTIC-AXIOLOGICAL MAPPING OF PANDEMIC NEOLOGISMS IN AMERICAN ENGLISH MASS-MEDIA DISCOURSE	78
<i>Yu.S. Grigoryeva</i> RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION OF ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON DISPERSION MATRICES	82
<i>A.V. Gurkova</i> WAYS OF UNDERSTATEMENT AND EXAGGERATION OF TIME IN A LITERARY TEXT	85
<i>E.V. Dvorak</i> EUPHEMISM IN POLITICAL DISCOURSE AS A MEANS TO MANIPULATE PUBLIC CONSCIOUSNESS	88
<i>A.I. Karaziya, N.A. Karaziya</i> RENDERING ENGLISH METAPHOR IN TRANSLATION (BASED ON FICTION TEXT MATERIAL)	91
<i>Y.B. Kosova, T.V. Smetanina, M.V. Noskova</i> MEANS OF EXPRESSING MODALITY OF NAMES OF ACTION IN MODERN ENGLISH (DEONTIC MODALITY, EPISTEMIC AND OTHER TYPES OF MODALITY)	95
<i>K.V. Kostina, I.V. Soldatenko</i> LINGUISTIC IMAGOLGY AND MEDIASPACE: INTERACTION OF CONCEPTS	98
<i>K.I. Pikul, Y.N. Sinitsyna</i> PROJECT AS A FORM OF CREATIVE SELF-REALIZATION OF INDIVIDUAL IN ENGLISH LESSONS	101
<i>V.N. Rudykh, K.I. Fedorova</i> METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE ENGLISH MEDIA	104

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>U.A. Babaikina</i> FUNCTIONAL APPROACH TO THE PSYCHOLINGUISTICS OF THE TEXT AND FUNCIONALITY OF THE SPEECH STRUCTURES IN THE TEXT ACTIVITY	107
<i>E.A. Vansyatskaya</i> SPECIFIC NONVERBAL ACTIONS OF BOY-SPEAKERS (BASED ON CHILDREN'S FICTION)	111
<i>G.K. Gizatova, D.R. Sabirova</i> METAPHORS OF THE ENDANGERED TATAR LANGUAGE	114
<i>G.K. Gizatova, D.R. Sabirova</i> SYMBOLS OF CULTURE IN TATAR IDIOMS	117
<i>N.V. Grevtseva, G.A. Donskova, O.A. Donskova, A.E. Mirzakhanova</i> COVID VOCABULARY AS AN OPEN DYNAMIC SYSTEM	120
<i>A.N. Gurov</i> THE PROCESS OF LOCALIZATION OF VIDEO GAMES	123
<i>A.V. Danilova, L.G. Vasilev</i> CHARACTERISTICS OF THE STRATEGY OF POLITICAL ARGUMENTATION	126
<i>L.Kh. Dzasezheva, A.L. Latipova, E.R. Khutova, M.A. Shardanova</i> FUNCTIONING OF GASTRONOMIC METAPHOR IN MEDICAL DISCOURSE	129
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> GENDER REPRESENTATION IN MODERN BRITISH SLANG	132
<i>L.V. Kuznetsova, E.V. Ivanova</i> RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE CONNECTIONS IN THE DISCOURSE OF DECISION-MAKING IN PARLIAMENTARY COMMUNICATION	135
<i>A.V. Medvedeva, P.V. Nevskaya</i> THE USE OF AUTHENTIC MATERIALS IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN UNIVERSITIES OF CULTURE	138

<i>O.N. Polshchykova</i> METONIMIZATION IN THE TERMINOLOGY OF COMPUTER LINGUISTICS	141
<i>A.V. Ralovets</i> LINGUOCULTURAL FEATURES OF CONCEPTS OF A MODERN GERMAN DETECTIVE	144
<i>M.I. Savostkina, S.N. Maskaeva I.G. Zubareva</i> FORMATION OF LEARNING AND COGNITIVE COMPETENCE WHEN WORKING WITH DICTIONARIES IN THE LESSONS OF THE NATIVE LANGUAGE	149
<i>E.N. Sagaidachnaya, E.V. Ryabikina</i> THE USE OF NLP TECHNIQUES IN CONTEXTUAL ADVERTISING OF THE MEDIA TYPE	152
<i>G.S. Sataeva, L.Yu. Danilina</i> THE CONCEPT OF PERSONAL RELATIONSHIPS IN DISCOURSE PRAGMATICS (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)	155
<i>M.A. Khatlamadzhijan</i> GENDER FEATURES OF REPRESENTATION OF PARALINGUISTIC MEANS BY THE MANIFESTATION OF A FALSE STATEMENT IN ARTISTIC DISCOURSE	158
<i>A.Yu. Shcherbinin</i> THE WAYS OF THE TERM FORMATION FOR THE VERB TENSES IN THE FRENCH GRAMMARS OF THE XVI-XVIII CENTURIES	161
<i>M.V. Efendieva</i> THE CONCEPT OF EXPRESSING FEELINGS IN THE PRAGMATICS OF DISCOURSE: THEORETICAL ASPECT OF CONSIDERATION	164
ABSTRACTS	167

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

В.Н. Бараков д-р филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра публицистики и журналистского мастерства,
Краснодар, alisa-loo@yandex.ru

**ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА
В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ РУБЕЖА ВЕКОВ**

В работе представлены результаты анализа основных литературоведческих исследований прозы В.И. Белова рубежа XX – XXI веков. Рассмотрена проблема мировоззренческого противостояния на примере творчества Василия Белова как хранителя «русского лада». Выявлено, что его проза основана на традиционных для реализма категориях: верности жизненной правде и психологизме. Актуальность произведений В.И. Белова объясняется не только социальной проблематикой, но и природой его творчества.

Ключевые слова: *Василий Белов, отечественное литературоведение рубежа XX-XXI веков, национальные корни творчества.*

В 1983 году выдающийся русский критик Юрий Иванович Селезнев опубликовал свою последнюю книгу. Посвящена она была творческой судьбе Василия Белова: «...если мы хотим знать свою землю, свой народ, мы должны знать и своих писателей, тех, в чьем творчестве живет память этой земли, ее правда, ее вера в эту землю и ее народ. И если мы действительно хотим знать свою Родину, сегодня нам для этого уже не обойтись без Белова, без его слова о родной земле. Потому что земля Белова — это и вся русская земля» [10]. Не будет преувеличением сказать, что труд этот оказался пророческим, рассказавшим о будущей судьбе России. Ключевые слова в нем: *Родина, долг, народ, традиция, вера, трагедия, правда, подвиг, спасение, возрождение, бессмертие* – являются зеркальным отражением христианской истории и практики.

Проза писателя всегда вызывала споры. Настоящая схватка случилась после выхода романа «Все впереди». Об этом подробно напишет Василий Оботуров в статье «Тревога и надежда. Роман Василия Белова «Все впереди» и его критики» (1987 г.): «...такого оголтелого, бесцеремонно бездоказательного шельмования (понятно, сопровождающегося фарисейски сочувствующими оговорками) мне в критической практике за последние двадцать пять лет встречать не приходилось [3]. Откликнулся Василий Оботуров и на роман «Год великого перелома» в статье 1989 года «Глум, или кое-что об устоях сталинизма, о русском национальном характере и критиках «левых» и правых» [4], а также на роман «Час шестой» (статья 2003 года «Заложники. Завершая скорбную летопись» [5]), в заключительных строках которой Оботуров даст оценку не только прошлому, но и настоящему: «Итак, найдутся ли те, кто почувствует в себе смелость и силу, чтобы вековые «закладные» были ликвидированы? Тогда народ снова обрел бы себя, а Россия надежно утвердила свое достоинство в мире и былую мощь, никем не оспоримую, но мирную и созидательную. Этого ждут истинные хозяева России, у кого прочны национальные корни» [5].

Мало кто обратил внимание на вышедшую в 1995 году книгу Александра Романова «Искры памяти», в которой есть глава о творчестве В. Белова. Поэт А. Романов в ней выступил как удивительный, необычный, «лирический» критик, знавший писателя лично:

«Я всегда поражался его безошибочному предчувствию событий и знанию того, что следует делать завтра, послезавтра и т. д. В глубине его зоркой сущности не истрачивается запас уже заранее обдуманых решений. Пусть не сразу и не всем очевидна бывает правота его позиции, но подтверждение ее всякий раз непременно наступает в жизни и обескураживает даже крупных людей» [9].

В первых десятилетиях XXI века идеологическое противостояние продолжилось. Николай Крижановский в статье «Русский витязь Василий Белов» (2009 г.) отметил, что писатель ведет бой с носителями «идеи глобального эгоизма», либеральной антирусской интеллигенцией: «Белов показал самый распространенный тип интеллигента-космополита, сыгравший решающую роль в начинавшейся в 1985 году разрушительной перестройке. Нетрудно узнать в Брише, а также его двойниках (академике, журналисте и прочих) А. Чубайса, Е. Гайдара, Г. Бурбулиса, В. Познера и им подобных застрельщиков разрушения России» [2]. Капитолина Кокшенёва творчество Белова рассматривает так же во всемирном контексте (статья 2012 года «Восставший»): «Естество вавилонской цивилизации иное, чем любит писатель, - естество называется глобализм и мировые общечеловеческие ценности, которые суть новое кольцо на теле старого змея - мировой революции соблазна» [1].

Серия статей Юрия Павлова: «СМИ о смерти Василия Белова» (2013 г.) [6], «Белов, человек и художник...» (Александр Солженицын о творчестве Василия Белова) (2015 г.) [7], «Привычное дело» В. Белова в критике разных лет» (2017 г.) [8] и др. – одна из самых значительных. Разборы так называемых критических «произведений» русскоязычных авторов отмечены подлинным профессионализмом. Досконально зная тексты, Юрий Павлов бьет противников их же «оружием», демонстрируя их фактические ошибки, предвзятость, плохо скрываемую, а то и открытую ненависть к «русскому ладу». Ю. Павлов ведет борьбу с либеральным сознанием, насильно внедряемым властью на протяжении даже не десятилетий, а веков.

Важной работой последних лет стало литературоведческое исследование Л.Г. Яцкевич «Крестьянская смеховая культура в произведениях В.И. Белова» (языческие и христианские традиции) (2019 г.), в ней Яцкевич подчеркнула теперь уже положительную вековую связь творчества В. Белова с народной и литературной традицией: «Писатель Василий Иванович Белов является наследником поэтики древнерусской литературы в новых культурно-исторических условиях. Как и в произведениях древнерусской литературы, для которой характерно взаимопроникновение фольклорной и книжной словесности, в творчестве В.И. Белова также наблюдается тесное взаимодействие книжного и фольклорного начал» [11].

В своей книге о Белове Юрий Селезнев предсказал: «Литература как художественно воплощенное мироотношение сегодня, как никогда прежде, все более становится и полем и оружием современной борьбы идей, которая определяется, как мы знаем, противостоянием социалистической и капиталистической систем, противоборством национально-освободительных, патриотических движений расизму, неоколониализму, космополитическому империализму. В конечном счете — борьбой двух мироотношений: созидательно-творческого с хищнически-паразитическим, воинствующе потребительским. Мироотношение, художественно убедительно воплощенное в творчестве Белова, безусловно, имеет самое прямое отношение к современной всемирно-исторической борьбе идей и в этом плане уже сегодня заключает в себе мировую общечеловеческую значимость» [10]. Теоретические баталии «перестроечных» лет переросли в битвы экономические, в которых русские люди, не обладавшие властью и собственностью, были обречены. Теперь же противостояние перешло в прямое военное столкновение с мировыми силами зла.

Список литературы

1. Кокшенева К. Восставший / К. Кокшенева; [предисл. и послесл. авт.] // Вологодский ЛАД. – Вологда, 2012. – № 1 (25). – С. 3–11: фот. – (Уроки Белова).
2. Крижановский Н. Русский витязь Василий Белов - URL: <https://webkamerton.ru/2009/12/russkij-vityaz-vasilij-belov>
3. Оботуров В. Тревога и надежда. Роман Василия Белова «Все впереди» и его критики // Вологда литературная за 25 лет. – Архангельск, 1988. – С. 158 – 184.
4. Оботуров В. Глум, или кое-что об устоях сталинизма, о русском национальном характере и критиках «левых» и правых. Роман «Год великого перелома». – Вологда, 2003. – С. 26 – 46.
5. Оботуров В. Заложники. Завершая скорбную летопись. О романе «Час шестой». – Вологда, 2003. – С. 47 - 52.
6. Павлов Ю. СМИ о смерти Василия Белова // Наш современник. – 2013. - № 3. – С. 270 – 275.
7. Павлов Ю.М. «Белов, человек и художник...» (Александр Солженицын о творчестве Василия Белова) // Литературная Вологда-2015: альманах вологод. писателей. – Вологда, 2015. – С. 397 – 420.
8. Павлов Ю. «Привычное дело» В. Белова в критике разных лет // Беловский сборник. — Вып. 3 / Союз писателей России; Администрация г. Вологды: Вологодский гос. университет. - Вологда, 2017. - С. 10 - 14.
9. Романов А.А. Искры памяти / А. А. Романов. – Вологда, 1995.
10. Селезнев Ю.И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. — М.: Сов. Россия, 1983.
11. Яцкевич Л.Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В.И. Белова (языческие и христианские традиции) // Яцкевич Л.Г. Православное слово в творчестве вологодских писателей. – Вологда, 2009. – С. 206 – 223.

10.01.01

¹В.В. Башкеева д-р филол. наук, ²Е.Д. Монгуш канд. филол. наук¹Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Улан-Удэ, oaelun@mail.ru,²Тувинский государственный университет,
кафедра русского языка и литературы,
Кызыл, mongun2005@yandex.ru

КВАЗИСЕМЬЯ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

В статье в раннем цикле Гоголя рассмотрены два типа отношений в семье: между родителями и детьми, между мужьями и женами. Нарушение добросердечных отношений между обеими парами персонажей позволяет говорить о типе квазисемьи у писателя. Показана незрелость отцов, идущих на поводу своих незрелых желаний, во многом связанных с нечистой силой. Проанализирован в «Вечере накануне Ивана Купала» образ сироты как человека вне семьи, лишённого родового опыта.

Ключевые слова: *ранние повести Гоголя, квазисемья, родители и дети, мужья и жены.*

Идея семьи активно присутствует на страницах цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-1832). Достаточно назвать «Сорочинскую ярмарку», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством» и другие повести, чтобы понять, категория семьи относится к числу обязательных для писателя концептов. Целью статьи является поэтому анализ семьи как важнейшего содержательного и обязательного концепта писателя, определение ее типа. Как ни странно, но типология семьи у раннего Гоголя представляется открытым вопросом, с чем и связана новизна предложенного анализа.

Обращает на себя внимание уже один тот факт, что частотная для Гоголя семья обычно немногочисленна. Каков ее состав, если посмотреть на центральных героев? В «Сорочинской ярмарке» это три человека – отец Солопий Черевик, мачеха, дочь Параска, в «Майской ночи, или утопленнице» всего два – отец сельский голова Евтух Макогоненко, сын Левко Макогоненко, в «Ночи перед Рождеством» семьи также состоят из двух человек – Солоха, сын ее кузнец Вакула; казак Чуб, дочь его Оксана и др. По сути, и семья Черевика состоит из двух человек, так как мачеха откровенно пришлый элемент, наделенный к тому же приметами фольклорной, злой мачехи. Как видим, семьи центральных персонажей у Гоголя почти всегда неполные, уже в составе своем имеют какой-то изъян – исключен один из родителей, чаще мать, наличествует один ребенок.

Количественная минимизация семьи и показ родителей-вдовцов в целом характерны для русской литературы 20-30-х гг. XIX века. Чацкий как единственный сын и сирота, Софья как единственная дочь, Фамусов как вдовец («Горе от ума»), Онегин как единственный сын, «наследник всех своих родных» («Евгений Онегин»), Самсон Вырин как вдовец, Дуня как единственная дочь («Станционный смотритель»), Владимир Берестов как единственный сын, Лиза Муромцева как единственная дочь, их отцы как вдовцы («Барышня-крестьянка») и т.д. За этой очевидной доминантой шлейф большой традиции, и не только русской литературы, который свидетельствует о том, что в литературе Нового времени концепт «семья» эстетически осваивается сложно и не сразу.

Можно говорить о том, что семья у Гоголя состоит из родителя, взрослого и юноши-парубка или девушки, условно – из отцов и детей. Принадлежность к отцам предполагает взрослость, определенный возраст. И на эту взрослость «работают» социальный статус, например должность сельского головы, имущественный ценз, как у богатого по сельским

меркам казака Чуба, физиологические характеристики – дородность, полнота, отсутствие красоты, внешние приметы возраста вроде морщин, седины [об отцах как комических персонажах см.: 1].

Однако же есть то, что противоречит возрасту, - желание потакать своим личным, нередко фривольным интересам. Эти интересы побуждают вроде бы взрослых персонажей конкурировать со своими наследниками на поле личного выбора. Вообще вместо идеи наследования как естественного закона природы и социума воцаряется идея следования своим желаниям, отчасти легкомысленным, отчасти непристойным. Физиологический ракурс изображения поколения родителей распространяется как на мужчин, так и на женщин. Женщины - матери или мачехи, - средоточие похоти, вокруг них собираются искатели легкой наживы в отношениях. И хотя Гоголь всегда вовремя останавливается, рисуя какое-либо внешнее препятствие для грехопадения, сама интенция значима – показать «пожилую красавицу», жену или вдову как неверную, фривольную и завлекающую других мужчин половину.

Идея возраста как взросления, нарастания мудрости, заботы о наследниках и роде, степенности была ранее обозначена Пушкиным в известной цитате: «Смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный». И если у Гоголя степенных юношей нет, то ветреных стариков огромное количество. Старики, взрослые и осмеиваются как закоснелое, эгоистическое начало, и одновременно показано их стремление вырваться из своего возраста как из клетки. Быть может, поэтому В. Ф. Переверзев считал, что «роль смешить выпадает на долю отцов, а роль трогательная и красивая на долю детей» [9, с. 48].

Подобная трактовка старости вытекает из дуального романтического понимания возрастов как противопоставления молодости старости при очевидной доминанте молодости. Для Гоголя важна именно эта доминанта, которая принципиально отличается от степеней взросления человека в понимании XVIII в., например у Н. М. Карамзина в романе «Рыцарь нашего времени» с его четырьмя возрастами: детство – молодость – зрелость – старость.

В этой ситуации предпочтения личных интересов и искажения интересов у взрослых все борются со всеми – отец зримо с сыном, ибо знает о его выборе, сын - незримо или не ведая об этом - борется с отцом. Отец или мать становятся конкурентами детям. И в большей степени здесь неправо поколение отцов, именно оно заходит на территорию детей и лишает их права быть счастливыми или хотя бы удовлетворенными в их естественных желаниях и правах. Более того, отцы готовы решать свои дела за счет детей. Обладая полнотой освященной традицией власти, они дают или не дают позволение на свадьбу. В любом случае они дают его под принуждением – либо гипотетического наказания, как Солопий Черевик, либо – в случае с сельским головой – выполнения указания вышестоящего лица. Возможны, конечно, и другие варианты, когда трудности создания союза вызваны типом «разборчивой невесты» в модификации «девичьи капризы». Красавица Оксана начинает привечать Вакулу из страха потерять верного ухажера и остаться одной.

Очевидный эгоцентризм высвечивает в представителях старшего поколения их слабую сторону. С чем связана эта слабость? С незрелостью личности, которая может в определенных случаях обставаться квазисоциальными или квазиисторическими обстоятельствами, как это происходит в случае с сельским головой Евтухом Макогоненко, постоянно стремящимся вставить в любой диалог факт своего участия в поездке государыни Екатерины, личными факторами как в случае с Черевиком, подчиняющимся своей супруге. В других случаях наблюдаем сближение персонажа с миром нечистой силы, вплоть до отождествления: ведьма Солоха в «Ночи перед Рождеством» или колдун в «Страшной мести». Отцы в «Сорочинской ярмарке» и в «Майской ночи», мачеха Хивря в потенциале также сближены с миром нечисти. Их апелляция к нечистой силе постоянна. Автор упоминает «супружеские когти» Хиври, которые соотносятся с когтями ведьмы из «Майской ночи» - «будто у ней выпустились когти». Исследователи считают отцов несущими в себе «демонические черты» или «безвольно подчинившимся бесовскому влиянию» [2, с. 103].

Показ семьи не как союза близких людей, а как индивидов, конкурирующих между собой в важных жизненных вопросах, ведет к фрагментации семьи, к превращению ее в вынужденный союз мало связанных между собой персон. По сути это соседство неприятелей, которые в чем-то зависят друг от друга, потому до поры до времени сосуществуют. Семья превращается в квазисемью.

Интересен в цикле отмеченный Н. Ищук-Фадеевой образ «прекрасной бездны», который «представляет собой формулу оксюморонного гоголевского мира, сочетающего в себе страшное и прекрасное, небесное и дьявольское» [6, с. 19]. Квазисемья в этом смысле также становится воплощением оксюморонного мира Гоголя.

Особенно усиливается антагонизм, когда родители представлены как нечисть. В случае ведьмы Солохи это комический вариант, не имеющий особых отрицательных последствий для Вакулы, причем, каким образом затеялась связь между нечистой силой и человеком, Гоголь не проясняет. Родственность человеческого и бесовского у него выступает как аксиома. Совершенно другой, драматичный поворот данного союза показан в повести «Страшная месть» [о фольклорных и литературных мотивах см.: 3, с. 795, 799-801]. Колдун - мнимый отец, прямой посланник мира зла, «антихрист», задача которого разрушить покой близких людей. Здесь не просто антагонизм между отцами и детьми, но прямое преступление убийства колдуном жены, зятя, дочери и внука. В то же время актуализация злого начала в колдуне соотносится с ложными, ошибочными чувствами и действиями и Катерины, и Данилы.

Вынужденность совместного проживания, бессердечность, ведущие к фрагментации семьи, намечаются у Гоголя и по линии отношений мужа и жены. Муж и жена принципиально отличаются от влюбленных молодых, от невесты и жениха. Свадьба становится тем рубиконом, который отношения страсти, влюбленности, молодости, тяготения прерывает и погружает семью в атмосферу неприятия, подколов, раздражения, равнодушия: «Драма является всякий раз там, где над божественным Эросом протянет руку обыденность» [11, с. 504]. Показателен образ винокура из «Майской ночи», который характеризует жену так: «А для чего она мне? Другое дело, если бы что доброе было», - и далее мотивирует: «*Стара як бис*. Харя вся в морщинах, будто выпороженный кошелек» [4, с. 123]. Большое количество морщин в мире Гоголя – знак нечистой силы: у Яги из повести «Вечер накануне Ивана Купала» лицо сморщившееся, «как печеное яблоко». Не менее показателен рассказчик в этой повести, с сожалением констатирующий: «...под боком моя старуха, как бельмо в глазу» [4, с. 102]. Аналогичные отношения неприятия второй половины отмечают квазисемью Солопия Черевика и его законной сожительницы Хиври. Страдательной стороной становится здесь муж, которого супруга именует «дурень», «безмозглая башка», «дурень мой». Черевик, за глаза характеризуя жену «всякой дрянью», в общем-то даже и не ругается, а пытается восстановить баланс. Кум из «Ночи перед Рождеством» и его жена, проявляющая «радость ястреба» при виде полных мешков с рождественскими дарами, даже и не бывают вместе в своей хате, видятся только иногда по утрам. Комическая перебранка строится на обращениях «чертова баба», «дура», «негодный пьяница», и вновь страдательной стороной оказывается кум, которого жена бьет кочергой по пальцам.

Говоря о паре «муж – жена», особо следует отметить жену Данилы Бурульбаша Катерину, которая оказывается не только жертвой своего отца, но и той персоной, которая способствовала гибели мужа. Ее любовь к мужу и сыну с некоторого времени подвергается серьезным испытаниям. Уже после свадьбы, которую омрачил колдун, притворившийся козаком, Катерина испытывает противоречивые чувства. Это не только чувство коллективного страха перед нечистой силой, но и со-чувствие отщепенчеству колдуна. Ей жалко, что «никто из детей сызмала не хотел играть с ним» [4, с. 187], что встречные смеялись над ним. Объединение столь разнонаправленных чувств -сочувствие носителю зла со страхом перед ним - имеет взрывную силу.

Позднее, когда колдун предстанет в роли отца, ее сочувствие обретет конкретную основу – слепой долг дочери перед отцом. Исходя из него, Катерина прикрывается переживаниями за мужа («теперь изнемогает мой милый» [4, с. 191]), но фактически занимает сторону отца, своими полуковарными речами отвратив мужа от смертельного для отца выстрела из турецкого пистолета. При этом Катерина полностью перевернула ситуацию и вела речь не о возможной гибели отца, а как бы кликала гибель мужу. Одурманив ум Данилы, ослепив его чувства, она показала, что связь ее с нечистой достаточно сильна. И, наконец, завершающий эпизод освобождения отца-колдуна от неминуемой его гибели. Риторика отца сродни риторике обмана, ранее проявленного Катериной. Во всех случаях ее вела как бы нечистая сила, и она становилась не только жертвой отца, но и представителем своего проклятого рода.

Данная повесть выделяет важную для Гоголя идею о сложных отношениях в семье между мужем и женой, когда даже внешне верная жена может приближать гибель мужа. Бесовское начало в женщине не раз отмечали исследователи Гоголя [См.: 8, с. 65-79]. И эта семья является квазисемьей, в которой жена сущностно наступает на позиции мужа и постепенно доводит его до гибели.

Имеет смысл в рамках темы семьи посмотреть на бессемейных, на тех, кто волею обстоятельств оказался лишен семьи. И важнейший здесь герой – сирота Петр Безродный из «Вечера накануне Ивана Купала». Позиция сироты маркирована у Гоголя. Ее возводят к славянским обрядовым представлениям, когда сирота «воспринимался как лицо ущербное не только социально, но и ритуально<...> Главные герои большинства повестей «Вечеров» наделены чертами сиротства или полусиротства» [5, с. 18, 19]. «Сироты воспринимаются в хуторской среде «Вечеров» как опасная аномалия» [7].

Безродность делает человека слабым, выбивая из-под его ног опыт традиции и семейной силы. Когда возлюбленная Пидорка передает весточку о сватающемся ляхе, Петр смиряется с судьбой: «Так уж, видно, Бог велел»; более того, он идет в шинок залить горе: «Пропадать так пропадать!» [4, с. 104]. Сирота – это человек, который совершает ошибки и которого нечистая сила сама привлекает. После первой ошибки смирения с судьбой следует вторая ошибка – заключение договора с дьяволом: «...на все готов!»

Петр лично слаб перед идеей богатства, не только из-за желания не потерять Пидорку, купив ее отца, но и из-за бытовавшей среди казаков установки обогащаться любым способом, самым частым из которых были набеги «в Крым и Туречину». Именно внутреннее желание сказочно разбогатеть в мгновение ока становится базой как для заключения сделки с дьяволом, так и для убийства ребенка – третьей и роковой ошибки-преступления Петра.

Слабость Петра, однако, не беспредельна. Сирота не лишен человеческих чувств, и совершенное преступление подтачивает его изнутри. Способность потерять память становится не только наказанием, но и благодеянием, ибо не успокоившаяся в богатстве и союзе с любимой душа Петра говорит о присутствии Бога. Смерть героя, превратившегося в горстку пепла, и есть – вопреки пересудам односельчан – его возвращение к Богу.

Сирота, таким образом, обделен отсутствием как социального положения, так и правильного жизненного опыта. Все это делает его внутренне слабым, не умеющим противиться дьявольскому соблазну. Ему с его избыточным желанием создать семью как раз и не дано сделать это вдолгую, даже в случае женитьбы на любимой девушке. Наиболее частотная у Гоголя модель квазисемьи сменяется в данном случае на драматичную модель гибели человека ради семьи.

Сложность стремления к семье и пребывания в ней при всей полярности двух составляющих ее начал связана с качеством человеческого материала отцов и детей, мужей и жен, незримыми нитями связанными прежде всего с бесовскими силами, а также в лице детей с тяготением к божественному. Возможно, верна формула исследователя, что Небо у Гоголя – это Анти-Земля, а Земля – это Анти-Небо [10, с. 52].

Список литературы

1. *Башкеева В.В.* Комическое и страшное в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Вестник БГУ. Филология. - 2020. №4. - С. 40-46.
2. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. 686 с.
3. *Виницкий И.Ю., Дмитриева Е.Е., Манн Ю.В., Rogov К.Ю.* Комментарий. «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Страшная месть». // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003. С. 791-831.
4. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 920 с.
5. *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. М.: Флинта, 2013. 229 с.
6. *Ицук-Фадеева Н.И.* Все/всё в повестях Н.В.Гоголя: от слова к образу мира. М.: DorectMedia, 2014/ 396 с.
7. *Кацадзе К.* Родственные отношения в художественной прозе Н.В.Гоголя: внефабульное пространство <https://cyberleninka.ru/article/n/rodstvvennye-otnosheniya-v-hudozhestvennoy-proze-n-v-gogolya-vnefabulnoe-prostranstvo>
8. *Кривонос М.* Мотив «связи женщины с чертом» в прозе Гоголя // Поэтика русской литературы: к 70-летию Ю.В.Манна. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 366 с.
9. *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель, 1982. 512 с.
10. *Подорога В.* Nature Morte. Строй произведения и литература Н.Гоголя. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.
11. *Шамбинаго С.К.* Изображение любви у Гоголя // Н.В.Гоголь: pro et contra. Антология. Том 1. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2009. С. 498-522.

10.01.01

Л.В. Гурленова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Институт культуры и искусства,
кафедра культурологии и педагогический антропологии,
Сыктывкар, GurlenovaLV@syktsu.ru

РОМАН А. С. ЯКОВЛЕВА «ЧЕЛОВЕК И ПУСТЫНЯ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В статье представлены результаты изучения романа советской литературы 1920-х годов: на основе глав, повествующих о детстве, юности и молодости главного героя, с использованием структурного, мотивно-образного, тематического анализа выявлен не характерный для эпохи тип положительного героя.

Ключевые слова: персонажная система, художественное пространство, советская литература 1920-х годов.

А. С. Яковлев (1886-1953) – писатель, активно работавший в советской литературе с начала 1920-х годов и до своей смерти в 1953 году. Он является автором повести «Повольники» (1923), нередко упоминаемой в дискуссиях о стихийном и сознательном в изображении революции [3]. А. Яковлеву принадлежат роман об отношениях человека и природы «Человек и пустыня» (1929), рассказы и миниатюры о жизни природных существ («Лебеди», «Воробьи», «Глухарь», др.), книга о жизни Р. Амундсена. Его творчество развивалось в русле характерных идейно-художественных тенденций русской советской литературы этой эпохи и как будто не претендовало на какую-то особость позиции писателя. Однако взгляд из современности обнаруживает в нем нестандартные художественные решения и актуальные сегодня идеи, это делает **актуальным** возвращение творчества А. Яковлева в активный научный оборот.

Проза А. Яковлева как явление советской литературы 1920-1950-х годов. Материалом его произведений преимущественно была история и современная жизнь Поволжья (повесть «Повольники», роман «Человек и пустыня», др.). Знание писателями конкретной региональной жизни, местных особенностей культуры и языка было востребовано литературой: она стремилась отобразить многообразие жизни и культуры страны.

Вторая тенденция, в русле которой развивался А. Яковлев, – активное участие писателей в путешествиях по территории Советского Союза. Авторы активно публиковали свои произведения по итогам поездок, что поддерживало стратегическую задачу государственного строительства – содействовать пониманию советским человеком огромности своей страны – территориальной, культурной, ее исторического масштаба; эта тенденция актуализировала в литературе документальное начало. Оно пронизывало и почти все творчество А. Яковлева, в романе проявилось в форме подчеркнутой достоверности изображаемого.

Третья типологическая особенность литературы уже с начала 1920-х годов – усиление эпичности повествования, что было связано с масштабом изображаемых событий – глобальных изменений российского мира в эпоху революции и гражданской войны. Повести А. Яковлева по охвату изображаемого были близки роману (Повольники), роман (Человек и пустыня) также преодолевал свои жанровые границы в пользу возможностей эпического повествования.

На прозу А. Яковлева обратили внимание М. Горький и А. Луначарский, выполнявшие в ту эпоху роль главных организаторов литературного процесса. Известно, что М. Горький читал большое количество опубликованных произведений и рукописи, на многие из них отзывался рецензиями или советами, его мнение значительно влияло на положение писателей в современной литературе. А. Луначарский был автором обзоров современной

литературы, вел переписку с писателями. Он написал вступительную статью к книге рассказов Яковлева, высоко ценил его. Б. П. Куликов пишет, что М. Горький отзывался о его произведениях достаточно сдержанно [5]. Однако В. Петелин ссылается на письмо М. Горького Р. Роллану 1928 года, в котором содержится высокая оценка творчества А. Яковлева: «Хорошо растут Александр Яковлев, Каверин...» [7]. А. Яковлев признавался «своим» в среде советских писателей; для М. Горького и А. Луначарского художественные качества произведений являлись безусловной ценностью, поэтому то, что А. Яковлев был выделен ими из потока молодых писателей, свидетельствует о его художественном таланте. Однако в дальнейшем работ о нем было немного [2-8].

Роман «Человек и пустыня»: предварительные замечания. Роман опубликован в 1929 году. В нем изображается судьба четырех поколений купцов-староверов Андроновых: деда Михаила, успешно начавшего семейное дело по преобразованию заволжских степей; его сына Ивана, посвятившего свою жизнь развитию дела отца; внука Виктора (именно его глазами изображаются все события романа), он привлекает к развитию семейного дела научные знания, а также опыт преобразования неплодородных земель в Америке. В роман вводится рассказ о двух сыновьях Виктора, начало взрослой жизни которых приходится на время революции и гражданской войны.

В романе три повествовательных центра: жизнь купеческой семьи, освоение заволжских степей и революционная стихия; в первом из них созревают и формируются идеи, необходимые для двух других центров. Жизнь купеческой семьи и главного героя Виктора представляют мир, в котором все понятно, тепло и крепко устроено. В повествовании гармонично соединяются две традиции, которые в исследованиях противопоставляли друг другу: поэтизация жизни в трилогии Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и – приоритет изображения общественного устройства в трилогии М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты» [8; с. 239-240]. Обращение к опыту М. Горького, изобразившего социальную жизнь на переломе эпох, распространенное явление в литературе 1920-х годов и поэтому не удивительное для А. Яковлева. Но его интерес к лирическому пафосу автобиографической трилогии Л. Толстого в 1920-е годы свидетельствует о признании общечеловеческих ценностей как не зависящих от смены класса-гегемона. (А. Яковлев: «Простота, искренность, человечность и вместе настоящее величие – вот что для меня всегда будет идеалом, вот чем Толстой жив для меня сейчас и будет жить вечно» [7]).

Повествование о детстве, отрочестве, юности героя: роль в концепции романа. Оно строится на трех основных содержательных компонентах: повествовании о главном герое, изображении семейного купеческого круга и описании жизненного пространства персонажей.

Повествование о главном герое. Оно начинается с восьмилетнего возраста Виктора, далее его история дается как история открытия жизни, по которой его ведут Учителя. Главные из них – дед Михаил, он рассказывает внуку легенду о происхождении Змеевых гор и человеке с запада, который победил змея, охранителя пустыни; эта легенда станет основой жизненной программы героя. Отец учит сына вести семейное дело по преобразованию пустыни. Оба являются для Виктора примером любви к семье, делу. Виктор воспринимает учителем и отца своей жены купца Зеленова, который бесплодную землю превращал в поля и сады, даже видит в его деле выполнение святого писания. Виктор говорит с гордостью за совместное дело: «Вот и мы... боремся с пустыней, мы даем обществу хлеб, мы возделываем по-новому поля, мы, никого не обижая, создаем новые ценности...» [1; гл. О богатстве праведном]. Профессор академии Лихов дает ему научные знания для преобразования пустыни. Учителя содействуют формированию таких качеств Виктора, как верность своему делу, ответственность, трудолюбие, стремление к развитию и др., писатель, таким образом, создает впечатляющий образ положительного героя. Он укрупняет его ссылками на литературу: герой еще в детстве воображает себя Жильяном из «Тружеников моря» Виктора Гюго, с твердой волей и целеустремленностью, сравнивает море как масштабный

объект труда с пустыней, героя «... влекла история, те места, где говорилось о людях сильных, кипучих... герои Жюль Верна, Купера, Густава Эмара, Стивенсона, эти смелые люди» [1; гл. Ладья переплыла пороги].

Изображение купечества. Главными объектами изображения в этой группе являются дед Михаил и отец Иван Андроновы, старoverы. Писатель придает им неслучайный физический облик – они большие, крепкие, красивые люди, воспринимаются мальчиком как настоящие хозяева земли: «... пришел человек с запада и - поставил первый забор... в пустыне. Какими ветрами не валила его пустыня! /.../ Он представлял деда... Дед идет по пустыне и ставит первый забор» [1; гл. Герой сменяет героя]. Виктор ездил с дедом и отцом по хуторам, видел, как разумно они их устроили и продолжают строить, проводят воду на засушливых землях, мечтают сделать из пустыни сад. Герои думают не только о капитале, но и о душе, планируют что-то сделать для общества как меценаты.

В семье все любят друг друга: «Вставай, Витенька, вставай, мальчик золотой!» - воркует над кроватью бабушка [1; гл. Дом над Волгой]; когда умирает дед, «Витька заплакал в голос. Вдруг чей-то другой голос, странный и никогда не слышанный, заплакал над Витькиным ухом. Это плакал папа»; после смерти отца Виктор находит его записи, в которых много слов заботы и любви к нему [1; гл. Непонятный завет]. Родные изображаются достойными уважения и любви. Поэтизация этих образов достигается точкой зрения на них Виктора, любимого внука и сына, но дополняется и суждениями многих других персонажей. Смерть деда и отца становится горем для жителей города.

На протяжении романа эти персонажи последовательно рисуются как положительные фигуры. У Горького в романе «Дело Артамоновых», который воспринимали как некую повествовательную модель для романа Яковлева, персонажная система создавалась с другой установкой.

Описание пространства жизни. Первым в романе описывается дом деда; уже в это описание включаются основные сквозные образы художественного пространства романа, которые создают представление о жизненной благодати; образы имеют закрепленный в русской классической литературе смысл: «Сад большой-большой. Речка Сарга через самую серединку бежит - лентой светлой. /.../ В саду белый двухэтажный дом с широкой террасой... кудрявые яблони с выбеленными стволами... в комнатах чистота ... /.../ У деда есть книги..., ... картинки: красивые ворота с резными столбами да завитушками, а за воротами - большущий сад, на яблонях - яблоки золотые и птицы с голубыми хвостами» [1; гл. У Змеевых гор]; «Широкий балкон ... висит над садом. Как далеко видно с него! ... сад, весь зеленый, а дальше - Волга, широкая, голубая... /.../ Зеленые и белые беседки в саду. ... вода светлым ручейком всегда выливается из одного пруда в другой. Аллейки всюду, клумбы, деревья диковинные. А наверху... два кедра раскидистых» [1; гл. Дом над Волгой]; город Цветогорье – спокойный, раздольный, открытый Волге; Волга светится; кладбище старoverское на горах: «Там похоронили деда: в песчаной могиле, засыпали золотистым песком» [1; гл. Непонятный завет]. Основные сквозные образы: дом, сад, прекрасная растительность (яблони, кедры, липы, вишня, акация, сирень), Волга/вода, простор, белый/золотой цвет, свет, птицы (лебеди, др.), цветы – создают широкое, разнообразное, прочное жизненное пространство, личное, городское, природное, хорошо организованное, удобное, эстетичное. В следующих частях романа показывается, как легко может быть разрушено то, что создавалось столетиями.

Выводы. На материале жизни купеческой семьи в романе создается положительный герой, противостоящий культивируемым в советской литературе мировоззренческим установкам. Это человек из социальной группы «эксплуататоров», но он изображается нравственной личностью, созидателем, большим тружеником, развивающим свое «дело» не только ради капитала, но и общественного блага. В следующих главах, в которых изображается революция и гражданская война, автор сохраняет его роль положительного героя и глазами этого человека, ставшего лишним, создает трагический ракурс изображения разрушаемой жизни.

Список литературы

1. Яковлев А.С. Человек и пустыня. М.: Худ. литература, 1986. 526 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=587496&p=1>
2. Белова М.П. Творчество Александра Яковлева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 98 с.
3. Грознова Н.А. Яковлев Александр // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. /науч. ред. и сост. В. Н. Запевалов и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. С. 804-806. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10547>
4. Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920-1930-х годов. Сыктывкар: Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. 180 с.
5. Куликов Б.П. Один из летописцев эпохи: А. Яковлев (1886-1953) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Литературоведение. 1997. Сер. 7. №2. С. 210-216. С. 212.
6. Напольский С.И. Творчество А.С. Яковлева и некоторые особенности его стиля // Ученые записки Томского университета. 1964. №48. С. 53-60.
7. Петелин В.В. История русской литературы XX века: В 2 т. Т. I. 1890-е годы – 1953 год. М.: Центрполиграф, 2012. 926 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/istoriya-russkoy-literatury-xx-veka-tom.html?p=1>
8. Цирулев А.Ф. О жанровой специфике трилогий Л. Толстого и М. Горького // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 1. С. 237-241.

10.01.01

Ю.Н. Золотых, М. Г. Подопригора, М.В. Ардашева

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русской и мировой литературы и технологий обучения,
Ставрополь, m.ardash@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ И ТЕРНАРНОЙ МОДЕЛЕЙ МИРА
В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

В статье предпринимается попытка интерпретации романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» через призму современных концепций семиотики пространства.

Ключевые слова: *национальное сознание, экзистенциальное сознание, тернарная и бинарная модели мира.*

В данном исследовании предпринимается попытка рассмотрения одной из сфер духовной жизни современного общества – литературы – с точки зрения ее национальной и региональной специфики. Типологическим компонентом русского менталитета (топонимические характеристики), как видится исследователям, является экзистенциальное сознание, актуализированное современными социальными процессами (темпоральные характеристики), что определяет актуальность и новизну исследования.

Именно пространственный аспект лежит в основе рефлексий западников и славянофилов, в основе геополитических теорий, в частности, евразийства и теории Н. Я. Данилевского. Топонимические характеристики во многом определили и мистико-религиозное познание мира такими русскими философами, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В.В. Розанов, С.А. Булгаков, П. А. Флоренский, и др.

При этом главными проблемами выступали вопросы самобытности русской религии, культуры и истории, амбивалентности национального сознания, разобщенности или же единства (соборности) нашего народа.

Логико-категориальный статус России как границы между Востоком и Западом рассматривается В. Каганским в двух аспектах:

- 1) Россия как двупринадлежащее Востоку и Западу образование,
- 2) Россия как двунепринадлежащее образование.

Для первого типа характерно стремление к синтезу, космологическое мировосприятие, во втором типе, напротив, подчеркивается изначальный антиномизм, разорванность картины мира.

Представляется, что ментальная амбивалентность сознания русского человека заключена в противостоянии космологического и хаотического, тернарного и бинарного, центробежного и центростремительного мироощущения, что можно показать на примере разных позиций персонажа в общем маргинальном пространстве.

В. Каганский выделяет внешний и внутренний статусы персонажа. При этом внешний статус связывается с местом в системе, а внутренний – с определением себя в этой системе. Он выделяет 4 типа позиций. Для нас интерес представляют последние две позиции, которые можно совместить с тернарной и бинарной системами мироощущения и которые задают маргинальное положение героя: внешний статус выше внутреннего – лишний человек; внутренний статус выше внешнего – юродивый, блаженный [4]

Так, для «лишнего человека» характерны разорванность сознания, чувство одиночества, отчаяния, непонимания, резкое разделение на Я и они, стремление от общественного центра на периферию (действие в романе «Герой нашего времени», например, практически полностью протекает на Кавказе).

Образ блаженного гармонично сочетает в себе цельность и шизофреничность, его взгляд изначально космологичен, русский мир воспринимается им как цельный и соборный, одновременно с этим его духовная, культурная, социальная позиции – есть позиции свободного человека.

Итак, в структуру русского менталитета изначально включаются маргинальный и экзистенциальный компоненты, которые, в зависимости от положения человека в общем культурном пространстве, воплощаются в двух антиномичных моделях мира: тернарной и бинарной, космологичной и хаотичной.

Обратимся к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Мы помним, что события, описанные в произведении, в хронологическом порядке выстроены так: Печорин за громкую историю был отправлен из Петербурга на Кавказ и проездом остановился в Тамани, где произошло его столкновение с контрабандистами («Тамань»). Из действующего отряда, получив отпуск на лечение, он приезжает в Пятигорск и Кисловодск, где переживает роман с княжной Мери Лиговской и дерется на дуэли с Грушницким («Княжна Мери»). За эту дуэль он отправлен в крепость к Максиму Максимовичу, откуда отлучился на две недели в казачью станицу, где состоялось его пари с Вуличем («Фаталист»). В крепости разыгралась трагическая история с горской княжной («Бэла»). Три месяца спустя Печорин был назначен в егерский полк и отправлен в Грузию, побывал в Петербурге и еще через пять лет вернулся на Кавказ и отправился в Персию, встретившись по пути с Максимом Максимычем («Максим Максимыч»). Возвращаясь из Персии, Печорин умер (Предисловие к «Журналу Печорина»). Из этого следует, что топографически герой заключен в рамки между Петербургом и Северным Кавказом.

В силу своего геополитического положения Петербург является моделью всей России; это город, который остро выявляет все минусы и плюсы историко-культурных изменений. Именно в Петербурге амбивалентность тернарной и бинарной систем достигает своего пика, а противостояние Востока и Запада воспроизводится на уровне противостояния России и Европы. Этот город, все же, изначально тяготеет к рациональному, западноевропейскому мировосприятию, которое не может в силу законов логики совместить противоположные структуры. Поэтому для петербуржцев характерна бинарная модель мира. Двойственность, не предполагающую синтеза двух антиномичных стихий, чувствует и сам Печорин: «У меня врожденная страсть противуречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противуречий сердцу или рассудку» [6, с.64].

Северный Кавказ тоже является пограничной зоной (так называемой Rimland или «зоной-границей» [3]), но для культурного ландшафта этой местности более характерна тернарная модель мира, так как для границы «Россия – Восток» ближе чувственное, следовательно, более близкое к интуитивному, познание мира.

Продвижение героя от Петербурга на Северный Кавказ обусловлено поисками внутреннего стержня, способного объединить в мировосприятии героя две антагонистические стихии чувства и разума, причем поездка на Кавказ, представленная в романе как вынужденная, погружает героя в кавказский мир интуитивного постижения мира. В рамках этой системы персонаж не находит своего места, так как компонент рассудочного в нем не изымается.

Так же, как и географическое продвижение героя, развиваются его любовные отношения (хронологически): Мери – Бэла.

Герой на протяжении всего романа ищет свое место в раздвоенной жизни, и любовь – одна из форм его поиска. Образы Мери и Бэлы абсолютно противоположны, в них тоже противопоставляются Восток и Запад. Но обе героини схожи в одном – их внешний и внутренний статус в системе совпадают, то есть Мери – человек западного типа (ее даже называют на западный манер), а Бэла – восточного.

Поэтому, когда Мери попадает в маргинальную ситуацию, она чувствует дискомфорт («она была одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли» [6, с.69]), а Бэла погибает.

Печорин не смог обрести любовь ни с одной из них именно из-за того, что его позиция в системе (внешний статус выше внутреннего) не совпала с их позициями.

Единственной женщиной, вызывающей у героя правдивые чувства, является Вера. Их с Печориным сближает бинарная модель мира, Вера тоже не смогла выбрать что-то одно из жизненного противоречия. Но и эта линия изначально трагична: герои не могут быть вместе, потому что это означает выбор чувства для каждого из них, на который они не способны.

В конце концов, и Печорин (по дороге из Персии), и Вера (из-за неизлечимой болезни) погибают, и вызвана их гибель невозможностью выбора одной из систем.

В романе присутствуют персонажи и с тернарной моделью мира: Максим Максимыч и Ундины. Максим Максимыч олицетворяет человека, обладающего народной мудростью, этот персонаж смог синтезировать в рамках своего мироощущения и тернарную, и бинарную модели мира: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно ли порицания или похвалы это свойство ума, только оно показывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения»[6, с.24].

Образ Ундины передается мистически, сам Печорин так и не смог понять ее. Это связано с некой детской шизофреничностью героини, ее способностью принимать противоречивую действительность непосредственно и безболезненно. Она – как сама природа, в которой гармонично сосуществуют абсурд и разум.

Итак, в структуре романа «Герой нашего времени» обнаруживается скрытое противопоставление бинарной и тернарной систем на уровне идейного мира произведения, изображенного мира, а также на уровне композиции.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О характере русской религиозной мысли 19 века. «Современные записки», №42. С. 309—343.
2. Вергун Т.В. Этнокультурная маргинальность: философские аспекты анализа/ Автореферат. – Ставрополь, 2001, 21 с.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – Изд. 3-е, дополненное, Москва, «АРКТОГЕЯ – центр», 1999. 928 с.
4. Каганский В.Л. Вопросы о пространстве маргинальности // НЛО, 1999, №37 //Журнальный зал – русский толстый журнал как эстетический феномен. Портал. <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/3/voprosy-o-prostranstve-marginalnosti.html> (Дата обращения - 21.05.2022)
5. Пирогов Л. Важнейшее из искусств. //Топос. Литературно-философский журнал <https://www.topos.ru/article/883> (Дата обращения - 21.05.2022)
6. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – М., Изд-во «Азбука», 2020. 224 с.
7. Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. СПб.: изд-во БГТУ, 1996. 214 с.
8. Этнонациональная ментальность в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции / Под. ред. проф. Л. П. Егоровой. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. 260 с.

10.01.01

Ли Шуан

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, lstauren@gmail.com

ОБРАЗ ШАНХАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЩЕРБАКОВА

В статье рассматривается цикл очерков М. Щербакова «Шанхайские наброски», в котором создается образ города в 1920–1930-е гг. В основу цикла положены ситуации, объединенные сквозной проблематикой, связанной со спецификой китайской культуры, в которых раскрывалась её необычность и парадоксальность, сочетающаяся с гармоничностью и органичной обусловленностью настоящего прошлым, каждая из которых становилась поводом для размышлений об особенностях китайской культуры.

Ключевые слова: образ Шанхая, М. Щербаков, эмигранты, национальная специфика.

В литературе русской эмиграции сформировалось двойное отношение к Шанхаю: с одной стороны, критическое, с другой, – любовное. В русском понимании Шанхай был восточным городом, имеющим многочисленные «западные» черты. Писателей привлекали городские пейзажи, «европейские» – дома, экзотические детали местного быта – необычные выкрики мелких торговцев, бесконечные толпы на улицах Французской концессии, где проживала большая часть русского населения. По сравнению с «русским» Харбином Шанхай был городом динамичным и одновременно более «жестоким» по отношению к своим обитателям. Под красивой «внешностью» Шанхая скрывалось множество проблем – социальная несправедливость, бедность китайского населения и др. Европейский способ жизни Шанхая, его международный статус оказывался «фоном», который оттенял национальное своеобразие – лучше, чем это «делал» Харбин. Китайская культура привлекала русское население города богатой своей историей и нередко оказывалась предметом художественного изображения русских писателей-эмигрантов.

В шанхайском обществе присутствовал огромный разрыв между богатыми и бедными сословиями: русские эмигранты видели грязь, царившую в кварталах, где проживало китайское население, узнавали о тяжёлой жизни китайцев, и она вызывала у них сочувствие. Болезненные воспоминания о собственном прошлом позволяли русским людям понимать страдания китайского населения и его борьбу за лучшую жизнь. Интерес к разным аспектам жизни Шанхая помогал писателям понять культуру Востока и выразить своё отношение к борьбе китайского народа за свободу.

Литературная и культурная жизнь «русского» Шанхая до конца 1920-х гг. не была столь оживлённой, как в Харбине, поскольку это был город, сосредоточенный на торговле, финансах и экономике, а большинство россиян, живущих в Шанхае, были либо бизнесменами, либо простыми служащими, рабочими или полицейскими. В конце 1920-х гг. и особенно в начале 1930-х гг., после начала японской оккупации Северо-Востока Китая, значительное количество русских, проживавших в Харбине, было вынуждено переехать в Шанхай, в результате чего литературная культурная и жизнь русских в городе стала быстро развиваться, и в середине 1930-х годов он стал вторым по значимости (после Харбина) центром русской культуры в Китае.

М. Щербаков вошел в литературу как автор поэтических книг «Vitreaux» (Токио, 1923), «Поэма океана» (опубликованных в Японии), «Отгул» (1944); сборника рассказов «Корень жизни» (1943), повести «Черная серия» (1931), незавершенного фантастического романа «Токсин любви» (1931), эссе, рецензий, воспоминаний; он много переводил с английского,

французского и китайского языков на русский язык. В его творчестве важное место занимал образ города, где он жил, – Шанхая. Одно из таких произведений – небольшой цикл очерков «Шанхайские наброски» (1923–1930). Первые очерки цикла – «Каллиграф», «Нищие», «Муравьи», «Хав-Касты» – были опубликованы под названием «Шанхайские миниатюры» в издававшемся в Берлине «Балтийском альманахе» [4], последующие (под тем же названием) – спустя 6 лет в шанхайской газете «Слово» («Нищие», «Муравьи», «Вывески», «Бабочка»; «Шар», «Чо» [7]. В дальнейшем очерки, получившие окончательное название «Шанхайские наброски», были изданы в книге «Корень жизни» [5].

«Шанхайские наброски» включали в себя 6 очерков: «Каллиграф», «Нищие», «Хрустальный шар», «Вывеска», «Чэ» и «Поэма огня», которые раскрывали разные аспекты китайской культуры и современной действительности, а также их понимание писателем. Все шесть очерков объединялись проблематикой, связанной со спецификой китайской культуры: с одной стороны, – её необычностью и парадоксальностью (для стороннего наблюдателя), с другой стороны, – гармоничностью и органичной обусловленностью настоящего прошлым. В основу каждого очерка была положена конкретная ситуация, очевидцем которой оказывался автор, и которая становилась поводом для совместных размышлений автора и читателя о традициях китайской культуры, сохранявших значение для современности. В отдельных случаях писатель (хорошо знавший китайский язык), следуя некоторым принципам «китайской поэтики» [3], используя традиционные мотивы, символы и образы. В очерках раскрывался «мир» Шанхая, «знаками» которого становились каллиграфия, вывески, раскрывающие ассоциативный ряд китайского сознания, уникальное отношение китайцев к «фактуре» – материалу и форме древних предметов («Хрустальный шар»), древние буддийские и даосские верования («Поэма огня»), повседневные привычки китайцев, – например, отношение к еде как к средству общения («Чэ»).

В названии очерка «Чэ» использовалось китайское слово, написанное на «русском пиньине» (точнее, на русском варианте транслитерации китайских иероглифов – «палладице»); обозначающее «приём пищи». Автор раскрывает статус «Чэ» в китайской повседневной жизни: «Весь быт Китая переплетён с иероглифом “Чэ” [吃 – еда]. Квадрат – символическое изображение рта – стоит его корневым знаком. Еда, самый её процесс, играет в китайской жизни огромную роль. Магическое слово «чэ-вэ» (или «чи-фан» на Севере) прерывает самую срочную работу, способно остановить самый жестокий бой между армиями враждующих генералов» [6, с.144].

Писатель отталкивался от расхожих российских представлений о том, что китайцы «всё время едят»; используется в очерке и другое стереотипное представление о том, что из-за развития «общественного питания» в Китае повсюду есть рестораны, и поэтому китайским жителям не нужно готовить пищу дома: «...Зачем это, когда пар над котлами закопчённых харчёвок всех разрядов почти круглые сутки непрерывно восходит к небу?» [6, с.144]. Для автора оказывался важен не сам факт еды и способов её употребления, а осмысление её роли в китайской культуре как средства, обеспечивающего здоровье человека и гармонию с природной средой, и демонстрирующий её роль в повседневной и праздничной жизни. Автор отмечает различия между китайским и русским праздником и делает выводы о некоторых особенностях быта китайцев: «...Китай пьёт сравнительно очень мало своего жёлтого пахучего рисового вина, и увидеть пьяного китайца – исключение» [6, с. 145].

В очерке «Поэма огня», развивая размышления о своеобразии жизни китайцев, автор попытался осмыслить китайские религиозные традиции на примере китайского Нового года – Праздника Весны, – и воспроизвёл внешние признаки новогоднего Шанхая: фейерверки, свечи, бумажные деньги и изображение бодисатвы. Автор описал храм Хон Мяо – «Радужную Кумирню», посвящённую Богине Милосердия Гуань Инь. Он отмечает, что храм был создан в уникальный период истории, когда Китай и Россия существовали в рамках единого государства: «Кублай-Хан, завоевав Хан-Балык, теперешний Пекин, правил им и одновременно Москвой» [6, с.147].

Посещая храм, автор и его спутники стремятся в максимальной степени следовать китайским традициям, объясняя это важностью храма для китайцев и сравнивая увиденное с тем, что он знает о древних религиях других стран. Для него важно показать, что храмовое действо – не мёртвый религиозный культ, ушедший навсегда в историю, а свидетельство живой веры народа, которая подчёркивается описанием постоянного движения людей вокруг огня: *«Все движется, но шума нет, как нет и благоговейной тишины храма. Только потрескивание огня, шарканье ног и смутный гул голосов»* [6, с.148]. Эту же мысль выражает символический образ живого «жёлтого огня», который противопоставляется «мёртвому» искусственному свету европейской цивилизации: *«Вы, живущие мёртвым светом Эдисона, запаянным в стеклянных шариках, – посмотрите, порадитесь хоть раз в году на живой желтый огонь Матери-Азии!..»* [6, с.149].

Образ Шанхая в литературе русской эмиграции 1920–1930-х гг. существенно отличался от образа этого города в китайской литературе этого периода. В стихотворении «Шанхайское впечатление» Го Можо (1921), рассказах «Партия санкюлотов» Цзян Гуанцы (1927), «Радуга» (1929) и «Полночь» (1933) Мао Дуня особый акцент делался на социальных проблемах и противоречиях, изображении революционного движения и страданий простого китайского народа. Такие различия были обусловлены своеобразием русской культуры и литературы дальневосточного зарубежья, а также уникальным местом, которое она заняла в системе китайской культуры первой половины XX в.

М. Щербаков познакомил русских читателей с культурными традициями и обыденной жизнью Шанхая, что помогало им понимать культуру Китая. Таким образом, мы можем сделать вывод, что произведения писателя сыграли большую роль в китайско-русском межкультурном взаимодействии.

Список литературы

1. Ильина-Лаиль О. Восточная нить. СПб.: Изд-во журнала «Звезда». 2003. 288 с.
2. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: в 4-х т. Т. 1: Проза: в 3-х ч. Ч. 3 (Р – Я). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. 283 с.
3. Кондаков Б.В., Чжан Юаньюань. Китайская поэтика в творчестве В. Перелешина // Казанская наука. 2021. № 6. С. 13–16.
4. Щербаков М. Шанхайские миниатюры (переводы с китайского) // Балтийский альманах. 1924. № 2. С. 43–49.
5. Щербаков М.В. Корень жизни. Шанхай: Врата, 1943.
6. Щербаков М.В. Одиссеи без Итаки: повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.
7. Щербаков М.В. Чо // Слово. Шанхай. 1930. 16 марта. С. 14.

10.01.01

М.Г. Подопригора, Ю.Н. Золотых, М.В. Ардашева

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русской и мировой литературы и технологий обучения,
Ставрополь, m.ardash@yandex.ru

ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье рассматриваются особенности сложно - синтетического мироощущения Андрея Белого, как элемента символического нигилизма и обретения новых духовных стимулов.

Ключевые слова: *мироощущение, нигилизм, психологизм, национальная стихия, символизм, бессознательное, мотив, перспективные направления.*

Чувство кризиса – от научных представлений до понимания истории – является едва ли не наиболее характерной приметой культурного пространства рубежа 19 – 20 веков. Эту эпоху в истории русской культуры называли «Серебряным веком», ярким представителем которого был символист Андрей Белый (1880 – 1934).

Сложно-синтетическое мироощущение Андрея Белого вбирает в себя и элементы символистского нигилизма, и обретение новых духовных стимулов – чувство «второй зари», и тяготение к реальности современной для автора жизни, и попытку угадать за нею грядущие судьбы России. Все эти представления проецируются Белым на идеи, уже проработанные предшественниками. «Три имени выделяются для меня совершенно особенно: Ницше, Достоевский и Ибсен. Я прочитываю в них единообразие в их устремлении к грядущему и пытаюсь сблизить их конкретный язык с языком В. Соловьева» [2;с.55].

Например, значение Достоевского для Белого состояло в равной мере как в художественных достижениях писателя, так и в поднятых им философских вопросах и в нравственно-религиозной проповеди.

Историософская проблема «Восток-Запад» в сознании Белого опиралась на разработку этой темы у Достоевского, который выступил в качестве идеолога нового для второй половины 19 века направления – «почвенничества».

«Почвенничество» для Достоевского — это, во-первых, связь с родной землей, со стихией русской жизни, и, во-вторых, всечеловечность, отсутствие в душе русского человека национального эгоизма. Последняя идея с особенной силой будет высказана им в «Слове о Пушкине».

Искусство начала 20 века не было искусством традиционного психологического анализа. На смену психологизма Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова приходит символизация, но не в узкотерминологическом значении слова, а как важнейшая ступень, ведущая к новым формам художественного обобщения. Традиционный психологизм в искусстве уступает место изображению ситуаций, когда выявляются состояния героя, действующего в соответствии с не всегда им самим осознаваемыми импульсами. Именно они оказываются в ряде случаев стимулом становления его как личности. Пренебрегая психологическим анализом, Белый вводит читателя в сферу зрительных восприятий – как отдельного художественного образа, так и серии психологических состояний, через которые проходят многие его герои.

С другой стороны, Андреем Белым была создана концепция человека, неизвестная искусству предшествующего столетия. В ней писатель представил героев своих произведений не в борении добра и зла, как Достоевский, а в более широкой перспективе –

на грани двух сфер существования, двух миров: сферы быта и трансцендентного бытия. Это, согласно Белому, такие свойства натуры человека, какие в любых других условиях открыты быть не могут.

При этом у автора возникает необходимость воспроизведения скрытых от внешнего взгляда, подчас неведомых самому персонажу произведения таких его действий и поступков, которые невольно приводят к вторжению в бессознательное героя. Белый раскрывает действительный характер категорий бессознательного, лежащих, как он считал, в основе всякой деятельности человека, показывает подсознание как разрушительные страсти, бушующих в переходные исторические эпохи.

Но поскольку Белым двигала не логика научного анализа, а художественное, образное мышление, его открытия проявлялись во вполне определенных образах и категориях, в художественных структурах, в которых персонажами становились мотивы и категории бессознательного.

О неоднослойности психики человека догадывались уже в древневосточной философии. А. Шопенгауэр рассматривал бессознательное как стихийное жизненное начало, многоликое проявление воли в мире. Согласно Э. Гартману бессознательное дает каждому существу то, в чем оно нуждается для своего сохранения. З.Фрейд принадлежит приоритет в открытии бессознательного как автономного, не зависящего от сознания безличного начала человеческой души: «Все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное» [5, с. 428].

У Белого двухбытийное существование на грани быта и трансцендентного бытия само по себе уже подразумевает наличие бессознательной области, куда природа спрятала знание человека о своем прошлом, о его праистории.

Выделим главные мотивы творчества Белого: всеобщая взаимосвязь явлений, отдаленных друг от друга продолжительными промежутками времени; мотив отвержения городской буржуазной цивилизации и связанный с ним мотив бегства из города; поиск путей к установлению всеобщего братства людей и связанный с ним мотив неизбежной гибели в случае, если пути эти отысканы не будут; мотивы вечного возвращения, поиска истины.

Главный мотив романа «Серебряный голубь» (1909) – мотив близкого потрясения, взрыва, которому предназначено поколебать основы российской государственности. Художественное исследование темных начал народной жизни и мистики представляет роман Белого, которому удалось создать совершенно новую поэтику художественного творчества, в которой образы бессознательной сферы, приходя в сложное взаимодействие с категориями сознания, создают атмосферу всеобщей тревоги и ожидания гибели, разрушения.

Андрей Белый в своем творчестве отказывается от представления о художественном тексте как планомерном и логически построенном повествовании. В основе поэтики символизма лежат те вторичные по отношению к реальной действительности, но считавшиеся первичными значения, выступавшими в художественном произведении в виде знаков иной – объемной действительности, которая могла быть воспринята не рациональным, а интуитивно-чувственным путем. Интуитивное познание в данном случае шло путем выявления ассоциативно-образной, ассоциативно-символической системы связей.

Проза Белого – это воспроизведение цепи катастроф, сквозь которые проходят герои произведений, выходя к новой сфере существования совершенно другими, преображенными людьми. Катастрофы, как главная доминанта в развитии образа героя, не могут дать о нем представление как характере только типическом. Образы у Белого – символы, своеобразные условные обозначения, которые глубоко отражают катастрофическую эпоху начала 20 века. Связи между словами у Белого имеют не семантический, логически обрисованный характер, а скрытый, музыкальный, ритмический. По Белому человек знает больше того, что дает ему рациональное сознание. Это знание своеобразно сохраняется в недоступной сфере бессознательного, проявляя себя в виде инстинкта. Отсюда повышенное внимание писателя к ассоциациям, способным проявить внутреннюю взаимосвязь явлений, проникнуть за грань невидимой оболочки фактов.

Творчество Белого насыщено ассоциациями. Ассоциативно-образный стиль мышления возникал не случайно, потому что интуитивно-образное проникновение в сущность окружающего для писателя – главное средство познания действительности, оно более истинно, в отличие от опытного и рационального знания.

Множество новаций внес Белый в словесное искусство. Он первым стал писать ритмизированной прозой, разработал подробную символику цвета и звука, приводя и то, и другое в соответствие с содержанием; выработал новое представление пространства художественного произведения и понимание времени. Символизм ставит себе целью уяснить соответствие между отдельным человеческим «я» и всем остальным миром. Как писал Андрей Белый, «мировоззрение и школа символизма суть одновременно и макрокосм и микрокосм» [1, с. 5.]. И в этой теоретической установке отчетливо проступает характерная пространственно-временная тенденция его творчества: охватить человека и мир вокруг него во всем богатстве и многообразии их проявлений. Характерной чертой поэтики автобиографической прозы А. Белого является то, что на вполне уютной домашней и бытовой сцене писатель сумел вывести космос иных пространств и времен.

Э.И. Чистякова, исследователь эстетики символизма, отмечает, что «в символистском мироощущении время оказалось замкнутым или сведенным в точку, а смерть как культурная и эстетическая категория неизменно присутствовала в сознании художника символиста» [6; с. 10-11.]. Например, в автобиографической трилогии А. Белого не идет речи о действительном конце времени, можно говорить разве что о «собранности» времени к концу. Время словно бы застывает, вобрав в себя прошлое, настоящее и будущее, и становится мгновением, развернутым в вечность. «Такое мгновение не отменяет, а преобразует время. Можно сказать, что оно соразмерно целому времени, как его актуально данная полнота или сведенная в одну точку бесконечность его моментов» [1; с. 147.]. «Я уже не в мире, но я и Он - одно» [2; с. 110.]

Ритмическая проза Белого – явление не только новаторское, но и уникальное. Здесь обобщенно-символические образы-характеры, действующие в обобщенно-символических обстоятельствах, должны в многозначительной форме обрисовать положение России.

Список литературы

1. *Белый А.* О символизме // «Труды и дни». - 1912. - № 12. http://musaget.narod.ru/trudy_i_dni.htm (Дата обращения: 25.05.2022)
2. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. 478 с.
3. *Быстров Н.* Художественное пространство в раннем творчестве Андрея Белого // *Вопр. лит.* – 2006.- Май-Июнь. С.10-11.
4. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15-ти томах. – Л., «Наука», 1989. Том 4. 784 с.
5. *Фрейд З.* Психология бессознательного. – М., 1989. 428 с.
6. *Чистякова Э.И.* Эстетико-философские взгляды Андрея Белого: Автореф. дис., канд. филос. наук. – М., 1999. 21 с..

*10.01.01***А.Н. Ушакова**

ОЧУВО «Международный инновационный университет»,
Нижегородский институт,
кафедра гуманитарных дисциплин,
Нижний Новгород, alexush@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПОКОЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.К. ОЛЕШИ

В разных книгах Ю.К. Олеси обнаруживается общая тема времени. Одной из стабильных манифестаций времени является категория поколения, связанная с понятиями рода, социума, мировоззрения. Категория поколения интерпретируется в контекстах исторического и личного времени.

Ключевые слова: *поколение, время, интеллигент, Ю.К. Олеша, "Три толстяка", "Зависть", "Список благодетелей".*

В начале романа "Три толстяка" (1924) читатель знакомится с персонажем, которому будет суждено сыграть важную роль, - доктором Гаспаром Арнери, представленным одновременно талантливым ученым и обычным пожилым господином: "Доктор Гаспар был человек немолодой и поэтому боялся дождя и ветра" [4, с. 111]. Он принадлежит прошлому в классическом его варианте: интеллектуальному, утонченному, интеллигентному. Именно такой персонаж внезапно вовлекается в революционные события. Он теряет все вещи, но признается тетушке Ганимед в том, что самым "тяжелым несчастьем" является пленение оружейника Просперо. Погружение в активное действие помогает обнаружить в старом докторе юношескую энергию. Гаспар Арнери, вопреки физической прикрепленности к прошлому, мировоззренчески соотносится с настоящим и будущим. Для нового мира особенно ценным оказывается вступление в него представителей старшего поколения. Доктор Гаспар Арнери, клоун Август, гвардейцы, отказывающиеся служить Трем Толстякам, поддерживают мятежников. Молодость обычно ассоциируется с освободительным движением, созданием нового мира, но силач Лапитуп свою силу отдает на службу Трем Толстякам и поэтому должен остаться в прошлом. Сложный поколенческий конфликт актуален и для других текстов.

С мировоззренческого противостояния начинается роман "Зависть" (1927). Вокруг Андрея Бабичева создается сияющее пространство, в котором вещи любят хозяина. Николай Кавалеров признается в том, что его вещи не любят. Разрыв между Кавалеровым и Бабичевым связан со степенью вписанности действующих лиц в бытийственную систему. В сцене мытья Бабичев сравнивается с жизнерадостным мальчиком, вокруг которого прекрасное весеннее утро. Кавалеров тоже вспоминает свое детство, связанное с ощущением превосходства перед отцом, представлявшимся ему готовым, законченным. В двадцать семь лет Кавалеров, глядя в зеркало, узнает в себе отца и признается в собственной завершенности. Категория будущего времени сопрягается с юностью, ростом. Кавалеров утверждает, что он уже не будет ни красивым, ни знаменитым. "Необычайная любовь", о которой когда-то он мечтал, оборачивается старым лицом вдовы Прокопович. Ее возраст (сорок пять лет) сигнализирует о поколенческой дистанции, но снова главным является не физическая ипостась времени, а духовная, идеологическая. Кавалеров не способен встроиться ни в систему Вали и Володи, ни в систему Андрея Бабичева и его единомышленников. Он тяготеет при этом к миру старшего поколения, что подтверждается его связью с Иваном Бабичевым и вдовой Прокопович, имеющими отношение к прошлому, но лишенными сияющих перспектив.

Иван выступает против брата. Отец хочет мстить за украденную дочь и поруганные чувства старой эпохи. "Заговор чувств", во главе которого он стоит, призван ненадолго реанимировать мир с классическими ценностями. Врагом Иван называет и Володю Макарова: "Андрей слушается его во всем. Он, этот мальчишка, <...> - новый человек!" [4, с. 70]. "Мальчишка" - это ироническая поколенческая характеристика. У этого юного "нового человека" абсолютное преимущество перед старым поколением, что признает Андрей, но отвергает Иван. Отказ от старой идеологии, прежних чувств и веры символизирует сохранение молодости, а верность прошлому означает наступление старости. Кавалеров на приглашение Ивана пить "за молодость, которая прошла", кричит: "Не прошла молодость! <...> Завтра же <...> я убью вашего брата..." [5, с. 94] Николай не только не убивает Андрея Бабичева, но и растворяется в старом отцовском мире, в котором место Вали занимает вдова Прокопович. Этот мир он делит с Иваном Бабичевым. Частично мы можем согласиться со следующим утверждением: "Иван выступает не как соратник Кавалерова, но, скорее, как его идеологический противник", он "подчеркивает его непригодность для новой эпохи" [3, с.146]. Благодаря брату Андрея Петровича Николай окончательно отторгается от современности и будущего, но философия Ивана оказывается близка Кавалерову. Иван Бабичев - двойник героя. Через него выражается тоска по утрачиваемому миру и его чувствам. В романе Иван просит Валу выколоть ему глаза, признаваясь в том, что все чувства в новом мире остались, что он заблуждался. В финале пьесы "Заговор чувств" Кавалеров, не сумев зарезать Андрея, умоляет своего противника ослепить его: "Я должен быть слепым, чтобы не видеть вас... вашего праздника... вашего мира..." [4, с. 438]. В этой сцене утрируется идеологическая несовместимость с эпохой.

Кавалеров молод, но не нужен эпохе. Он думает о своем возрасте, ускользающем времени, невозможности добиться той славы, образ которой был сформирован еще в детстве. Андрей Бабичев зрел, но угоден современному миру. Все силы отдавая практическому служению, он не испытывает необходимости рефлексировать. Желание физически уничтожить Андрея неосуществимо, так как Бабичев сильнее Кавалерова. В нем больше энергии молодости, чем в молодом интеллигенте, потерявшем смысл существования. О том, как интеллигенция пытается встроиться в новую социально-политическую систему, пишут драматурги в 1920-е годы. Появляется образ героя, откровенно диссонирующего с постреволюционным миром; "образы формирующейся "советской интеллигенции", со временем сменившей интеллигенцию старую, наряду со свойствами и характеристиками интеллигентов "старой формации", демонстрируют и принципиально новые черты, которые будут предъявлены позже, в середине 1930-х годов" [2, с. 138]. Поколение рожденных в конце девятнадцатого века разделяется на три группы: принявших революцию, отвергнувших ее и сомневающихся в своем выборе. Именно мировоззрение во многом определяет преждевременную старость в контексте нового мира. На рубеже 1920-х - 1930-х годов Ю. К. Олеша работает над пьесой "Список благодетелей", в которой создается образ сомневающегося интеллигента. В. Э. Мейерхольд, вовлеченный в процесс создания и редакции пьесы, «воплощает на театре тему судьбы интеллигента в послереволюционной России: "человека между двух миров"» [1, с. 588].

О связи мировоззрения и возраста говорит актриса Леля Гончарова, приехавшая из страны Советов на гастроли в Париж: "Революция лишила меня прошлого и не показала мне будущего. <...> Смотрите, что делается со мной: волосы мои седеют. Я была гимназистка <...>. И в тот год произошла революция" [4, с. 453]. Шершавые руки, седеющие волосы - это знаки преждевременной старости, связанной с идеологическим кризисом, знаки искусственного изменения поколенческих границ. В ответной реплике коммуниста Федотова тоже возникает мотив молодости и старости: "Вы думаете, что буржуазная Европа так же молода, как и вы. Это развалившийся храм, а вы поклоняетесь обломкам его колонн" [4, с. 454]. Старость синонимична упадническому прошлому. Федотов не слышит замечания актрисы о ее седеющих волосах - метафоре духовного старения в чуждом мире. Он подчеркивает контраст между ее молодостью и завершенностью, неактуальностью Европы.

Федотов тоже молод и с воодушевлением поддерживает новый мир, но он не является интеллигентом, поэтому легче выстраивает диалог с настоящим. Николай Иванович Татаров относится к поколению эмигрировавших отцов, называет себя русским интеллигентом, что, по его убеждению, связывает их с Гончаровой. Учитывается не формальная разность поколений, а родственное мировоззрение, в котором ключевым концептом является тоска. Татаров убежден в том, что высокомерие Гончаровой ложное, и стремится разоблачить ее. Николай Иванович окружен теми, кто отстал, выпал, потерялся, кто тоскует, вопрошает, не находит ответа. Называя себя "жалким изгнанником", Татаров маркирует внепоколенческую смысловую доминанту: чуждость новой идеологии. О потерянной молодости скорбит Дмитрий Кизеветтер, в двенадцать лет бежавший с отцом. Судьба его соотносится по мере трагизма с судьбою Гончаровой, не сумевшей стать органичной частью нового мира. Старые ценности, мечты уничтожаются, и у Кизеветтера никогда не будет невесты, потому что, по словам Татарова, "распалась связь времен" [4, с. 463]. Если Гамлет чувствует ответственность за распавшиеся скрепы и страдает от невозможности восстановить порядок, то Татаров откровенно деструктивен, жесток. Он готовит для Гончаровой своеобразную мышеловку в виде бального платья, чтобы разоблачить актрису перед большевиками, уверенными в ее неподкупности. Татаров - Гамлет наизнанку. Верно то, что связь времен распалась, но за данным признанием следуют действия, усиливающие распад. Гончарова, исполняющая роль Гамлета, оказывается его подобием. Она подолгу размышляет, задаёт вопросы, сомневается, боится сделать неверный шаг, стремится быть честной. Эгоизм поспешной молодости побеждается в ней серьезностью зрелости.

В романах, пьесах, рассказах, дневниковых записях Ю. К. Олеша часто пишет о разных поколениях, чьи особенности связаны с мировоззренческой системой, которая соотносится с кризисным историческим периодом. Представители поколения отцов могут вписываться в новый мир, а сознание некоторых молодых людей диссонирует с постреволюционным контекстом, что вытесняет их на темпоральную периферию, уравнивает с поколением отцов, не принявших изменения. Преодоление мировоззренческого кризиса возможно лишь в трагической перспективе.

Список литературы

1. Гудкова В.В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем "Список благодетелей". М.: Новое литературное обозрение, 2002. - 608 с.
2. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х - начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 456 с.
3. Комия Митико Три Толстяка в романе "Зависть": система персонажей в романах Ю. Олеша / Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 4. С. 140 - 147.
4. Олеша Ю.К. Ни дня без строчки: романы, повести, рассказы, пьесы, воспоминания. СПб.: Азбука, 2015. - 992 с.

10.01.01

Ян Хао

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, 1145842816@qq.com

ЖУРНАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ «ЛАСТОЧКА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ХАРБИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В работе рассматривается один из самых известных детских журналов дальневосточной эмиграции «Ласточка», который издавался русскими предпринимателями в китайском городе Харбин в 1930-х годах XX века. Основанный на традициях русской классической литературы и ставший популярным на территории Маньчжурии, журнал «Ласточка» представляет собой социокультурный феномен.

Ключевые слова: дальневосточная журналистика, детский периодический журнал, журнал «Ласточка».

В современной научной среде за последние десятилетия возрастает интерес к изучению русской зарубежной дальневосточной литературы и журналистики. Долгое время данный аспект был не изучен в силу ограниченности изданий и территориальной обусловленности. Фактически слабо анализирована издательская и журналистская деятельность для детей и юношества русских «харбинцев» – эмигрантов, выехавших из России после событий Октябрьской революции 1917 года за линию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Эмигрантское издательство «Типография Заря» в период с 15 октября 1926 года по август 1945 года выпускало в Харбине детский журнал «Ласточка». Издание предназначалось для детей младшего возраста и выпускалось два раза в месяц. Изначально данный журнал не пользовался успехом, так как первый главный редактор А.Я. Буйлов не смог организовать грамотное продвижение. В связи со сложившейся ситуацией редактор принял решение продать нерентабельное издание предпринимателю Е.С. Кауфману.

В пилотном выпуске первый главный редактор А.Я. Буйлов писал: «Мы глубоко убеждены, что издаваемый нами журнал необходим в каждой семье как постоянный спутник ребенка. Стихи, рассказы и сказки, вполне понятые и дающие детям не только гармонию звука, но и красочное изображение в красивой речи близких им картинок разных моментов их собственной жизни, или иллюстрирующие природу и животный мир, как нельзя лучше помогают, во-первых, развивать ум, сердце и эстетические наклонности подрастающего человека; во-вторых, учат красиво говорить на родном языке и, наконец, незаметно укрепляют память, что так важно в детском возрасте» [3, с. 2].

Редактор А.Я. Буйлов верно отметил вектор дальнейшего развития журнала, но он не смог его реализовать. Помимо перечисленных задач, детская литература должна также «отражать все ценностные ориентиры миропонимания как целостной органической системы, охватывающей не только сферу материальной деятельности, но и сложность человеческих отношений» [1, с. 177].

После выкупа бизнесменом Е.С. Кауфманом, детский журнал «Ласточка» по своему наполнению стал состоять из 16–19 страниц и печататься на качественной бумаге. Журнал по меркам своей эпохи был неплохо иллюстрирован, художественным оформлением занималась опытный редактор Е.А. Васильева.

Основными рубриками журнала «Ласточка» были: «Почему и отчего?», «Подумайте-ка!» (интеллектуальный раздел), «Наши читатели – сами писатели» (публиковался творческий опыт маленьких подписчиков), «Английский уголок», в дальнейшем преобразованный в

«Ниппонский уголок» (в рубрике читателей обучали основам языков). Помимо перечисленных рубрик на страницах «Ласточки» появлялась реклама, адаптированная под детское чтение. В основном рекламировались детские магазины, ателье, библиотеки, продовольственные товары. Представленные коммерческие объявления являются свидетельством устойчивых деловых отношений в Харбине.

На страницах «Ласточки» публиковались такие авторы, как А.А. Ачаир, поэт Саша Черный, Е.А. Васильева. К примеру, свет увидели произведения Алексея Ачаира (1896–1960) «Воробы», «Веселые снежки», «Петя-негритос». Опубликованы стихотворения Саши Черного (1880–1932) «Колыбельная песня», «Сверчок», «Когда никого нет дома», «Как засыпает трусишка», «Костер», «Враги».

Популярностью среди русских «харбинцев» пользовалась художественный редактор «Ласточки» Е.А. Васильева, которая публиковала произведения под псевдонимом «Юрка». Она писала о похождениях своих персонажей в форме четырехстопных хореических четверостиший:

«Солнце греет, что есть мочи...

Как ему не стыдно греть?!

Бобик наш гулять не хочет, –

Он боится загореть...».

[5, с. 4–5].

Авторы и редакторы «Ласточки» стремились приобщить своих юных подписчиков к классической русской литературе, создавали для них механизмы аккультурации и инкультурации в китайской языковой среде.

Любовь к России является основной темой издания. В № 7 за 1933 год вышла публикация «Самая чудесная страна на свете», в ее основе лежит рассказ отца сыну про Родину. Материал пронизан любовью к России: «Папа, а мы поедem в Россию?», «Конечно поедem, дорогой, обязательно поедem!.. Как в гостях ни хорошо, а дома все же лучше!» [7, с. 60].

Но «к концу 1930-х – началу 1940-х годов акцент издания на русском материале заметно ослабевает: повествования о России, русском быте, народных обычаях сменяют стихи и рассказы о Маньчжурии, переводы китайских сказок. В «Ласточке» появляются публикации, в которых все сильнее проявляется интерес русских изгнанников к их «второй родине»: «В горах Ляошана» (№ 5 от 1 марта 1939 г.), «Почему в Дайрене теплее, чем у нас?» (№ 3 от 11 февраля 1942 г.), «О маньчжурских богах и праздниках фонарей» (№ 6 от 15 марта 1942 г.), «Маньчжурский Новый год» (№ 5 от 1 марта 1942 г.), «Цеховые значки у китайцев» (№ 11 от 1 июня 1942 г.) и др. Сопки Маньчжурии, китайские праздники, драконы, добрые и злые духи – все это явственно свидетельствовало о вступлении русских эмигрантов в адаптивную фазу аккультурации. <...> Поэтому дети русского зарубежья, рожденные в 1930–1940-е годы, оказывались более подготовленными к жизни в стране, предоставившей им убежище» [2, с. 166].

Другой важной темой для журнала «Ласточка» была религиозная проблематика. В ежегодных рождественских и пасхальных выпусках публиковались стихи, сказки, статьи, пьесы, которые поддерживали у юных читателей интерес к православным традициям. К примеру, в статьях «Почему устраивают елку?» [3, с. 21] и «Почему празднуют Пасху?» [4, с. 46] представлено переложение легенды о рождении и воскрешении Христа.

Редколлегия «Ласточки» помимо журналистики занималась благотворительной деятельностью. На страницах журнала находим статью «Елка бедным детям. Отклики читателей на призыв Мариночки Дорохиной»:

«<...> редакция «Ласточки» получила один доллар и следующее письмо от двух своих читателей: «Г. Редактор. Мы разыграли в лотерею два всеера за 1 рубль. Этот рублик посылаем Вам и просим передать его самой бедной девочке; пусть она себе купит подарочек на елку, – что она хочет». Аля Макарова, Тамара Гурылева.

Читатели «Ласточки» откликнулись на призыв доброй маленькой Марины Дорохиной, и к моменту печатания этого номера в редакцию поступил пакет вещей от ВИКТОРА РОМАНОВА и пакет с игрушками от ЮРЫ ОСИПОВА. Доллар Али Макаровой и Тамары Гурьевой и пожертвованные Виктором Романовым и Юрой Осиповым вещи, а также все то, что «Ласточка» получит до Рождества, будет передано возглавляющему «Дом Милосердия» епископу Нестору, который и распределит все между нуждающимися. Редакция, со своей стороны, передает епископу Нестору для призываемых им детей некоторое количество номеров «Ласточки» за прошлый год».[6, с. 98]

Редакторы «Ласточки» оказывали помощь нуждающимся, не оставляли русских детей без внимания и заботы. При этом «политическая и культурная ситуация России 1920–1940-х годов не находила своего отражения на страницах журнала: эмигранты словно намеренно избегали освещения прямых оценок происходящих в Отечестве событий. <...> Деликатно, сквозь недомолвки и недосказанность в «Ласточку» пробивалась трагическая проблема современности – раскол России. Таким способом детская литература и журналистика в эмиграции воспитывала и сохраняла в подрастающем поколении чувство Родины, но избавляла сознание малышей от чувства ненависти к виновникам их изгнанничества» [2, с. 165].

Таким образом, феномен журнала «Ласточка» заключается в том, что данное издание формировало читательские вкусы у детей, оказавшихся в изгнании, и стремилось сделать так, чтобы русские дети не забывали свой родной язык. Статьи на страницах издания выполняли гедонистические, познавательные, воспитательные функции, функцию текстовой аккультурации и эстетического воспитания.

Анализ содержания журнала «Ласточка» издательства «Типография Заря» позволяет сделать заключение о том, что доминантой данного издания было жизнеутверждающее начало. Представленная периодика оказывала непосильную помощь своим маленьким читателям в адаптации к условиям новой жизни эмигрантов.

Список литературы

1. Бабкина Е.С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945гг) [Текст] : дис. ... док. филол. наук : 10.01.10 / Е.С. Бабкина – Санкт-Петербург, 2018. – 406 с.
2. Бабкина Е.С. Русскоязычный иллюстрированный журнал для детей младшего возраста «Ласточка» (Харбин, 1926–1945 гг.) // Детские чтения. 2015. № 1 (007). – С. 145–167.
3. Ласточка : журнал (1926) / ред. А.Я. Буйлов. – Харбин: Заря. № 1 // ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
4. Ласточка : журнал (1932) / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря. № 9 // ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
5. Ласточка : журнал (1932) / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря. № 11 // ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
6. Ласточка : журнал (1932) / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря. № 21 // ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
7. Ласточка : журнал (1933) / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря. № 7 // ГАХК, НСБ, инв. № 3028.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10***Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций,
Кафедра национальных и глобальных медиа,
Казань, waledd.1994@yahoo.com, rbakanov@yandex.ru

**СЛАГАЕМЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В TELEGRAM-КАНАЛЕ
ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ**

В статье представлены результаты изучения слагаемых формирования публицистического образа действительности в творчестве известного в России и в некоторых других странах журналиста и блогера Марины Ахмедовой. Материалы исследования: 200 оригинальных публикаций указанного автора в ее личном Telegram-канале за период с 01.03.2022 г. по 10.07.2022 г. Методы исследования: проблемно-тематический, лексико-стилистический и функциональный анализ медиатекстов М. Ахмедовой. Авторы статьи выяснили, что слагаемыми формирования публицистического образа действительности в творчестве данного блогера стали: наглядность / документальность повествования, рассказ о судьбах и поступках простых, проживающих в условиях войны, людях и подачи информации от первого лица блогера.

Ключевые слова: журналистика, социальные медиа, публицистический образ действительности, репортаж, детализация повествования, судьба человека, военный конфликт на Украине, Марина Ахмедова.

В настоящее время авторские социальные медиа стали для россиян, пожалуй, единственным источником получения альтернативной, но далеко не всегда точной и объективной информации о событиях в стране и за ее пределами. Федеральные телеканалы в основном предлагают сюжеты пропагандистского характера, игнорируя много тематических направлений и социальных проблем кроме спецоперации на Украине. Редакции многих популярных негосударственных федеральных изданий в сложившихся условиях были вынуждены или существенно скорректировать свою «повестку дня», или приостановить работу на неопределенный срок. Разные мнения на многочисленные события (освещаемые или замалчиваемые в СМИ) сейчас можно узнать только из альтернативных медиа. Их владельцы и авторы для значительной части российской аудитории стали известными, уважаемыми и авторитетными людьми.

Вряд ли специалисты какой-либо исследовательской компании назовут точное количество блогов и аккаунтов соцсетей в Рунете, ведь их численность может изменяться ежеминутно. Чем их больше, тем мощнее их ресурс информационно-психологического воздействия на сознание аудитории с определенными целями. Манипулятивная практика социальных медиа все чаще становится предметом научных исследований во всем мире (см., например, труды Д.П. Гавры, И.М. Дзялошинского, А.А. Левицкой, С.Г. Кара-Мурзы, Ф.С. Кудзиевой, А.В. Манойло, В.В. Погребняка, С.В. Расторгуева, А.П. Федорова, С.К. Шайхитдиновой и многих других). Наряду с этим, среди блогеров есть индивидуумы, обладающие образным стилем изложения информации, который может быть интересен как с образовательной точки зрения (для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Журналистика»), так и с исследовательской позиции (изучение слагаемых формирования публицистического

образа героя). Авторы данной статьи считают, что, наряду с работами иных российских публицистов, одним из примеров для познания и возможного внедрения некоторых особенностей стиля в повседневную практику региональных журналистов может должно стать изучение слагаемых творческого мастерства известного отечественного журналиста и блогера Марины Ахмедовой.

Как указано на ее персональном сайте, она родилась в Томске, по образованию филолог, лингвист. «Переехав в Москву, училась и работала в небольшой издательской компании, выпускающей медицинскую газету для врачей и пациентов. Журналистом стала случайно: редактор медицинской газеты отправила ее на задание, заметив писательский талант. После этого некоторое время Марина Ахмедова работала под псевдонимом и написала массу статей о сексе. Работала в журнале “Русский репортер” (медиахолдинг “Эксперт”) с момента его основания в 2008 году. Начиная специальным корреспондентом, с 2014 г. до окончания издания журнала была заместителем главного редактора. В настоящее время является постоянным автором журнала “Эксперт”. Специализация – интервью, репортажи на социальные темы. Много работала на Северном Кавказе. С 2014-го по 2018 гг. освещала военный конфликт на территории Украины и Донбасса» [4]. Автор восьми книг, Лауреат двух премий: «Искра» (высшая премия в области печатных СМИ) и «Общественная мысль». Мониторинг опубликованных на ее ресурсе текстов позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время публициста интересуют социальные значимые темы, характерные для мирной жизни. Но насколько справедливо данное наблюдение для ее Telegram-канала?

Цель статьи: выявление и изучение слагаемые формирования публицистического образа действительности в Telegram-канале российского журналиста и блогера Марины Ахмедовой. *Объектом* исследования является творчество М. Ахмедовой, *предметом* исследования – слагаемые формирования публицистического образа действительности в Telegram-канале М. Ахмедовой.

Эмпирической базой исследования стали 200 оригинальных публикаций указанного автора в ее личном Telegram-канале за период с 01.03.2022 г. по 15.07.2022 г.

При выполнении исследования мы использовали следующие *методы*: функциональный анализ медиатекстов М. Ахмедовой (было установлено их функциональное своеобразие); проблемно-тематический анализ (сформирован рейтинг интересующих автора социальных проблем и/или явлений); лексико-стилистический анализ публикаций (выявлено своеобразие стиля данного автора, а также слагаемые его формирования медийного (публицистического) образа действительности).

Научная новизна исследования заключается в выявлении слагаемых формирования публицистического образа действительности в Telegram-канале М. Ахмедовой. Несмотря на то, что этот автор уже заслужил себя имя как журналист и редактор, специфика его творческого почерка, слагаемые формирования публицистического образа героев ее публикаций до сих пор оставались, на наш взгляд, недостаточно изученными даже на уровне бакалаврских выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Данная статья может отчасти восполнить пробел.

Практическая значимость результатов исследования заключается в предоставлении возможности начинающим и уже опытным журналистам выбора творческих приемов и слагаемых для формирования медийного (публицистического) образа героя. Это позволит сформировать не только авторское, но и объективное общественное отношение к конкретной личности или происходящим событиям, глубже посмотреть на них сквозь призму социального контекста, а также даст возможность работникам СМИ создать разностороннюю картину мира для своей целевой аудитории.

Изучением вопросов и проблематики, связанной с видами и слагаемыми публицистического образа и медиаобраза, его влиянием на аудиторию, в разные годы занимались И.А. Балалеева, Е.Н. Богдан, Т.Н. Галинская, В.И. Здорова, М.Н. Ким, Л.Е. Кройчик, Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина, Я.В. Пархоменко, Е.П. Прохоров, Д.В. Туманов, В.В. Ученкова, Л.В. Хочунская, Д.Д. Цилюрик, М.С. Черепанов. Широко

известна классификация публицистического образа, предложенная М.И. Стюфляевой: образ-факт, образ-модель и образ-концентрат, каждый из которых также имеет свои подвиды [5, с. 46-72]. В данной статье, говоря о медийном (публицистическом) образе, мы опираемся на определение, сформулированное Х. Цзясином и В.Д. Таказовым: «Специфический образ, созданный массмедиа с использованием скрытых и явно выраженных оценочных средств. В конструировании медиаобраза ведущую роль играют ценностные и идеологические установки редакции и журналистов, через призму таких установок происходит формирование общественного мнения» [6, с. 280]. Медиаобраз не возникает сам по себе, он формируется исходя из конкретных слагаемых-характеристик, на которые считает нужным обратить внимание автор журналистского текста.

Проведенный нами проблемно-тематический анализ текстов Telegram-канала М. Ахмедовой (на 17.07.2022 г. у ресурса имелось 66062 подписчика) позволил сделать вывод о том, что подавляющее большинство прямо или косвенно из них связаны с проведением вооруженной спецоперации на Украине. Наша героиня – репортер, пишет и обсуждает исключительно важные, социально значимые события. Через несколько дней после начала событий в ДНР и ЛНР она уехала туда, являясь теперь военным журналистом. В каждом из многочисленных сообщений М. Ахмедова старается передать особенности существования человека в прифронтовой местности. Почти в каждом сообщении выражена ее авторская позиция, которая была обобщена в публикации от 03.07.2022 г.: «Я много раз говорила (и устала повторять) – Украина обстреливала Россию еще летом 14-го. Я это видела своими глазами. Но об этом не говорили – старались изо всех сил удержаться от войны. А потому и никаких сомнений нет в том, что, если бы не 24 февраля, мы бы проснулись в один прекрасный день марта, апреля, а нас обстреляли. Или не проснулись, как сегодня пятеро в Белгороде» [1].

В результате проведенного исследования мы выявили следующие слагаемые формирования публицистического образа действительности в творчестве военного корреспондента М. Ахмедовой.

Во-первых, *наглядность / документальность*. Находясь на месте событий, блогер, используя метод включенного наблюдения, старается вести объективную трансляцию. Многие из ее сообщений содержат фото или короткие видео. Если визуальный ряд отсутствует, автор замещает его репортажным повествованием. Оно всегда субъективно, но, на наш взгляд, способствует усилению доверия со стороны аудитории к репортеру. Сформировать нужный блогеру или журналисту медийный образ события или человека без этого критерия мы считаем невозможным. Вот лишь одно из ее кратких сообщений: «В подвале с нами были дети. Я посмотрела на Лену и Юлю. Ещё пять минут назад у них было бодрые живые лица, сейчас они посерели, под глазами легли круги. Я подумала, что у меня, наверное, сейчас такое же лицо. И я слышала – я действительно слышала – как у Юли, будто маленький зверёк, стучит сердце. Через пять минут мы выползли из подвала. Город был пуст» [2].

Во-вторых, *рассказ о простых людях, жителях ДНР и ЛНР, которые смелые, привыкли жить в условиях конфликта, их трудно испугать*. День за днем М. Ахмедова передает нам поступки таких персон. Они не известные, не выдающиеся, не совершают подвигов (хотя по мысли М. Ахмедовой жить на войне – уже подвиг), они привыкли существовать в условиях военного времени. Автор и здесь не отступает от репортажного стиля, раскрывая сущность людей, как правило, либо через диалоги с ними, либо пересказывая разговоры, свидетелем которых пришлось быть блогеру: «Рядом с этой женщиной, чью ногу вы видите на фотографии, лежит украинский пленный. Фамилия женщины Мороз. Если бы она могла встать, дошла бы до его палаты, чтобы посмотреть ему в глаза и спросить – «За что?». Она возвращалась с огорода, когда ее подняла взрывная волна, помотала в воздухе и бросила на уже разрушенный дом, где ее переломанные ноги смешались с обломками шлакобетона. Когда она открыла глаза, увидела только непроглядную черноту. Ей было очень больно. И сейчас больно. Но самое страшное – страх, который поселился в ней навсегда. При звуках

прилетов она от страха вжимала голову в плечи и немолодое лицо становилось еще желтей. Она сказала, что поддерживает смертный приговор, вынесенный иностранным наемникам. Сказала со злостью. «А зачем они приехали нас убивать?». Она сказала, что, если бы ей дали автомат, она бы сама привела приговор в исполнение» [3].

В-третьих, *повествование от первого лица, искренность автора*. Субъективное восприятие происходящего помогает автору не только выбирать сюжеты для своих сообщений, но и больше соответствовать ожиданиям своей аудитории. Подписчикам Telegram-канала М. Ахмедовой представлена хроника-летопись вооруженной спецоперации на Украине, субъективность авторского взгляда и выбора темы. Ежедневно демонстрируя ужасы войны, блогер активно применяет прием натурализма, внимания к конкретным «деталям», которые о чем-то могут сказать аудитории. Как правило, в каждой из них содержится пример поведения солдат ВСУ (противника), которые характеризуются блогером как «ужасные», «бесчеловечные», «подлые». Конечно, данный автор не так красноречив и беспощаден к врагу, как публицисты периода Великой Отечественной войны, но стратегической целью каждого из сообщений и ведения личного Telegram-канала для М. Ахмедовой является, на наш взгляд, во-первых, формирование положительного общественного мнения о правильности решения о начале вооруженной спецоперации на Украине и, во-вторых, формирование положительного мнения о действиях российской армии и поведении местных мирных жителей.

Список литературы

1. Авторский Telegram-канал Марины Ахмедовой: сайт – 2022. – 03 июля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/s/Marinaslovo> (дата обращения: 18.07.2022).
2. Авторский Telegram-канал Марины Ахмедовой: сайт – 2022. – 03 июля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/s/Marinaslovo> (дата обращения: 18.07.2022).
3. Авторский Telegram-канал Марины Ахмедовой: сайт – 2022. – 05 июля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/s/Marinaslovo> (дата обращения: 18.07.2022).
4. Биография Марины Ахмедовой [Электронный ресурс] // Официальный сайт Марины Ахмедовой: сайт. – URL: <https://ahmedova.com/about/> (дата обращения: 18.07.2022).
5. *Стюфляева М.И.* Образные ресурсы публицистики. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.
6. *Цзяин Х., Таказов В.Д.* Медиаобраз Синьцзян-Уйгурского автономного района в публикациях российских СМИ (на примере онлайн-версий изданий «Российская газета» и «Известия») // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т.11, № 2. – С. 278–292.

*10.01.10***Д.С. Ищенко**

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
Краснодар, di_k_art@mail.ru

**ПРОЕКТНО-ПРОЦЕССНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
В РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье рассматриваются проблемы трансформации организационно-управленческих структур в области журналистики и издательского дела. В частности, выявляются особенности формирования модели проектно-процессной деятельности на предприятиях издательской отрасли и в редакциях СМИ.

Ключевые слова: проект, организационно-управленческие структуры, проектно-процессная деятельность.

В деятельности современных предприятий большинства отраслей всё чаще наблюдается тенденция перехода от традиционного долгосрочного планирования к работе над отдельными временными мероприятиями, которые посвящены достижению определенных часто краткосрочных целей и способны своевременно реагировать на запросы потребителей в условиях быстро меняющегося рынка. Зачастую подобный уход от долгосрочного планирования бывает связан с реализацией предприятием конкретных строго ограниченных по времени проектов.

На предприятиях издательской отрасли и в редакциях СМИ проектная деятельность приобретает всё большее значение и становится более востребованной. Применение проектной деятельности позволяет усилить контроль и повысить эффективность использования всех ресурсов предприятия. В современном обществе, построенном на принципах конкурентоспособности, её значимость возрастает во всех сферах общественной жизни.

Журналистика и издательское дело как отрасли, напрямую связанные с производством «информационного продукта», не исключение. В редакциях, издательствах и издающих организациях наблюдается явный переход к новым организационно-управленческим структурам. Однако, если еще недавно проектная деятельность как разновидность организационных структур управления предприятием считалась одной из основных и инновационных, то сегодня ее использование в чистом виде считается не целесообразным и зачастую приводит к объединению с другими организационными моделями.

Сам принцип перехода к проектной деятельности на предприятиях издательской отрасли и в редакциях СМИ весьма давнее явление. Еще в условиях зарождающегося интернета в журналистике стало возможным говорить о появлении самостоятельных авторских проектов, которые виделись как инновационное явление в журналистике, но отчасти повторяли устоявшуюся и бывшую уже популярной колумнистику [2]. Эти проекты представляли собой популярный, хорошо посещаемый сайт, полностью создаваемый и поддерживаемый усилиями одного человека, где появляются результаты его журналистского творчества. Постепенно состав рабочей группы расширился, но суть оставалась прежней: все авторские проекты обладали уникальностью, работали на достижение конкретного результата, были подвержены рискам и изменениям и отзывались на них, а также были последовательны. Многие эти признаки сегодня используют для характеристики, теоретического описания и обоснования проектов в целом [5].

Вышесказанное стало основанием для появления понятия «медиа-проект», трактуемого как самостоятельный проект в сфере деятельности средств массовой информации [1]. Анализ реальной журналистской практики показывает, что в СМИ циркулирует множество разнообразных проектов, которые могут быть классифицированы по самым разным основаниям: реализуемости, проработанности, новизне, полезности и т.д.

В результате на практике становится важным не кто создает продукт, не какие действия произведены для его создания (сбор информации, ее мониторинг, написание текста, его редактирование), а какой продукт создан и какую функцию он выполнит, а все остальное вторично.

То есть осуществляется явный переход в сфере журналистики от процессного подхода к продуктному. И если изначально журналист «продавал» свои умения собирать информацию, обрабатывать ее и систематизировать, то теперь ему важно реализовать свой продукт, при этом и информация, собранная журналистом, и журналистский материал, готовый медиа-продукт, становятся «товаром».

В этих условиях полностью меняются принципы организации деятельности в редакциях. Раньше журналист добывал информацию и писал текст, на этом его сфера ответственности заканчивалась. Сегодня задача журналиста выдать готовый продукт или создать основу для цикла материалов, которые станут фундаментом для нового проекта. Сфера деятельности журналиста расширяется. Теперь статья не текст, а проект. Поэтому успешный журналист в новой среде, по замечанию А.А. Мирошниченко, «выступает автором не контента, а проекта» [3]. При этом качество процессов для успеха проекта имеет важное, но не первостепенное значение: первичны замысел и видение автором конечного результата. А процессы могут быть самые разные – от сбора материалов для написания текстов до способов привлечения внимания читателя. Все это говорит о необходимости журналисту быть и редактором, способным выстроить концепцию материала, определить его воздействие на аудиторию, и менеджером-маркетологом, способным сформировать стратегию его продвижения в читательской среде.

Таким образом, продуктный подход ведет к новому принципу организации труда – совмещению авторства и менеджмента. Автор материала как проекта поднимается до уровня редактора и руководителя проекта.

Однако, проектная деятельность, пришедшая на смену линейной, функциональной, линейно-функциональной и дивизиональной [4], была обусловлена не только организационно-управленческими изменениями, но и рядом технических аспектов. Это наиболее явно проявилось в рамках работы над издательскими проектами. Так использование средств оперативной полиграфии [6] проложило дорогу единичным проектам в издательском деле и печати «по требованию».

Показательно, что в рамках работы предприятий издательской отрасли традиционно выделяют текущие проекты и проекты развития, которые предполагают разные модели организации труда на производстве. Так текущие проекты предполагают деятельность, выстроенную по процессному принципу, который требует отработанных навыков и четкого алгоритма выполнения. Проекты развития напротив предполагают нечто новое, специальные выпуски или спецпроекты, которые «ломают» созданные шаблоны и требуют кардинальных изменений в организации системы труда.

Так на практике перспективное планирование позволяет выстроить процессную модель деятельности над постоянными проектами и рассматривать их в качестве текущей деятельности издательств. Однако параллельно издательства ведут работу и над перспективными проектами, которые выходят за пределы текущего планирования и составляют его внеплановую деятельность. В результате становится возможным говорить о проектно-процессной модели деятельности предприятий издательской отрасли.

При этом процессная модель организации труда в издательстве заключается в налаживании цепочки бизнес-процессов, реализация которой позволяет получать прибыль от основной текущей деятельности издательства. Но и проектная модель не может

функционировать и быть действенной без ряда обязательных процессов, к которым можно отнести работу с авторами, допечатную подготовку изданий, печать, деятельность по хранению и распространению и т.д. Именно поэтому предприятия издательской отрасли предпочитают выстраивать деятельность по проектно-процессной модели, где часть этапов выстраивается по процессному принципу, а другая часть этапов работает по проектному принципу.

Так, в сфере издательского дела этапы разработки концепции и допечатной подготовки могут выстраиваться по проектной модели, а инициация проекта, контакты с автором, деятельность по продаже, хранению и распространению готового продукта можно рассматривать как предпроектные или постпроектные бизнес-процессы.

Примечательно, что подобный симбиоз моделей свойственен и при организации деятельности внутри редакций. Поскольку в ряде редакций, занимающихся подготовкой того или иного периодического издания также появляются спецпроекты. Так, на сайте газеты «Комсомольская правда» в разделе «Спецпроекты» размещены проекты «Лица труда», «Берег добрых дел» и т.д., над каждым из которых работала команда, выстраивая деятельность по проектному принципу. Показательно, что электронные версии традиционных СМИ или страницы этих СМИ в социальных сетях тоже зарождались как самостоятельные проекты.

Таким образом, предприятия издательской отрасли и редакции СМИ традиционно ведут деятельность по нескольким направлениям, причем в одних случаях она организована по процессному принципу, а других – по проектному. В результате проектно-процессная модель деятельности становится ведущей в издательствах и редакциях СМИ, а управление проектами в условиях планомерной работы предприятий этих отраслей оценивается как одно из самых востребованных направлений деятельности нашего времени.

Список литературы

1. *Дзялошинский И.М.* Проективная деятельность в структуре журналистского творчества. – URL: <http://www.dzyalosh.ru/03-06-Process-Sozaniya/3-dzylochinskii.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
2. *Котова К.Ю.* Колумнистика в современных интернет-СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – №2 (237). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolumnistika-v-sovremennyh-internet-smi> (дата обращения: 10.05.2022).
3. *Мирошниченко А.А.* Как изменятся функции журналиста в 2019 году // Журналист. – URL: <https://jrnlst.ru/journalist-functions-19> (дата обращения: 12.04.2022).
4. *Симаков С.П.* Я б в издатели пошёл... – Екатеринбург : Издательство Баско, 2014. – 415 с.
5. Управление проектами. Термины и определения. – Москва: НИИ Корпоративного и проектного управления, 2014 // Экспертная библиотека Научно-исследовательского института корпоративного и проектного управления. – URL: expert-nii-kpu.ru (дата обращения: 10.05.2022).
6. *Шамилева Э.Э., Шаркова О.А.* Исследование типов производства // Инновационная наука. – 2015. – №11-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tipov-proizvodstva> (дата обращения: 22.10.2021).

10.01.10

Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
отдел текстологии,
Центр письменного наследия,
Казань, minnullina77@mail.ru, gulnara.zaineeva@mail.ru leilyashamilevna@mail.ru

КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. ИБРАГИМОВА НА ТАТАРСКУЮ ДРАМАТУРГИЮ

Статья посвящена актуальной и значимой теме – роли научного наследия Г. Ибрагимова в развитии татарского литературоведения и литературной критики. В статье рассмотрены литературно-критические статьи и теоретические исследования, посвященные татарской драматургии. На примере отдельных статей выявлены основные принципы и приемы анализа произведений.

Ключевые слова: критика, публицистика, Г. Ибрагимов, драматургия.

Жизнь и деятельность классика татарской литературы, видного ученого-гуманитария и публициста, государственного и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова занимает важное место в истории, культуре и литературе татарского народа. Это – выдающаяся личность, оставившая глубокий след в истории литературы. Кроме литературных произведений его перу принадлежат многочисленные критические и публицистические статьи, освещающие самые разные области гуманитарного знания, научные труды, учебники, хрестоматия по татарскому языку и литературе. Он является одним из основоположников татарской литературной критики, которая начала формироваться в начале XX века. Его творчество включало в себя изучение актуальных проблем литературоведения, истории литературы, методики преподавания, а также вопросов общего развития отдельных жанров татарской литературы. Писатель, в обогащении содержания и художественных форм литературных произведений, большое значение придавал фольклору. Ещё в статьях 1910-х гг. им был поднят ряд принципиальных вопросов, касающихся развития национальной литературы, татарской печати, национального театра, литературного языка, истории. При жизни его произведения предлагались читателям в виде публикаций в периодической печати, монографий, книг, сборников, учебников. В своих заметках, относящихся к татарской драматургии, театру, Г. Ибрагимов дает обстоятельную оценку режиссерской и актерской игре. Как известно, в начале XX века татарская драматургия переживала период становления, которая обогащалась новыми жанрами, обращала внимание на серьезные проблемы действительности, искала новые способы их выражения. 1910-е годы характеризуются созданием классических комедий и появлением новых жанров и жанровых форм: исторической драмы («Отважные герои родины» Ф.Туйкина), романтической («Учительница» Г.Исхаки, «Жалкая» М.Файзи), психологической («Зулейха» Г.Исхаки), музыкальной («Галиябану» М.Файзи, «Молодые сердца» Ф.Бурнаша); трагедии («Тагир и Зухра» Ф.Бурнаша) и др. Известно, что пьесы Г. Исхаки «Жизнь с тремя жёнами» (1900) и «Две любви», принесли на татарскую сцену серьезную новизну, прежде всего, в области идейного содержания. В статье «Наша национальная пресса» (1911), опубликованной в газете «Жизнь» («Тормыш») от 26 февраля 1911 года, Г. Ибрагимов высоко оценивает данные произведения. В последующие годы, Г. Ибрагимов резко начинает критиковать пьесы Г. Исхаки. В августе 1914 года писатель Г. Исхаки представил литературный образ независимой татарской женщины-учительницы в драме «Учительница», которая была напечатана в газете «Отчизна» («Ил»). Пьеса вызвала мгновенный отклик в печати, постановка на сцене взбудоражила общественность, разгорелся спор. Нужно отметить, в

критических статьях, написанных в начале XX века, драмы оцениваются в основном с трех позиций: идеи-содержания, новизны главного героя и вопрос о творческих принципах произведения. Ш. Ахмадеев высоко оценивая пьесу, справедливо отметил, что это начало нового периода в истории татарской драматургии. По мнению автора, в ней, отчетливо прослеживается знаменательный для национальной литературы процесс – наметившийся поворот в художественной мысли, переход от темного мира татарской жизни к воспроизведению ее светлых сторон. [1]. А. Мухетдинова в статье «Кто такая учительница Фатима?» (журнал «Аң», от 24 декабря 1924 года) оценивает драму в свете творческих принципов романтизма, называет главную героиню Фатиму жертвой любви. В 1915 году вышла в свет статья Г. Ибрагимова «Мөгаллимә»нең Уфада уйналу мөнәсәбәте илә», где творчество Г. Исхаки оценивается, как автора, не достигшего идейной целостности. Сравнивая творчество Г. Исхаки с представителями русской, европейской литературы Толстым, Арцыбашевым, Байроном, И. Гаспринским автор статьи пишет, что: «В Гаязе-эфенди нет ни одной идеи» [5, 78]. Исходя из названия драмы, критик выдвигает мысль, что «в произведении должна быть описана типичная, тяжелая судьба татарского учителя. «Учительница» – интересное произведение для чтения. Однако, его литературная и общественная мысль близка к нулю» [5, 81]. В пьесах Г. Исхаки раскрывается судьба нации, где автор имеет дело с новыми для татарской драматургии образами. Внимание писателя сосредоточено на последствиях несостоявшейся любви, внутренних переживаниях главной героини. И эту принципиальную новизну пьесы, отделяющую ее от предшествующей литературы, посвященной теме женской судьбы, зафиксировали и отзывы того времени. В пьесе угадываются веяния, идущие из опыта разных народов Запада и Востока. Это в первую очередь турецкая и русская литература [6, 142-144]. Благодаря именно таким девушкам, менялись обывательские представления о положении женщины в семье и обществе. Спорным является и вопрос творческого метода драмы. В статье А. Мухетдиновой «Кто такая учительница Фатима?» выдвигаются романтические принципы. Дж. Валиди выдвигает идею о слиянии творческих направлений реализма и романтизма [2, 209-218]. Г. Ибрагимов, в свою очередь отвергает их взаимопроникновение. По его мнению, использование романтических элементов в реалистической литературе или наоборот, нецелесообразно, и границы между двумя творческими методами должны быть четко определены. Пьеса Г. Исхаки «Учительница» («Мөгаллимә», 1913) синтезируется с реалистическими признаками. В итоге зародилась романтическая драма нового типа, отражающая жизненные мотивы. В статье «Татарский театр в «Восточном клубе»» (газета «Йолдыз», 1915, 25 января) Г. Ибрагимов выражает свое отношение к пьесе Ф. Сайфи-Казанлы. В процессе оценки образа Мухаммеда он останавливается на национальных вопросах и обвиняет отдельных людей в том, что они используют его в своих интересах. По мнению автора статьи, главный герой пьесы – Мухаммед видит цель жизни в служении народу. Он – идеалист-народник.

Плодом глубоких размышлений о судьбах родной литературы стал теоретический труд Г. Ибрагимова «Уроки литературы» (1916), в котором были заложены основы татарской поэтики. Литературовед сформулировал принципы оценки писателем литературных произведений. В вопросах разделения литературы на виды и жанры автор делает попытку проследить жанры татарской литературы на фоне мировой литературы. Мысли Г. Ибрагимова касательно литературы и народного творчества, помогают понять, с какой точки зрения он смотрел на историю литературы, на творчество отдельных писателей. Он одним из первых в татарском литературоведении уделил большое внимание вопросам ритма, повествования и стихосложения, драматургии. Второй раздел большого труда посвящен вопросу разделения литературы на виды и жанры. В работе небольшая глава посвящена татарской драматургии. Здесь подробно рассматриваются тенденции возникновения, развития татарской драматургии и т. д. Например, обращаясь к пьесе Г. Исхаки «Учитель», автор статьи показывает основные черты, свойства драматического жанра и подтверждает свою точку зрения конкретными примерами. Отличия драмы от других родов литературы

рассмотрены систематически: основные элементы ее поэтики, сюжетность; непрерывность цепи высказываний персонажей, конфликт, особенностей жанров драматургии и другие. Г. Ибрагимов называет три жанра драматургии: Драма делится на: 1) трагедию; 2) комедию; 3) драму в узком смысле [11, 208]. Как пишет автор, в данный период на литературном поприще пьесы, написанные в жанре трагедии, появляются редко.

«Несмотря на то, что после революции 1917 года Г. Ибрагимов был одним из лидеров революционного движения среди татар в политическом, общественном, идеологическом отношении, он продолжает научно-критическую деятельность» [3, 8]. В большинстве трудов писателя, написанных после Октябрьской революции, центральное место занимают вопросы отношения к культурному наследию прошлых лет, вопросы развития татарской литературы, в том числе и драматургии в новых условиях. В статье «Новые произведения» (газета «Татарстан хәбәрләре», 1921, от 6 мая), автор отмечает, что пьесы «Новые люди» Г.Ибрагимова и «Враги» Ф. Сайфи-Казанлы освещают новую идеологию. В центре революционных событий таких произведений — герои новой формации, преданные идеалам социального освобождения трудящихся, ставившие эту цель выше личных интересов [4, 64-66].

В 1922 году была опубликована статья Г. Ибрагимова «По поводу постановки «Янгуря»» (газета «Татарстан хәбәрләре», 1922, от 31 января). В трагедии А.Тагирова «Янгуря», написанная в 1912 году изображены события XVI века: жизнь татарских ханств, взятие Казани. Автор описывает данную эпоху, опираясь на исторические материалы. Эта драма А. Тагирова подверглась сильной критике. Г. Ибрагимов пишет: «...Из-за религиозного фанатизма произведение приобрело политкорректный характер: оказалось чем-то, отравляющим народ несуществующими религиозными мыслями. В результате, главный политический факт в истории остался незамеченным» [4, 67].

Г. Ибрагимов в статье «Несколько слов о «Галиябану» (1922) высоко оценивает пьесу М. Файзи «Галиябану». По утверждению писателя, в произведении выражен протест против социальной несправедливости, насилия, религиозных предрассудков. По мнению автора статьи, активное включение драматургом в ткань основного сюжета татарской народной мелодии положило начало созданию нового жанра в татарской драматургии [5, 108]. Ибрагимов поддерживал тесные дружественные контакты с азербайджанскими писателями, учеными и общественными деятелями. Например, в двадцатые годы Ибрагимов пишет публицистические статьи о видном писателе-коммунисте Наримане Нариманове. Особо подчеркивает популярность его исторической трагедии «Надир-шах» среди татар.

В результате, рассмотренные статьи Г. Ибрагимова, посвященные татарской драматургии, позволили создать картину литературной жизни этого периода. Исследуя в своих научных трудах общетеоретические проблемы литературы, драматургии, подвергая анализу творчество отдельных татарских писателей, он создал собственную литературно-эстетическую концепцию.

Список литературы

1. Ахмадеев Ш. «Мугаллима». // Юлдуз 1914 № 1282.
2. Вәлидов Ж. «Мөгаллимә (Гаяз Исхакий әсәре)» // Исхакий Г. Әсәрләр: 15 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 8. Б. 209–218.
3. Заһидуллина Д. Галимжан Ибраһимов – марксистик әдәбият фәне тудыруның үзәгендә // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 15 томда. 8 т.: әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1918-1933). 2019. Б. 8-31.
4. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 15 томда. 8 т.: әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1918-1933). 2019. – 431 б.
5. Ибраһимов Г. Әдәбият дәрәсләре // Әсәрләр: 15 томда. 7 т.: әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1915-1916). 2019. – 375 б.
6. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 190

10.01.10

Ю.М. Павлов д-р филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра публицистики и журналистского мастерства,
Краснодар, kafedra.pizhm@mail.ru

**«ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА**

А.И. Казинцев – один из ведущих критиков и публицистов рубежа XX-XXI веков. Однако его «поздняя» статья «Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф.М. Достоевского» (2017) до сих пор обделена вниманием литературоведов. В работе на разных уровнях – концептуальном, логическом, фактологическом – показываются достоинства и недостатки «Вдохновенной ошибки» Казинцева и в контексте историко-литературных событий выявляются истинные смыслы «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского, отрицательный тип, общая гармония, народная правда.

Среди работ Александра Казинцева, написанных в последнее семилетие его жизни, наибольший резонанс вызвала «Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты». Однако гораздо большего внимания заслуживает статья «Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф.М. Достоевского», оставшаяся не замеченной литературоведами. В ней известное выступление писателя на пушкинских торжествах подвергается несправедливой критике, что мы и попытаемся доказать.

Уже во втором предложении «Вдохновенной ошибки» утверждается, что «Пушкинская речь» Достоевского не прочитана «с должной глубиной и ответственностью» [2, с. 180], а в финале текста Казинцев советует «сдерживать фантазии», «обуздывать красноречие», «опираться на факты» [2, с. 185]. Все эти правильные пожелания можно и нужно переадресовать автору статьи.

В самом начале её Казинцев называет якобы объективный фактор, обеспечивший грандиозный успех «Пушкинской речи». Согласно несдержанной фантазии Александра Ивановича, 1880-й год – рубежный «период» (это слово в «Речи» отсутствует) в истории русской литературы (о ней Достоевский не говорит вообще), и Фёдор Михайлович в своём выступлении подвёл итог развития золотого века отечественной словесности. Авторская версия, не имеющая к «Пушкинской речи» даже малейшего отношения, аргументируется своеобразно: «Тремя годами ранее умер Н. Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не стало самого Достоевского. В 1883 году умрёт и Тургенев. В 1879-м Л. Толстой в черне заканчивает “Исповедь”, где по существу отказывается от своих художественных произведений» [2, с. 180].

Непонятно, как можно подводить итог тому, что длилось ещё десятилетия (золотой век русской литературы) или не произошло (смерти Достоевского и Тургенева). О толстовской «Исповеди» Достоевский, естественно, не знал, тем более, в ней Лев Николаевич писал о своём разочаровании и в литературном труде, и буквально во всём. От прав на свои произведения Толстой отказался в 1891 году. Но главное, разрушающее версию Казинцева до основания, состоит в другом: до конца жизни, до 1910 года, Лев Николаевич активно творил. И поэтому, и по причинам, ниже называемым, ни о каком подведении итогов в «Пушкинской речи», как и в любом адекватном тексте, речь не шла и не могла идти.

А.Казинцев же, движимый непонятным желанием и ущербной, формально-хронологической логикой, оставляет за бортом отечественной классики писателей, умерших после И.С. Тургенева. Вот фамилии этих классиков с указанием в скобках даты их кончины: А.Н. Островский (1886), И.А. Гончаров (1891), А.А. Фет (1892), Н.С. Лесков (1895), А.П. Чехов (1904).

В угоду своей концепции Казинцев игнорирует широко известные эпистолярные высказывания Достоевского об основных смыслах «Пушкинской речи». Поэтому вынужденно скажем об очевидном. В своём выступлении великий писатель хотел, в первую очередь, доказать: А.С. Пушкин – гений мирового масштаба. В чём ему последовательно отказывала партия западников, начиная с В. Белинского и заканчивая И. Тургеневым.

Помимо цитат из писем Достоевского, отсутствующих в статье Казинцева, есть источники, которые, казалось бы, обойти нельзя. Фёдор Михайлович, услышав первые упрёки в свой адрес и предвидя другие, издаёт в «Дневнике писателя» «Пушкина», предвзято его «Объяснительным словом по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине». В нём Достоевский называет четыре главные идеи речи. От статьи Казинцева возникает устойчивое впечатление, что он не читал этот текст или сознательно его игнорирует.

Позицию автора «Вдохновенной ошибки» можно назвать преимущественно «левой»: в одних случаях – социалистической, в других – либеральной. Следуя первой традиции, Казинцев упрекает Достоевского в том, что он не учитывал «социальное расслоение деревни», ухудшение экономического положения крестьянства, а «манил их “единением всечеловеческим”!» [2, с. 183]. Достоевский критикуется и за то, что в «Пушкинской речи» нет ссылок на якобы знатоков крестьянского вопроса во главе с Глебом Успенским (Казинцева не смущает даже то, что приводимый им цикл очерков «Власть земли» вышел через год после смерти Фёдора Михайловича).

Итак, Александр Иванович, реанимировав хорошо знакомые и, казалось бы, ушедшие навсегда «аргументы» советских ортодоксов (только цитаты Ленина об «архискверном Достоевском» не хватает), сделал из автора «Пушкинской речи», по сути, горьковского Луку...

В целом полемика по данному вопросу, занимающая пятую часть статьи, порождена не выступлением Достоевского, а следующим суждением Казинцева: «Достоевский сводит понятие народа (правильнее было бы: понятие «народ». – Ю.П.) к крестьянству, что само по себе спорно» [2, с.182-183]. Однако в «Пушкинской речи» не только не затрагивается данная тема (поэтому и цитата из первоисточника, подтверждающая сказанное критиком, отсутствует), но и слово «крестьянин» не встречается вообще. И такой приём – приписывание идей, рождённых Казинцевым, Достоевскому и последующая полемика с ними – самый распространённый в статье.

Неожиданной видится и следующая её особенность: из современников Достоевского Александр Иванович наиболее часто солидаризируется с оценками «Пушкинской речи», данными либералом Александром Градовским. Вот как цитаты и ссылки на одного из самых последовательных ненавистников Достоевского «усиливают» текст Казинцева: «Критики упрекали Достоевского в том, что он обошёл вниманием такого пушкинского современника, как Гоголь. По их словам, Гоголь – “великая оборотная страна Пушкина” (А. Градовский). Действительно, друг и единомышленник поэта резко договаривает много из того, о чём в силу особенности своего солнечного дарования не говорил Пушкин.

Гоголь, – утверждает А. Градовский, – вывел череду устрашающих персонажей: Собакевичей, Ноздрёвых, Коробочек. От них-то и бежали “скитальцы”, подобные Онегину. (Кстати, описание гостей на именинах Татьяны во многом подтверждает догадку А. Градовского)» [2, с. 182].

Во-первых, критики, якобы упрекавшие Достоевского, Казинцевым не случайно не названы: с помощью безымянных авторов он транслирует своё представление о недостатках «Пушкинской речи». В ней, как следует из других высказываний критика, помимо гоголевского сюжета, необходимы были обращения к «музыке, живописи, архитектуре»,

«к народным песням, былинам» [2, с. 182], «к героям “Капитанской дочки”: Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам» [2, с. 182] и т.д. То есть выступление Достоевского на пушкинских торжествах оценивается критериями кандидатской диссертации, книги или безразмерной журнальной статьи.

Во-вторых, то, как подаются в тексте Казинцева мысли Градовского, свидетельствует об одном: автор «Вдохновенной ошибки» работал не с первоисточником. Он взял обрезанные цитаты и утверждения Градовского, переделав их на свой лад, из статьи Достоевского «Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому». На 154 странице 26 тома полного собрания сочинений Достоевского приводится большое высказывание Градовского, которым и воспользовался Казинцев.

В-третьих, Достоевский ответил Градовскому на его версию об Алеко (он у Казинцева почему-то отсутствует) и Онегине, убегающих от Коробочек, Собакевичей и т.д. Из очень длинного ответа писателя своему оппоненту, где тотально опровергаются все аргументы Градовского, приведу один из ключевых фрагментов: «А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своем роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Алеко и Онегин к России были высокомерны и нетерпеливы, как все люди, живущие от народа отдельной кучкой, на всем на готовом, то есть на мужичьем труде и на европейском просвещении, тоже им даром доставшемся. <...> И не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу, содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе поблагороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего» [1, с.156-157].

В ответе А. Градовскому Достоевский даёт универсально-вневременные характеристики, применимые и к либеральной интеллигенции XXI века. Её ненависть к Достоевскому понятна, объяснима. Использование же Александром Казинцевым некоторых расхожих «аргументов» из арсенала коллективного быковочубайса вызывает вопросы.

Спор свой с автором «Пушкинской речи», с его идеей всемирности и всечеловечности (спор, занимающий в тексте самое большое место), Казинцев завершает так: «...отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: “Да, она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без церкви и без Христа ... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот создававшийся муравейник, говорю я, весь подкопан”.

Я веду речь об увлечении фразой, о том нервическом напряжении мысли, свойственном русским вообще и Достоевскому в особенности. Приведённая инвектива в адрес Европы столь же опрометчива, как и мечта “о конечном единении” с нею. Прошло без малого полтора века, а “подкопанный муравейник” стоит» [2, с. 185].

Версию о «нервическом напряжении мысли» нет смысла комментировать из-за её явной «некондиционности». Из многих же суждений Достоевского, в том числе, приведённых Казинцевым, ясно: речь идёт о религиозном, духовно-нравственном «подкопе», деградации. И примеров, подтверждающих справедливость оценок и прогнозов Фёдора Михайловича, более чем достаточно: от массовой фашизации Европы в 1930-е – 1940-е годы и в XXI веке до духовно-нравственного и культурного вырождения, гендерной мутации-шизофрении последних десятилетий.

Идея же «единения», «общей гармонии» очень вольно трактуется Казинцевым. Ключевая цитата из Достоевского в версии Александра Ивановича заканчивается словами: «...может быть, изречь окончательное слово великой общей гармонии» [2, с.181].

Из полемических выпадов Казинцева следует, что он не замечает гипотетическую направленность высказываний Достоевского. Об этом свидетельствует, в первую очередь, оборот «может быть», многократно употребляемый в ударных местах «Пушкина», «Объяснительного слова...», «Придирки к случаю...». Их автор настойчиво подчёркивает, что названный им идеал может быть реализован только в будущем. К тому же Фёдор Михайлович предсказывает ситуацию, в которой его слова «могут показаться

восторженными, преувеличенными и фантастическими» [1, с. 148]. Однако, как утверждает Достоевский, его «фантазия» – это сверхидеал, устремлённый в будущее и порождённый Пушкиным и Христом.

Именно ключ к понимаю идеи единения, гармонии, оспариваемой Казинцевым, сознательно им скрывается от читателя. Критик, в приведённой цитате, обрезал её смыслоопределяющий фрагмент. У Достоевского читаем: «...гармонии (после этого слова Казинцев ставит точку?! – Ю.П.), братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону (разрядка наша. – Ю.П.)» [1, с.148]. Только на почве этого «закона» возможно реализация идеи Достоевского в будущем. Сказанное, думаем, обнуляет аргументы автора «Вдохновенной ошибки».

Некоторые же суждения Казинцева о путях развития России, высказанные в полемике с Достоевским, на самом деле созвучны главной идее «Пушкинской речи». Она во «Вдохновенной ошибке» не называется, поэтому есть смысл закончить разговор о статье Казинцева цитатой из Достоевского: «Тут уже подсказывается русское решение вопроса, “проклятого вопроса”, по народной вере и правде: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве”, вот это решение по народной правде и народному разуму. “Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его”» [1, с. 139].

Сказанное о «Вдохновенной ошибке» принципиально не влияет на общую оценку творческой деятельности Казинцева, которая давалась нами ранее [3]. Без него, одного из самых талантливых и ярких авторов, критика и публицистика рубежа XX-XXI веков немыслимы.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Пушкин // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. – Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь-декабрь; 1880 август. – Ленинград: Наука, 1984. – С. 136-149.
2. Казинцев А.И. Вдохновенная ошибка. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского // Наш современник. – 2017. – №11. – С.180-185
3. Павлов Ю.М. Александр Казинцев: критика – это искусство понимания / Павлов Ю. Критика XX-XXI: литературные портреты, статьи, рецензии. – М.: Литературная Россия, 2010. – С.187-198.

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01*

**О.А. Астафьева канд. филол. наук, Т.А. Колоскова канд. филол. наук,
И.А. Башкирова канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТРИНСИВНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ**

Данная статья посвящена исследованию проблемы лингвистических проектов как средства формирования интринсивной мотивации учащихся на уроках русского языка. В работе рассматриваются особенности проектного обучения, классификация лингвистических проектов. Авторами делается вывод о том, что применение лингвистических проектов на уроках русского языка приводит к развитию интереса самого учащегося, к формированию у него интринсивной мотивации к обучению, поэтому лингвистические проекты являются эффективной формой работы учителя и ученика для самореализации познавательных компетенций каждого учащегося.

Ключевые слова: проектное обучение, лингвистические проекты, экстринсивная мотивация, интринсивная мотивация, урок русского языка.

В последнее десятилетие в преподавании русского языка эффективно используется проектное обучение, что подтверждает накопленный педагогический опыт.

В научной педагогической литературе метод проектов рассматривается в контексте с проблемным и развивающим обучением, педагогикой сотрудничества, личностно-ориентированным и деятельностным подходами; интеграцией знаний, социальным воспитанием, совместным творческим созиданием, что свидетельствует об актуальности проектного обучения. [2, с. 30]

Метод проектов авторы рассматривают как совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий обучающихся с обязательной презентацией этих результатов. [4, с. 96]

Методу проектов отводится важная роль в формировании интринсивной мотивации учащихся на уроках русского языка. [5, С. 13]

Вопрос об экстринсивной мотивации (обусловленной внешними условиями и обстоятельствами) и интринсивной мотивации (внутренней, связанной с личностными диспозициями: потребностями, установками, интересами, влечениями, желаниями), при которой действия и поступки совершаются «по доброй воле» субъекта, широко обсуждается в психологической литературе. Этот вопрос связан с внешними и внутренними стимулами, которые пробуждают в личности мотивы и мотивации. [3, с. 1]

Именно в рамках данного вопроса проектное обучение как формы работы с лингвистическими проектами на уроках русского языка как раз нацелено на развитие интереса учащихся к русскому языку, на созидательную самореализацию развивающейся личности обучающегося, на формирование его умственных и физиологических возможностей, волевых качеств и творческих способностей в процессе работы по решению какой-либо интересующей его проблемы.

Лингвистический проект (как и любой другой проект) – это специальным образом оформленная, детальная разработка конкретной задачи, предусматривающая отбор условий и методов достижения реального практического результата; это независимое формирование выработанных умений, использование знаний, приобретенных на уроках русского языка, однако уже на новейшем, результативном, поисковом уровне.

При классификации лингвистических проектов обращают внимание на доминирующую деятельность обучающихся, поэтому различают такие лингвистические проекты, как информационный, практико-ориентированный, ролевой, творческий и исследовательский. [1, с. 7]

Информационные лингвистические проекты дают возможность школьникам углубить знания по каждому разделу русского языка (фонетике, орфоэпии, по лексикологии, по словообразованию, по морфологии, по синтаксису и др.), предлагаются вариативные темы: «Речевой портрет ученика (учителя)», «Речевой портрет радиожурналиста», «Речь тележурналиста», «Русские семейные имена и прозвища: история и современность», «SMS как новый вербальный жанр», «Характерные черты высказываний в непосредственном молодежном общении», «Языковые особенности в речи ведущих развлекательных передач».

Практико-ориентированный лингвистический проект ориентирует участников на решение важной обширной языковой проблемы, результаты его должны найти применение в жизни класса и школы. В результате исследования, например, социально значимой темы «Причины появления паронимов (или диалектизмов, или фразеологизмов) в русском языке» школьники из самостоятельно подобранного языкового материала составляют картотеки «Паронимы (диалектизмы/фразеологизмы) двадцать первого столетия» либо составляют словарь паронимов (соответственно диалектизмов/фразеологизмов), который используют в учебном процессе класса.

Ролевой лингвистический проект, например с целью развития коммуникативной компетенции, применим при изучении вопросов стилистики русского языка, при усвоении знаний о стилях русского литературного языка, о выразительных языковых средствах, его результаты учащиеся представляют в роли литературных либо исторических героев. Продукты творческого лингвистического проекта оформляются в виде мини-спектаклей, мини-сценок: «Ох, уж эти паронимы!», «Удивительный мир фразеологизмов», «О реформе русского правописания и не только...», в виде видеофильмов, которые нужны учителю по той или иной теме учебного материала. [1, с. 8]

Исследовательский лингвистический проект по структуре уже научная работа с обоснованием актуальности выбранной темы, выявлением вопросов языкового изучения, с выдвижением гипотезы, ее дальнейшей проверкой, с обработкой и формулированием полученных результатов. Для выполнения такого проекта применяются методы современной науки: опрос, интервью, сбор мнений, экспертиза, лабораторный эксперимент, прогнозирование, социологический опрос и т.д. В исследовательских лингвистических проектах рассматриваются вопросы «Соблюдение лексических норм русского языка в речи современного человека», «Языковые средства жестикуляции в телевизионной публицистике», «Аниме как объект лингвистического изучения: лексико-семантический аспект» (для учащихся 11-го класса), «Сленг современной молодежи», «История русская и мировая в зеркале фразеологии», «Мир современной антропонимики» (для учащихся 9-го класса), «Культура электронного общения», «Тайна слова «Облако»», «Современная речь школьника» (для учеников 7-го класса).

Школьные лингвистические проекты различаются по срокам проведения как макси-проекты и мини-проекты. Мини-проект может уложиться в один урок. Так, работа по мини-проекту «Портрет имени прилагательного: «Я ль на свете всех милее...» рассчитана на составление портретной карты имени прилагательного через разные виды работ с текстом и проводится всего один урок; работа по проекту «Языковые средства рекламы» включает работу небольших групп, по времени всего лишь по 20 минут (10 минут на подготовку и по 2 минуты на презентацию каждой группы).

Учитель может отводить на проект от 30 до 40 учебных часов, сочетая и классные формы работы (мастерские, лекции, лабораторный эксперимент), и внеклассные формы работы (экскурсии и экспедиции, натурные видеосъёмки). С таким глубоким «погружением» проектную неделю воспринимают как оптимальную форму организации проектного обучения. Продукты недельных проектов («Путешествия по океану знаний», «Неделя стилей русского языка», «Драгоценные камни орфографии») и годовых макси-проектов являются результатом серьезного изучения какой-либо темы по русскому языку, а их защита завершается выступлениями на городских научно-практических конференциях.

Таким образом, применение лингвистических проектов на уроках русского языка приводит к развитию интереса самого учащегося к изучению предмета, к формированию у него интринсивной мотивации к обучению, поэтому лингвистические проекты являются эффективной формой работы учителя и ученика для самореализации познавательных компетенций каждого учащегося.

Список литературы

1. Андрианова С.А. Использование метода проектов в обучении школьников. Технология (Основа). – 2015. - №1. – С.7.
2. Астафьева О.А. Эффективные инновационные приемы образовательных технологий в преподавании морфологии русского языка / О. А. Астафьева, Т. А. Колоскова, Е. Ю. Тупицына // Казанская наука. – 2021. – № 5. – С. 30-32. – EDN RJYMIV.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - <https://psy.wikireading.ru/> (Дата обращения: 12.07.2022)
4. Колоскова Т.А. Новые подходы к обучению грамматике с помощью средств наглядности на уроках русского языка / Т. А. Колоскова, О. А. Астафьева // Лингвистика и лингводидактика : СБОРНИК НАУЧНЫХ ТЕЗИСОВ И СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ОЧНО-ЗАОЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Орехово-Зуево, 26 февраля 2021 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. – С. 96-101. – EDN LTMMLB.
5. Колоскова Т.А. Педагогические технологии как средство формирования интринсивной мотивации на уроках русского языка / Т. А. Колоскова, Е. Ю. Тупицына // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2021. – № 2. – С. 13-19. – EDN DUZMLA.

10.02.01

Е.О. Двинова канд. филол. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»,
кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Санкт-Петербург, deo1601@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЙ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

В статье рассматриваются лексикографические дефиниции конкретных имен существительных, представленные в диалектном словаре. Анализируются особенности структуры значения слов на основе разных семантических центров. Отмечается важность унификации толкований слов, входящих в структурно-однотипные парадигмы.

Ключевые слова: *диалектный словарь полного типа, лексикографическая дефиниция, гипероним.*

Исследование языковой картины национального языка невозможно без привлечения диалектных данных, сохраняющих непосредственную связь с материальной и духовной культурой того или иного региона. Слова, изначально существующие в устной форме, благодаря диалектным словарям становятся достоянием не только лингвистов, но и широкого круга читателей. Лексикография — это особое видение языка, благодаря которому исследователи получают возможность посмотреть на лексику с новой стороны [1, с.7]. В современных исследованиях, посвященных диалектной лексикографии, прослеживается тенденция сближения ее с лексикографией литературного языка [4, с.5; 3, с.188]. Издание региональных словарей, разработка принципов семантической характеристики слов потребовали углубленного изучения диалектного материала в системно-структурном аспекте. Структура отдельного значения заслуживает пристального внимания, так как в процессе компонентного анализа возможно выявление особенностей диалектного слова. Нивелирование различий между общенародным и диалектным словом становится невозможным при опоре на структурные особенности значения, эксплицированные в толковании, что имеет решающее значение для работы над словарем полного типа, к которому относится Словарь брянских говоров (СБГ). Преимущество диалектного словаря такого типа состоит в его «всеохватности» и многомерности, что позволяет рассматривать лексику диалекта как систему. Создание непротиворечивых и унифицированных толкований не теряет своей актуальности для диалектных лексикографов, перед которыми также стоит задача поиска наиболее адекватных способов толкования, позволяющих в полном объеме отразить специфику слова.

Основными источниками исследования послужили материалы Словаря брянских говоров (СБГ). Анализ обширного словарного материала убедительно доказал, что наиболее противоречиво «выглядят» дефиниции конкретных имен существительных. Потребность во всестороннем последовательном описании семантики таких слов с сохранением их национально-культурной специфики и определило актуальность исследования. Научная новизна заключается в комплексном подходе к анализу значения диалектного слова, при котором структура его значения рассматривается со стороны составляющих ее компонентов, связи между ними, что позволило разработать правила построения лексикографических дефиниций конкретных имен существительных. Лексикографическая дефиниция рассматривалась в различных аспектах: как адекватный способ толкования слов, как форма выражения сознания диалектоносителя [6, с.153], как метаязык словарных толкований [2, с.7]. Однако не меньший интерес представляет рассмотрение лексикографической дефиниции в плане ее организации.

В структуре значения слова выделяется семантический центр, через который осуществляется связь слова с лексико-семантической парадигмой (ЛСП), и дифференциальные семантические компоненты, определяющие место лексической единицы в парадигме. Анализ лексикографических дефиниций следует начинать с рассмотрения семантического центра, который «цементирует» структуру, а следовательно, и организует толкование. В родо-видовой структуре таким семантическим центром является гипероним, а в структуре, обусловленной семантическими отношениями «часть – целое», – «часть» и «целое». Следовательно, с учетом характера гиперонима или способа экспликации «части» и «целого» строится структурная типология. В первом случае различаются дефиниции, включающие: 1) отдаленный гипероним, 2) отдаленный и ближайший гиперонимы, 3) ближайший гипероним.

1. Как показывает лексикографический материал, члены одной парадигмы могут иметь различно оформленные дефиниции: ср. *гопки* «кушанье в виде лепешек или оладий из сырого тертого или вареного толченого картофеля» [5], *алымон* «пресная несоленая ржаная лепешка» [5].

Естественно, встает вопрос о закономерностях, обуславливающих включение того или иного гиперонима в толкование. Дефиниция должна считаться семантически ущербной, если отдаленный гипероним не позволяет выявить значимые семантические компоненты, различающие слово в кругу себе подобных: *герка* «глиняный сосуд для молока» [5], *губан* «мелкое выпечное изделие из соевой муки» [5]; уравниваются лексические единицы, принадлежащие разным микропарадигмам: ср. *вазка* «небольшой глиняный сосуд с ручкой, служащий для приготовления пищи» [5] (микропарадигма «горшок»), *горлач* «продолговатый с узким горлом глиняный сосуд без ручки, используемый преимущественно для отстоя и хранения молока, а также для переноски жидкой пищи» [5] (микропарадигма «кувшин»). Без ущерба для значения отдаленный гипероним может быть включен в дефиниции: видовых слов, способных стать гиперонимами (*горшок, кувшин, бочка, корыто, кадка, лепешка, суп*); слов, принадлежащих определенным ЛСП. Так, семантическая достаточность дефиниций слов ЛСП «Орудие труда» обеспечивается наличием уточнителей «в виде...» (лексемы *валень, брунка*), «состоящее из...», «представляющее собой...». Следует отметить, что в дефинициях слов данной ЛСП могут отсутствовать и гипероним, и уточнители. Семантическим центром таких толкований является слово-отождествитель, например, брусок с ручкой в структуре значения слова *валек*.

2. Толкования слов через отдаленный и ближайший гиперонимы широко используются в словарях: *беляк* «головной убор замужней женщины в виде круглой шапочки из ситца, сатина, полотна» [5], *гейжа* «женская верхняя одежда в виде теплого удлиненного жакета свободного покроя из сукна с маленьким воротником» [5]. Ближайший гипероним может вводиться в толкование с помощью лексикографического знака «;»: *взвар* «сладкое блюдо из свежих или сушеных фруктов; компот» [5]. Знак «;» употребляется в толкованиях, где присутствует «слово-переводчик», которое соотносит значение диалектного слова и слова литературного языка. Представляется целесообразным упростить данный тип толкования, введя в него ближайший гипероним. Данный способ является не только экономным, но и семантически достаточным.

3. Через ближайший гипероним могут истолковываться слова всех ЛСП за исключением слов, названных выше. В частности, через ближайший гипероним объясняются слова ЛСП «Орудие труда»: *кочерга* в значении слова *гребло*, *лопата* в слове *грабарка*.

Итак, при включении в толкование отдаленного или ближайшего гиперонима необходимо исходить из того, насколько семантика гиперонима соответствует семантике толкуемого слова. Для лексем ЛСП «Участок земли» семантически достаточным является включение отдаленного гиперонима. В дефинициях слов ЛСП «Орудие труда» оправдано присутствием уточнителей «в виде...», «состоящее из...», «представляющее собой...». Отдаленный гипероним должен входить в толкования слов, для которых невозможно определить ближайший гипероним, например: *гумно, овин*.

По способу выражения «части» и «целого» выделяются дефиниции, включающие: а) монолитные «часть» и «целое»: стебель гречихи в слове *гречанник*, *глот* «плод боярышника» [5]; б) расчлененную «часть», например, «стебель» и «листья корнеплодов растений», «ботва» в значении слова *бут*; в) расчлененное «целое»: слово *вязь* толкуется как гибкие прутья дуба, черемухи, ивы, вяза.

Наибольшую сложность в лексикографической практике вызывает экспликация «части», расчлененность которой обусловлена двуденотативной соотнесенностью. Включению денотативных сем в толкование одного значения способствует объединяющая сила третьей семы, например, сема «раздвоенная» (часть) объединяет семы «ствол» и «сук» в толковании лексемы *вилына*. Разнородные денотативные семы могут быть объединены и семантическими отношениями, которые складываются между ними, например, семы «зародыш» и «плод» связаны причинно-следственными отношениями в структуре значения слова *буба*.

Расчлененное «целое», характерное для структуры лексем ЛСП «Часть растения», в словарных дефинициях может быть представлено компонентами, входящими в объем «целого», или относящимися к различным денотатам. Ориентация на обязательное включение в толкование «части» и «целого», а иногда и двух «целых» позволяет рассмотреть различные типы перехода от «части» к «целому». Он может быть непосредственным: *дральщик* – ветви - дерево, *голина* – ветка - дерево и опосредованным, через промежуточное звено: *гибь* - кончик - ветка (часть – целое / часть). «Большое» целое в толкованиях может быть представлено эксплицитно, например, *выплывень* «нарост на стволе дерева; кап» или имплицитно через свою часть: *валек* «короткое бревно; обрубок, обрезок бревна» [5]. Для конкретных существительных характерен и тип дефиниций, в которых семантический центр представлен в расчлененном виде (наподобие расчлененности части в структуре «часть растения»: *буча* – кусок железа, камень - для нагревания воды при выпаривании белья. Если ядерных денотативных компонентов больше, чем два, они или перечисляются в толкованиях, например, «деньги», «скот», «земля», дававшиеся невесте родителями в приданое, плата жениху в значении слова *вено* или «скрываются» за знаками «и т. п.», «и пр.».

Таким образом, структурно-семантическая типология, в основе которой лежит способ экспликации семантического центра, включает дефиниции с отдаленным, ближайшим гиперонимом или их комбинацией. Правильный выбор того или иного гиперонима является необходимым условием правильного построения дефиниции, ибо на его основе определяется принадлежность слова к ЛСП. В связи с этим возрастает возможность отражения всех дифференциальных семантических компонентов в толкованиях слов, относящихся к одной парадигме, в результате чего создается непротиворечивая дефиниция. Семантический центр может быть представлен монолитно или расчленено в структуре значения «часть - целое». Если расчлененность вызвана различной денотативной отнесенностью, семы «удерживаются» в структуре одного значения благодаря компонентам, выражающим такие семантические признаки, как «форма» и «функциональное назначение». Типы дефиниций, охватывающих структуры «часть растения», «часть тела человека, животного», выделены на основе расчлененной «части» и «целого», имплицитной или эксплицитной представленности «целого».

Список литературы

1. Голев Н.Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой // Вопросы лексикографии. – 2021. - №21. - С. 5-32.
2. Козырев В.А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014. - №1. - С. 5-15.
3. Козырев В.А. Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2021. - №202. – С. 183-192.
4. Кудряшова Р.И. Современная диалектная лексикография: проблемы и тенденции развития / Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Известия ВГПУ. Новое в науке о языке. - 2005. - № 3 (13) – С. 3-10.
5. Словарь брянских говоров (1976-1988). - Выпуск 1-5 / Под ред. В.И. Чагишевой. - Л.: Изд-во ЛГПИ имени А.И. Герцена, 1976-1988.
6. Шевченко Е.В. Толкование значения слова как форма выражения метаязыка сознания диалектоносителя // Вестник Омского университета. – 2011. - №1. - С. 153.

10.02.01

¹Г.М. Лисина, ²Н.В. Габдреева

¹Казанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ,
кафедра русского и татарского языков,

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра русского языка предмагистерской и предаспирантской подготовки,
Казань, sistercarry1980@yandex.ru, n.gabdreeva@mail.ru

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ АРГО

В работе представлены результаты изучения лексико-семантических и грамматических межъязыковых трансформаций на материале русских арготизмов французского происхождения, заимствованных в разное время. Рассмотрены совпадения с общими тенденциями освоения галлицизмов в русской лексической системе, а также специфические особенности, свойственные аргю.

Ключевые слова: *социальный диалект, арготизм, заимствование из французского языка, межъязыковые трансформации.*

Влияние французского языка и культуры на русское общество всегда было велико. В XIX веке лексические, фонетические и синтаксические галлицизмы проникали во многие тематические группы и функциональные сферы. Не избежали этой участи и социальные диалекты, которые имеют значительный пласт французского происхождения. Термин «арготизм» имеет разные определения. В одном понимании – это лексема, входящая в условные языки нищих, бродячих ремесленников и торговцев. Такой узкой исторической трактовки придерживается В.Д. Бондалетов, который ограничивает круг носителей названными группами [1]. В более широком понимании «арготизмы» – это лексемы или обороты отдельных социальных групп. При таком определении выделяются, к примеру, школьные арготизмы, спортивные, воровские. Такое понимание термина свойственно, Д.Э. Розенталю и ряду других ученых [12]. Существует и третья дефиниция термина: это слова и выражения, используемые только маргинальными слоям общества: различного рода преступниками, наркоманами, женщинами легкого поведения, а также некоторыми связанными с ними социальными группами: бродягами, бездомными, нищими и т.п. Мы придерживаемся именно такого понимания термина, которое было изложено в научных работах М.А. Грачева, М.В. Жирмунского [5, 9]. Эти авторы подразделяют аргю на общеуголовную (профессиональная и бытовая лексика преступников и асоциального элемента), тюремную (наименование различных понятий и явлений мест лишения свободы) и специализированную, то есть узкую профессионально-преступную лексику. Считаем возможным отнести к такой лексике также язык лиц, потребляющих, распространяющих, хранящих и т.д. наркотические вещества, язык преступных сообществ и, в особенности, молодежных преступных формирований и некоторые другие лексемы.

Одной из самых важных характеристик, которая фиксируется почти всеми исследователями русского аргю в понимании этого термина М.А. Грачевым, является засекреченность внутренней формы арготизма. Это достигается разными способами: пополнение языка преступников происходит за счет включения лексем других социальных диалектов (жаргонов, сленга), территориальных диалектизмов, просторечных лексем. Одним из таких способов становится заимствование из других языков.

Виды межъязыковых трансформаций рассмотрены нами на материале русских арготизмов французского происхождения, заимствованных в данный социальный диалект в разное время.

Анализ арготического пласта показывает, что среди заимствований из французского языка в русское арго имеются лексическо-семантические и грамматические виды трансформаций.

Имеет место заимствование из французского языка без изменений или с небольшими изменениями (консервация семантики или так называемая «нулевая» трансформация). Фиксируется в случаях, когда семантическая структура русского арготизма полностью или почти полностью совпадает с семантикой входящего французского слова. Семантика таких слов прозрачна и лежит на поверхности. Дословный перевод или перевод с небольшими семантическими изменениями фиксируется в следующих словах: *аржан* – ‘деньги’, ‘серебряные деньги’ (франц. *argent* ‘деньги’) [4, 10], *роба* – ‘одежда каторжника’, ‘костюм’, ‘рабочая одежда’ (франц. *robe* ‘одежда каторжника’) [2, 7, 11];

Интересно то, что эта «нулевая» трансформация обнаруживается среди русских арготизмов, заимствованных не из французского литературного языка, а напрямую из французского арго: *серсо* – ‘серебряный рубль’ (франц. *cercle* ‘круг’, а во франц. арго *cercle* ‘серебряная монета’) [2], *миша* – ‘жертва женщины легкого поведения, обворовавшей клиента’ (франц. *miche* ‘буханка’, ‘каравай’, а во франц. арго *miche* ‘клиент женщины легкого поведения’) [4, 6, 11].

Грамматические трансформации обнаруживаются в грамматических заменах: при переходе лексемы из французского языка заменам иногда подлежат части речи: *афиша* – ‘толстое лицо’ (фр. *afficher* глагол ‘вывешивать’) [2, 8], *гранд(а)* – ‘грабеж’, ‘крупная кража’ (франц. *grand* прилагательное ‘большой’) [6], *китте* – ‘конец’ (фр. *quitter* глаголы ‘покидать’, ‘бросать’) [4, 6, 11] и т.д.

Грамматические трансформации, проявляются также в контаминациях, то есть своеобразных новообразованиях, возникших путем скрещивания, объединения частей двух слов, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Выявленные французские заимствованные основы в русском арго, всегда смешиваются русскими основами: *амара* – ‘любовница’, ‘женщина легкого поведения’ (контаминация франц. *amour* ‘любовь’ и ранее существовавшего русского арго *шмара* ‘женщина легкого поведения’) [6, 8, 10], *миша* – ‘жертва женщины легкого поведения, обворовавшей клиента’ (контаминация франц. арго *Miche* ‘клиент женщины легкого поведения’ и рус. имени собств. Миша) [4, 6, 11].

Адаптация французских заимствований в русском арго показывает и наличие общего мотивировочного признака, часто угадывающегося при семантическом анализе значения французского входящего слова и значения в языке арго. Четкие ассоциативные связи значений обнаруживаются в следующих арготизмах: *адья* – восклицание: ‘уходи!’ (франц. *adieu* ‘до свидания’) [10, 11], *вальтовать* – ‘в преступной группировке: находиться в подчинении у кого-то выше рангом и статусом’ (стар.-франц. *vaslet*, *vassus* ‘слуга’) [в словарях не обнаружен] и пр.

Зачастую заимствованная лексема, входящая в русский социолект, проходит сложный путь семантического преобразования, результатом которого становится переименование смысла или полное его изменение: *бамон* – ‘место сбора мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации’ (фр. *batmond* ‘высший свет’) [6], асфальт – ‘территория группировки’, в сочетании *делить асфальт, драка за асфальт* – ‘в группировках - бороться за свою территорию, не допускать на «свою» территорию членов других группировок’ (фр. *asphalte* ‘асфальт’) [в словарях не обнаружен], *нюшить* – ‘заниматься развратом за деньги’ (франц. *nue* ‘голая’) [6] и пр.

Две французские лексемы *atteinte* ‘достичь’, ‘нагнать’ и *attendez* ‘ждать’, ‘ожидавший’, ‘пока’, войдя в русское арго, стараются адаптироваться под фонетическую систему русского языка, иногда даже изменяют ударение. Они порождают целый ряд новых значений и устойчивых словосочетаний, семантика которых иногда накладывается друг на друга. Имеются такие варианты произнесения: *атáнда, атáнта, атандá, атóндя, атандó, атáнде, атандé* и следующие значения: 1. ‘берегись’, ‘сигнал тревоги’, 2. ‘шулерский прием’, 3. ‘довольно (метать карты из колоды)’, 4. ‘спрятано надежно’, 5. ‘молчи!’, ‘тихо!’ [6]. Данные арготизмы использовались на территории всей страны до 50-х гг. XX века. От

лексемы *атанде* в первом значении образуется новый русский арготизм с укороченной основой – *атас*. Этот арготизм употребляется с дореволюционных времен до настоящего времени в значениях ‘сигнал тревоги’ и ‘место, на котором стоит член преступной группы, обязанный предупреждать соучастников об опасности’. Оба арготизма (*атанде* и *атас*) образовали также ряд устойчивых сочетаний: *сметать атандэ* – ‘резко отказать’, ‘отвергнуть ухаживания’, ‘обмануть в намерениях’, *стоять на атанде* – ‘выполнять роль наблюдателя и при грозящей опасности’, ‘подавать сигнал сообщникам’, *атанду метать* – ‘колебаться’, ‘трусить’, ‘отступать от своих слов’, *атас цинкует* – ‘стоящий на страже наблюдатель сообщает о приближающейся опасности’, *атас казачий* – ‘момент ограбления’, *атас полный* – ‘наивысшая оценка чего или кого-либо’, *атас сквозить* – ‘уходить с места происшествия со специально произведенным шумом’ и другие. Таким образом французские лексемы со значением ‘достичь’, ‘нагнать’, ‘ждать’ прочно вошли в русскую криминальную лексику, ассимилировались и семантически трансформировались на русской почве таким образом, что являются лакунами по отношению к русскому и французскому литературному языку.

Интересна межъязыковая семантическая трансформация, возникшая при заимствовании из французского языка лексемы *гарсон*. Во французском литературном языке *garçon* ‘мальчик’, ‘официант’. В русском арго лексема выступает в 4 значениях: 1. ‘кок’, 2. ‘матрос, обслуживающий офицеров’, 3. ‘осужденный, прислуживающий вора’ [7], 4. ‘гашиш’, 5. ‘смола каннабиса’ [в словарях не обнаружены]. В первых трех значениях происходит лексико-семантическая замена: семантика лексемы не совпадает со значениями слова языка-источника, но логически выводится из них.

Четвертое значение слова сформировано при помощи фонетической игры, основанной на ассоциативном потенциале заимствования. В этом случае значение формирует фонетическая схожесть, мимикрия слова *гарсон* – ‘гашиш’. Это явление достаточно распространено в языке арго: *мэри* – ‘марихуана’ [10], *кадиллак* – ‘кодеин’ [в словарях не обнаружен], *кока-кола* – ‘кокаин’ [2, 7]. При этом пятое значение слова ‘смола каннабиса’, по нашему мнению, формируется по близости значения к слову гашиш.

Таким образом, французским заимствованиям в русском арго свойственны лексическо-семантические и грамматические виды трансформаций, то есть и количественные, и качественные изменения, которые, с одной стороны, совпадают с общими тенденциями освоения галлицизмов в русской лексической системе [3], а с другой, – имеют специфические особенности, которые мы описали выше.

Список литературы

1. *Бондалетов В.Д.* Типология и генезис русских аргю: учеб. пособие / В.Д. Бондалетов. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1987. – 84 с.
2. *Воривода И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом / И.П. Воривода. – Алма-Ата: Красный матрос, 1971. – 106 с.
3. *Габдреева Н.В.* История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. – М.: URSS, 2011. – 301 с.
4. *Городин Л.М.* Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России / Л.М. Городин. – М.: Музей истории ГУЛАГа: Фонд памяти, 2021. – 336 с.
5. *Грачев М.А.* Русское аргю: Монография / М.А. Грачев. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. – 245 с.
6. *Грачев М.А.* Словарь тысячелетнего русского аргю: 27000 слов и выражений / М.А. Грачев. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
7. *Елистратов В.С.* Словарь русского аргю: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
8. *Зугумов З.М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / З.М. Зугумов. – М.: Книжный мир, 2015. – 728 с.
9. *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты / В.М. Жирмунский – Л.: Худож. лит., 1936. – 296 с.
10. *Мокиенко В.М.* Большой словарь русского жаргона: 25000 слов и 7000 устойчивый сочетаний / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
11. *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / С.М. Потапов. – М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927. – 196 с.
12. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

10.02.01

В.П. Манаенко, А.В. Чепкасов д-р филол. наук

Кемеровский государственный университет,
кафедра журналистики и русской литературы XX века,
Кемерово, riokemsu@yandex.ru, chepkasoff@yandex.ru

**МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В РЕЧИ ПОЛИТИКА
КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ А. Г. ТУЛЕЕВА)**

Местоимение «мы» рассматривается в статье как один из способов речевого воздействия. Анализируется речь спикера и доказывается гипотеза о том, что обращение выступает не только как элемент синтаксиса, но и как доминанта политического дискурса, которая и служит способом речевого воздействия. Материалом исследования являются публичные речи А. Г. Тулеева.

Ключевые слова: личное местоимение, обращения, спикер, политический дискурс.

Одной из актуальных проблем в политическом дискурсе является выбор формы обращения. Обращения предстают значимыми элементами в речи политика, позволяя аудитории выделять для себя каждый блок информации. Цель статьи: провести анализ выступления спикера и доказать, что обращение – доминанта политического дискурса, оказывающая речевое воздействие (РВ).

При помощи подбора определенных лексем политик стремится воздействовать на аудиторию. Нас интересует, во-первых, как оратор (политик) использует «мы» в своей политической речи и, во-вторых, каким образом отличается написанный текст (первичный) от произнесенного (вторичного).

Э. Бенвенист отмечал: «Личные местоимения являются первой опорной точкой для проявления субъективности в языке» [1, с. 296]. Так, нами выбрано личное местоимение «мы» как основная единица анализа, так как оно выступает маркером субъективности в языке и показывает оратора как субъекта, высказывающего ту или иную точку зрения.

Местоимение «мы» становится важной лексемой в речи политика. Данному вопросу отводится большое место в статье А. И. Ивановой [4, с. 84–87], которая рассматривает эту лексему как мультииндексную форму обращения. По словам А. И. Ивановой, включающий тип употребления местоимения содержит в себе потенциальную публику. При исключаящем типе употребления местоимения потенциальная публика не входит в местоимение «мы», а мультииндексный тип имеет более размытые границы между включенной и исключенной аудиторией.

Включающий и мультииндексный типы употребления местоимения являются формами обращения непосредственно к аудитории; исключаящий тип употребления местоимения не является формой обращения, но также становится способом РВ. Политик пользуется разными формами, и это зависит от цели его речи: показать единство с партией, если речь идет о достижениях партии, или с аудиторией, когда нужно подчеркнуть, что без людей невозможно прийти к каким-то результатам.

Освещение вопроса местоимений нашло отражение в статье А. К. Галкиной: «мы» может иметь значение инклюзивности («значения единства, близости, участия») или эксклюзивности («разделение и отдаление» [2, с. 18]. Все это необходимо для того, чтобы воздействовать на аудиторию наиболее эффективно. Это достигается при создании чувства единства.

Доктор философии в области прикладной лингвистики Акико Окамура, о местоимении *мы* говорит как о дуальном, включающем две функции – инклюзивную и эксклюзивную [7, с. 17–18].

А. А. Карамова выделяет *мы* эксклюзивное в значении «мы-партия» и инклюзивное в значении «мы-партия + народ» [6, с. 143–146]. Местоимение появляется, когда нужно актуализировать ту или иную информацию, позволяет повысить ее доступность для реципиента. Приведем пример употребления исключаящего местоимения «*мы*» из выступления А. Г. Тулеева «**Открытие Бизнес-Инкубатора г. Кемерово. Апрель 2011**»: *Теперь докладываем, товарищ министр, **мы** подстраховались, провели совместную коллегию нашего и Президиума Сибирского отделения наук совместно, это впервые в истории развития Кузбасса.*

Контент-анализ данной речи показал: в более чем 50 % употреблении экс-губернатор использует местоимение по определенной схеме «*мы* + глагол прошедшего времени», тем самым показывает, что событие совершилось, делает акцент на результативности. Отличительной чертой речи является использование именно исключаящей формы, что оправданно в контексте темы, посвященной открытию бизнес-инкубатора.

В автореферате докторской диссертации Т. Л. Каминская говорит о понятии – «ориентация на "своего" читателя» [5, с. 7]. Мы также можем говорить, ориентация на "своего" слушателя проявляется в формировании определённого стиля речи – его содержательном наполнении. Образ адресата / слушателя оказывается зафиксирован через личное местоимение *мы*. Создаются условия, подходящие для оптимального РВ в условиях коммуникативной ситуации произнесения речи оратором и публикой, выступающей реципиентом данной информации.

В выступлении «День работников культуры. Филармония. 28.03.2011» в произнесенном варианте появляется мультииндексное «*мы*». В таком случае оратор становится доверенным лицом аудитории. Без «*мы*» предложение выглядит более формальным, во втором варианте подчеркивается значимая роль аудитории в процессе восстановления культуры.

Приведем фрагмент, который показывает, что спикер намеренно использует данное местоимение. *Вы знаете, через 2 года (в 2013 г.) Кузбасс будет отмечать **большой Юбилей – 70 лет со дня образования Кемеровской области (написанный текст)** / Через 2 года, в 2013, **мы** будем отмечать большой Юбилей, ну это наш большой – 70 лет нашей области (произнесенный текст).* Так, лексема «Кузбасс» заменяется на «*мы*», которая носит объединяющий характер по смыслу. Отметим, что это местоимение включающего типа, т. е. содержит потенциальную аудиторию. Далее добавляется «*Мы восстановили*», выражающее сопричастность каждого в восстановлении и создании церквей и часовен. Мультииндексное местоимение указывает на объединенность с группой других лиц и при помощи контекста можно установить, с какими лицами объединяет себя оратор. Спикер стремится оказывать РВ на слушателей, приобщая их к достижениям, так как в *мы* включен и сам оратор, и те, кто слушает эту речь.

Рассмотрим следующий фрагмент: – *И вот сегодня, как я уже сказал, **освящается Часовня в честь Святого Григория Аверина, которая построена в Таштагольском районе в поселке Чугунаш (написанный текст)** / И вот сегодня освящается часовня в честь святого Григория Аверина. Построили **мы** специально здесь, вот на этом месте Высокий Чугунаш (произнесенный текст).* Во втором случае одно предложение разбивается на два, что делает информацию доступной для восприятия. Убирается шаблонная фраза «как я уже сказал»; во втором предложении возникает включающее «*мы*». Наречие *специально* усиливает стоящее рядом *мы* и выражающее то, что каждый сопричастен событию строительства.

Учитывая вышеизложенное, можем заключить, что спикер использует: 1) *мы* эксклюзивное в значении «мы-партия» исключаящее, когда речь идет о деловой тематике; 2) *мы* инклюзивное в значении «мы-партия + народ» и 3) мультииндексное *мы* (День работников культуры, освящение часовни).

Исследователь И. Ю. Гранева говорит: «Манипулятивное использование МЫ эксплуатирует важную общечеловеческую идею кооперативности, <...> что делает это использование крайне эффективным и вместе с тем довольно неэтичным средством языковой демагогии» [3, с. 18]. Обратим внимание на два аспекта: негативный аспект манипуляции в том, что нивелируется личная ответственность говорящего, а позитивный аспект проявляется в том, что употребление «мы» маркирует отсылку к высшим (надличностным) ценностям, идеалам, нормам. В итоге местоимения могут воплощать манипулятивную и мировоззренческую установку личности.

Спикер также включает в свои выступления культуруформирующую функцию. В мультииндексном *мы* заключена эта функция, к ней спикер прибегает, когда необходимо подчеркнуть важность объединения не только партии, но и самого народа, чтобы прийти к «процветающей России» (*мы не восстановим нашу самобытную культуру, нашу веру, моральные устои, то не надо говорить о сильной, процветающей России, надо называть вещи своими именами*); во включающем *мы* губернатор акцентирует внимание на определенном событии.

Исследование речей А. Г. Тулеева позволило выделить способы употребления местоимения *мы* для усиления воздействия:

1. *Мы* как правило используется после обращений-индексов и обращений-регулятивов.

2. Выбор вида дискурсивного смысла местоимения *мы* зависит от цели оратора: инклюзивно обозначить адресата речи либо показать отношение политика к нему; показать аудитории её единство с партией в решении каких-либо вопросов, в совместном с партией проведении мероприятий.

3. Использование местоимения *мы* также позволяет акцентировать внимание аудитории на конкретном событии.

Таким образом, анализ выступлений А. Г. Тулеева позволяет рассматривать *мы* как средство вербализации идеи объединенности и заключить, что *мы* – своего рода концепт, являющийся способом речевого воздействия.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. / Под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. Москва: Прогресс, 1974. С. 296.
2. Галкина А.К. Контент-анализ категории местоимений в речи политических деятелей (на материалах Европейского Парламента и Европейского Молодежного Парламента) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. С. 18.
3. Гранева И.Ю. Местоимение «Мы» в аспекте проблемы языкового манипулирования сознанием // Вестник ВятГУ. 2008. № 2. С. 18.
4. Иванова А.И. Прагмалингвистический анализ личного местоимения «мы» как формы публичного обращения Барака Обамы в Интернете // Политическая лингвистика. 2012. Вып. № 2. С. 84–87.
5. Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2009. С. 7.
6. Карамова А.А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 143–146.
7. Okamura A. Use of personal pronouns in two types of monologic academic speech // The Economic Journal of Takasaki City University of Economics. 2009. Vol. 52, No. 1. P. 17–26.

10.02.01

А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, yakovlyubov@rambler.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОДА» В ТЕКСТАХ СМИ

Семантическая теория поля является одной из актуальных проблем современной лингвистики. В статье авторами рассмотрена структура семантического поля «Мода», определены ядерная и периферийные зоны, выявлены основные слова-репрезентанты. В ходе исследования использовался метод сплошной выборки из периодических изданий, компонентный анализ, описательный метод, позволяющий провести анализ особенностей лексических единиц.

Ключевые слова: *семантическое поле, лексико-семантическая группа, лексические парадигмы.*

Новизна исследования заключается в том, что на данный момент недостаточно изучен процесс развития лексики сферы “мода” в современном русском языке. Цель настоящего исследования – анализ наполнения семантического поля “мода” (далее – СП), принципы и классификация слов-репрезентантов.

Детальный анализ работ Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика. Синонимические средства связи» (1974), Л.А. Новикова «Семантика русского языка» и Г.С. Щура «Теория поля в лингвистике» (1974) позволили выявить основные составляющие структуры семантического поля. Теория парадигматических и синтагматических полей была рассмотрена в работах Л.М. Васильева «Теория семантических полей» (1971), С.Н. Виноградова «Лексико-семантическая парадигматика» (1999). А.А. Уфимцева в работе «Опыт изучения лексики как системы» (1962) дает описание изучению лексики по семантическим и понятийным полям, выделяя внутрисловные связи.

В процессе исследования было уделено значительное внимание автореферату диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е.Е. Скворцовой «Пополнение лексико-семантического поля “мода” во французском и английском языках как отражение развития вербального вестиментарного кода (на материале лексики интернет - магазинов одежды)» (2016). Также особый интерес представила публикация Т.Г. Безкоровайной «Семантическое поле как способ систематизации лексических единиц: попытка обобщения основных положений теории поля» (2012). Автор данной работы описывает роль семантических полей в объединении лексем в лексико-семантические группы.

СП “мода” состоит из трех уровней, на которых находятся лексемы. На первый уровень СП мы поместили лексемы, которые создают лексико-семантические поля (далее – ЛСП) с обобщающим признаком и связаны с архилексемой *мода*: *одежда, обувь, аксессуары*. В свою очередь ЛСП подразделяются на лексико-семантические группы (далее ЛСГ). На втором уровне помещаются данные группы: “одежда” – ‘верхняя одежда’, ‘нижнее белье’ и ‘одежда’; “обувь” – ‘спортивная’, ‘модельная’, ‘зимняя/осенняя’, ‘летняя’; “аксессуары” – ‘головные уборы’, ‘украшения’, ‘сумки’, ‘очки’, ‘шарфы’. Третий уровень, соответственно, вмещает в себя лексические единицы, которые входят в эти ЛСП, образуя ЛСГ. Таким образом, СП “мода” представлено тремя уровнями, в которые входят лексемы, имеющие интегральные и которая находится в ядерной зоне СП.

Методом сплошной выборки из периодических изданий о моде было выявлено 100 лексем-существительных, которые наполняют СП 'мода'.

Следующим шагом нашего анализа является структурирование СП "мода". Необходимо отметить, что при работе с лексемами был использован словарь Р.П. Андреевой «Энциклопедия моды» (1997) и современные интернет-источники.

В ЛСП-1 объединяются лексемы, имеющие в толковании гипосему «вид одежды». Данное объединение является обобщенным, поскольку в него входят лексемы, обозначающие верхнюю одежду, одежду и нижнее белье. Основная интегральная сема для всех лексем ЛСП-1 находится в денотате определения. В данное ЛСП вошло 39 % от общего количества лексем, такие как: *честерфилд, анорак, спенсеркейт, бралет, бра, монокини, лонгслив, кроп-топ, бойфренд, чиносы, джоггеры, джеггинсы, кюлоты и т.д.*

ЛСП-2 содержит лексемы, имеющие в своем определении интегральную сему «вид обуви». Эта категория включает в себя лексические единицы, которые обозначают спортивную, модельную, зимнюю/осеннюю и летнюю обувь. В данное объединение с помощью архисемы вошло 35% от общего количества лексических единиц: *биркеништоки, дезерты, оксфорды, слинбэки, лабутэны, мартинсы, сликеры, мюли, слипоны, мунбуты, броги, челси, лоферы и пр.*

ЛСП-3 включает в себя большее количество лексем, нежели предыдущие поля. Репрезентанты, наполняющие ЛСП-3, имеют в своем лексическом значении интегральную сему «аксессуар». В данное объединение входят слова, обозначающие украшения, головные уборы, сумки, шарфы и очки. 26 % от общего количества лексем всего СП составили данное ЛСП, в которое вошли следующие лексемы: *кафф, чокер, пусеты, слейв-браслет, португез, бини, снэпбэк, вайфареры, плюм, тишейды и т.д.*

Далее переходим к разделению лексем по ЛСГ. ЛСП-1, объединяющее лексические единицы с интегральной семой «вид одежды» включает следующие ЛСГ: верхняя одежда, одежда и нижнее белье. С помощью гиперсемы «вид верхней одежды» происходит объединение следующих лексем в ЛСГ-1. В структуре СП данные лексемы находятся в периферийной части всего поля. ЛСГ-2 содержит лексические единицы, которые имеют гиперсему «вид одежды». Дифференциальной семой данной ЛСГ по отношению к другим разделам является именно сема «нижнее белье». С её помощью мы можем отделить лексемы, входящие в данное объединение. ЛСГ-3 с наименованием 'одежда' включает в себя большее количество единиц, нежели предыдущие ЛСГ. Лексемы, наполняющие данную группу, имеют интегральную сему «вид одежды».

ЛСП-2 имеет в своем составе лексические единицы, которые объединены интегральной семой «вид обуви». Как и в предыдущем ЛСП мы подразделяем данное поле на несколько ЛСГ. Лексические единицы, находящиеся в ЛСГ-4, имеют интегральную сему «вид спортивной обуви». ЛСГ-5 включает лексемы с гипосемой «вид обуви» и гиперсемой «модельная». К ЛСГ-6 относятся лексемы, обозначающие зимнюю и осеннюю обувь. Данные наименования имеют интегральную сему «вид обуви», но при этом имеют гиперсему «осенней» и «зимней». Противоположной предыдущей группе является ЛСГ-7, которая имеет в своем составе лексические единицы с интегральной семой «вид обуви» и дифференциальную сему «летней».

Проанализировав самое объемное ЛСП, перейдем к ЛСП-3, имеющее в своем составе лексемы с интегральной семой «аксессуар». ЛСГ-8 данного поля объединяет лексические единицы, в значении которых присутствует гипосема «аксессуар» и гиперсема «украшение». ЛСГ-9 включает лексемы, которые имеют интегральную сему «аксессуар» и дифференциальную сему «головной убор». ЛСГ-10 имеет в своем составе единицы с гипосемой «аксессуар» и гиперсемой «сумка». ЛСГ-11 состоит из лексем, которые объединены гипосемой «аксессуар» и гиперсемой «шарф». ЛСГ-12 имеет небольшое количество лексем с интегральной семой «аксессуар» и дифференциальной семой «очки».

Выполнив сложную иерархическую структуру СП "мода", можно сделать определенные выводы.

Во-первых, при структурировании СП мы наблюдаем сужение лексических значений лексем, и в то же время расширение самого СП.

Во-вторых, по результатам статистического анализа можно сказать, что наиболее популярными являются предметы женского и универсального вида одежды. Мужской вид одежды как неотъемлемая часть моды представлен в малом количестве.

В-третьих, СП включает в себя несколько ЛСП, а ЛСП включают несколько ЛСГ, поэтому все лексемы объединяются в данную систему с помощью интегральных сем. Распределение именно по ЛСГ происходит с помощью дифференциальных сем. Таким образом, мы подтверждаем иерархическую структуру СП 'мода'.

Таким образом, семантическое поле является обширной системой, которая свободно соотносится с другими полями и более сложными объединениями в лексической системе языка. Именно благодаря отношениям между лексемами внутри одного поля, выстраивается иерархическая система. Лексемы, наполняющие СП «мода», в большей степени являются снова актуализированными словами, но имеются чисто неологизмы.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
2. Безкоровайная Г.Т. Семантические поля как способ систематизации лексических единиц: попытка обобщения основных положений теории поля / Безкоровайная Т.Г. // ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ. Серія «ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ». – 2012. – №1 – С. 172 – 180.
3. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1971. – №5. – С. 105–113.
4. Виноградов С.Н. Лексико-семантическая парадигматика: Учеб. пособие / С. Н. Виноградов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1999. – 76 с.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
6. Скворцова Е.Е. Способы пополнения лексико-семантического поля «Мода» во французском и английском языках как отражение развития вербального вестиментарного кода (на материале лексики интернет-магазинов одежды). дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Тула, 2016. – 209 с.
7. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 288 с.
8. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 235 с.

10.02.01

П.А. Якимов канд. педагог. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и МПРЯ,
Оренбург, ruakimov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛОЩЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ

В данной статье рассматриваются особенности анализа языковых воплощений религиозной картины мира в поэтических текстах. Автор показывает направления в исследовании, необходимость обращения к различным методам и источникам получения информации – основным и дополнительным.

Ключевые слова: *религиозная картина мира, поэтические воплощения, языковые средства.*

Любая картина мира, являющаяся элементом сознания человека, находит воплощение в языковых средствах. При этом важно, что анализ совокупности языковых средств различных уровней позволит реконструировать поэтические репрезентации религиозной картины мира. Однако следует отметить, что описание языковых средств, с одной стороны, не может дать исчерпывающих сведений о религиозной картине мира, хранящейся в сознании автора, поскольку религиозные представления (и/или представления о религии) могут иметь и невербализуемую часть содержания [7], с другой стороны, даёт наиболее полные сведения о религиозной картине мира, вербализованной в текстах. В поэтическом произведении религиозная картина мира может быть воплощена как в виде представлений, в основе которых лежат знания и опыт автора, так и в виде представлений-воображений автора.

При анализе языковых средств репрезентации религиозной картины мира в поэтическом тексте необходимо учитывать, что одни и те же представления могут иметь различную вербальную форму в разных текстах (тем более у разных авторов). Следовательно, весьма важным представляется исследование потенциальных возможностей того или иного языкового средства в объективации религиозной картины мира в поэтическом (и не только поэтическом) тексте. Это определяет необходимость обращения к разнообразным лексикографическим источникам.

Широкий охват лексикографических источников (от толковых и идеографических до историко-этимологических) протяжённый по историческому периоду их издания (преиздания) позволит определить специфику трансформаций не только лексем, но и тех фрагментов религиозной картины мира, которую они воплощают. Комплексный анализ сведений из разных типов словарей поможет в получении информации о семантике слов, воплощающих базовые понятия религиозной картины мира, а также о способах появления / утраты (возможно, времени) ими религиозного компонента значения в том числе контекстуально.

При анализе множественных номинаций, воплощающих религиозные представления в русском языке в целом и в поэзии в частности, необходимо обращение к внутренней форме слов (этимонам), то есть к их первичным мотивирующим признакам: согласно представлениям специалистов в области когнитивной лингвистики [1, с. 59], один и тот же фрагмент когнитивной картины мира получает разные наименования, поскольку «разные внутренние формы закрепляют разные ракурсы «видения» одного и того же обозначаемого явления» [3, с. 77].

Следует учитывать, что, например, при анализе потенциальных возможностей воплощения представлений о Боге в русском языке лексикографические источники могут дать вполне достаточные общезыковые сведения о номинациях Бога, но весьма ограниченные о духовных совершенствах Бога, о воле Бога, о его Завете или требованиях по отношению к людям. В случае отсутствия тех или иных лексем в толковых и других словарях для определения возможности / невозможности воплощать ими фрагменты религиозной картины мира в русском языке считаем необходимым обращаться к данным Национального корпуса русского языка, использовать социолингвистические (наблюдение, анкетирование и проч.) и психолингвистические (проведение ассоциативного эксперимента) методы исследования.

В ходе корпусного анализа представляется возможным определить потенциальные возможности той или иной лексемы к реализации религиозного значения при обращении к материалу из тех источников, которые наиболее полно репрезентованы в корпусе (художественная литература, публицистика), изучить лексическую сочетаемость, контекстуальное значение слов с применением статистических методов [4, с. 7–20].

В целом, Национальный корпус русского языка даёт большие возможности для исследования языкового воплощения религиозных представлений: изучать специфику поэтического употребления слов в синхроническом и диахроническом аспектах, проследить историю отдельных лексем, воплощающих традиционно-поэтические представления о субъекте и объекте религиозной картины мира, определить особенности воплощения религиозных представлений в поэзии различных литературных школ и направлений, доказать интертекстуальные связи поэтических текстов [6, с. 488–492].

Одним из аспектов анализа поэтических представлений о религии является соотнесение их с собственно религиозными представлениями. Поскольку по преимуществу, как показывают наши наблюдения, в русской поэзии воплощаются христианские представления о Боге и его совершенствах, то важным источником при определении номинаций Бога, их частотности в Священном Писании, лексем, используемых для обозначения духовных совершенств Бога, его заветов по отношению к человеку является «Симфония на Ветхий и Новый Завет» [5, с. 35]. Дополнить недостающие сведения о тех или иных лексемах можно, обратившись к соответствующим тематическим словарям.

При анализе поэтических представлений о религии важные сведения возможно получить при проведении ассоциативного эксперимента, однако необходимо быть весьма осторожным, поскольку, как утверждает И. В. Бугаева, среди верующих или атеистов наблюдаются несопоставимые результаты [2, с. 177].

Религиозная картина мира, как и любая другая картина мира, представленная в сознании конкретного человека (тем более творческой личности), изменяется на протяжении его жизни под влиянием внешних (социокультурные изменения) и внутренних (приобретение или переосмысление опыта, знаний и проч.) факторов; могут изменяться и предпочтения в способах вербализации религиозных представлений (и/или представлений о религии) в поэтическом тексте. Следовательно, возникает необходимость изучения воплощений религиозной картины мира в поэтических текстах конкретного автора в динамике.

Поскольку в поэтическом тексте (в отличие от прозаического) большую роль играют личность автора (лирическое «я»), в воплощении религиозной картины мира в поэтическом тексте определяющую роль играют религиозные представления автора (или представления автора о религии). Субъективность может быть связана и с тем, что воплощение в тексте тех или иных фрагментов религиозной картины мира детерминировано конкретными намерениями и установками, творческим замыслом, мировоззрением поэта, ценностными и другими ориентирами. Следовательно, важен учёт социокультурных условий, в которых жил и творил автор. Включение религиозных представлений автора в социокультурный контекст невозможно без обращения к анализу религиозно-философских представлений того времени [5].

В современных лингвистических и шире – филологических исследованиях осмысление религиозных представлений в поэтическом тексте осуществляется с позиций определенного эстетического идеала. Однако исчерпывающий анализ поэтического представления религиозной картины мира невозможен без учета множественной антропологической обусловленности изображенного авторской точкой зрения. Если принять во внимание психолого-концептуальное основание в поэтическом представлении автором религиозной картины мира, то имеет смысл говорить об индивидуальных интерпретациях религиозных представлений в поэзии разных авторов, в первую очередь на уровне изучения способов осложнения тех или иных лексем, воплощающих религиозные представления, в художественном мире автора. Например, целесообразно определить типичные для русской поэзии в целом или поэзии определенного эстетического направления номинации Бога и выявить их функционально-смысловую значимость в поэтических текстах конкретного автора.

Таким образом, анализ языковых воплощений религиозной картины мира в поэтическом тексте отдельного автора (или нескольких авторов) должен быть комплексным и поэтапным. Те или иные языковые средства представления в поэзии должны быть соотнесены с этимонами данных слов, с общеязыковыми представлениями, с общепоэтическими и представлениями в поэзии данного эстетического направления.

Список литературы

1. *Беляевская Е.Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике концептуального анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 5 – 14.
2. *Бугаева И.В.* Особенности описания религиозных концептов / И. В. Бугаева // Хрестоматия теолингвистики: сборник статей. – Ульяновск: Изд-во «ООО Мастер Студия», 2019. – С. 176 – 188.
3. *Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’»: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб, 2010. – 406 с.
4. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 16 (2). – С. 7 – 20.
5. *Сергеева Е.В.* Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. – СПб.: Наука, САГА, 2002. – 192 с.
6. *Тарасова И.А.* Корпусный подход к анализу поэтических текстов в русской эмиграции // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: сборник статей. – Нижний Новгород, 2016. – С. 488 – 492.
7. *Шестак Л.А.* Русская языковая личность. – Волгоград: Перемена, 2003.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***К.Н. Антонова канд. филол. наук, Л.В. Фиалкина**

Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет,
гуманитарный факультет,
кафедра английского языка № 2,
Санкт-Петербург, ksana-a@mail.ru, fialkina@bk.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТ WATER
В РОМАНЕ ИЭНА МАКБЮЭНА «В СКОРЛУПЕ»**

В работе представлены результаты изучения репрезентации лингвокультурного концепта WATER в тексте современного английского романа, определены приемы и средства выразительности, определяющие образную составляющую концепта. Проведена экспликация лексико-семантического поля концепта.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантический вариант, концепт, лингвокультурный концепт, образная составляющая.

Концепт WATER является одним из базовых культурных концептов, составляющих картину мира.

К концепту WATER неоднократно обращались многие отечественные лингвисты (Бадмаева Т. Н. [1], Жакова Т. Е. [3], Хайруллина Д. Д. [10], Белоусова А. В. [2], Петрова Е. Е. [9] и другие). В рамках своих исследований, ученые отмечают важность этимологической составляющей концепта, и работают с фольклорными текстами (сказками и балладами) [15], фразеологическими и идиоматическими единицами [9]. Большое количество работ посвящено исследованию лингвокультурного концепта в английской художественной литературе и масс-медийном пространстве. Любой концепт может рассматриваться в рамках и лингвокультурного (Слышкин Г. Г., Карасик В. И., Степанов Ю. С.), и лингвокогнитивного (Кубрякова Е. С.) подходов.

Автор предполагает, что можно построить ЛСП на материале того или иного литературного произведения. Таким образом, вербальные средства реализации концепта будут отражать то, как лингвокультурный концепт представлен в сознании автора. Объектом исследования данной работы является текст романа британского писателя Иэна Макьюэна «Nutshell» («В скорлупе»), опубликованного в 2016 году, но не получивший еще достаточного осмысления. Действие романа происходит в Англии в начале XIX века. В основе сюжета гамлетовская аллюзия – любовный треугольник: жена Труди, муж Джон, брат мужа Клод, имеющий претензии не столько на жену, сколько на материальные блага брата. Повествование ведется от лица нерожденного малыша. Из его рассуждений и мыслей читатель узнает о нравах современного британского общества, путях формирования новых мировоззрений и оценочных суждений относительно происходящего.

Гипотеза данной работы состоит в том, что художественный концепт WATER является отражением лингвокультурного концепта и имеет свои индивидуальные авторские черты. Согласно Кононовой И. В., в структуре концепта выделяют образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, а также этимологическую составляющие [13].

На основе анализа толковых и словообразовательных лексикографических источников у лексемы water обнаруживаются 9 лексико-семантических вариантов.

Стоит отметить, что большинство дефиниций лексико-семантических вариантов содержат в себе слово liquid, что делает его центральной семантической единицей при описании предмета исследования.

1) the clear liquid that falls as rain and is used for things such as drinking and washing [15] (прозрачная жидкость, выпадающая в виде осадков (дождя), используемая для питья и мытья)

2) the liquid content of a river, inlet, etc [12] (контейнер с жидкостью (море, озеро, река))

3) the surface of a lake or the sea [15] (поверхность водоема (гладь озера))

4) an area of water that belongs to a particular place, state, country etc [15] (площадь воды, принадлежащая определенной стране, области, государству и т. д.)

5) во множественном числе waters used for talking about a particular type of situation [15] (используется для обсуждения определенного типа ситуации)

6) a transparent, odorless, tasteless liquid, a compound of hydrogen and oxygen, H_2O , freezing at $0^{\circ}C$ and boiling $100^{\circ}C$ [12] (прозрачная, бесцветная, безвкусная жидкость, состоящая из водорода и кислорода, замерзающая при $0^{\circ}C$, и испаряющаяся при $100^{\circ}C$)

7) во множественном числе waters amniotic fluid [12] (околоплодная жидкость)

8) a liquid solution or preparation, especially one used for cosmetic purposes [12] (специальный раствор, используемый в косметических целях)

9) any liquid or aqueous organic secretion, exudation, humor, or the like, as tears, perspiration, or urine [12] (любая жидкость органического происхождения (пот, моча, слезы))

Согласно словарям метафор выделяют некоторые лексико-семантические варианты, отражающие оттенки основные значения слова water.

Так, в значении прозрачной жидкости, выпадающей в виде осадков, отображаются следующие лексемы: rain (дождь), snow (снег), drizzle (мелкий дождь), storm (шторм), hail (град), flood (потоп), mist (туман), puddle (лужа), sleet (изморось), whiteout (снегопад)

К ЛСВ, обозначающим область скопления воды, природные водоемы, природные контейнеры хранения жидкости можно отнести: sea (море), ocean (океан), lake (озеро), river (река), lough (залив, озеро), mere (пруд, болото), pond (пруд, запруда), tank (искусственный водоем), waterhole (водный источник), brine (море)

Поверхность воды конкретизируется следующими лексемами: body of water (водная гладь), field (бассейн), groundwater (почвенная, подземная вода), stretch (водное пространство), sweep (горизонт, пространство); пространство воды, принадлежащее определенному государству, отделяющее «свое» от «чужого», лексемами waters (водная территория, воды), channel (русло, канал), inlet (бухта, узкий залив), lagoon (лагуна, лиман), narrows (пролив), neck (мыс), sound (пролив), strait (пролив, узкий перешеек).

Для обозначения сложной ситуации употребляются следующие словосочетания: stormy waters, turbulent waters (штормовые воды – сложная ситуация). Лексемный ряд этого ЛСВ представлен единицами: situation (ситуация), circumstance (обстоятельства), conditions (условия), background (подоплека), event (событие), climate (обстановка), affair (происшествие), business (дело)

К ядру группы ЛСВ «жидкость, текучее вещество» относятся лексемы: aqua (жидкость), hydro (воды), humidity (влажность), а также значения ближней периферии: ice (лед), water vapor (водный пар). К дальнему полю периферии можно отнести выражения a drink/glass of water, cold/hot water, bottled/tap water, to boil water.

Группа ЛСВ «околоплодная жидкость или вода» представлена лексемами amniotic fluid (околоплодные воды), womb (утроба).

В косметических целях обычно используются определенные типы вод: lavender water (лавандовая вода), lemon water (лимонная вода), hydrolate (гидролат), herbal distillate (гидролат)

В значении жидкости органического происхождения отмечаются лексемы: sweat (пот), urine (моча), tear (слеза), perspiration (пот), exudation (выделение), secretion (секреция)

Анализ лексических единиц, входящих в зоны ядра и периферии ЛСП, репрезентирующего концепт WATER, дал возможность выделить секторы лексико-семантического поля рассматриваемого концепта.

Ядро концепта WATER в романе выражено 3 основными значениями:

1. *Chemical liquid*, необходимая субстанция для существования. В этом значении концепт репрезентируется как прямым значением, так и метафорическим.

Образная составляющая значения «вода – химическое вещество» представлена метафорическими словосочетаниями *roaring water* (рев воды), *absolving water* (очищающая вода).

Even when the roaring water ceases, when we step into colder air and I'm shaken to a blur by Trudy's towel, I have the impression of singing in my head. [16] (Даже когда рев воды стихает, когда мы выходим на более холодный воздух, и Труды трясет меня до полусмерти полотенцем, у меня создается впечатление, что я пою в своей голове).

Often she joins him in the bathroom and, without touching, they expunge each other from their bodies with absolving hot water. [16] (Часто она присоединяется к нему в ванной и, не прикасаясь, они вымывают друг друга из своих тел освобождающей горячей водой). Ближняя периферия концепта *WATER: absolving* (освобождающая). Идиома «смыть с себя» означает избавиться от чего-либо негативного.

2. *Amniotic liquid* символизирует начало жизни, и вместе с тем окончание защиты в утробе матери.

My waters. Breaking! [16] (Мои воды! Отходят!).

My watery protection has vanished. [16] (Моя водная защита исчезла).

Роман начинается с описания восприятия себя ребенком в утробе матери (*drifted in my translucent body bag ... through my private ocean* [16] (дрейфовал в своем полупрозрачном мешке ... через собственный океан)). Все время, проведенное в утробе, под защитой скорлупы (*in a nutshell*), связано с метафорами воды, через которые ребенок получает информацию об окружающем мире, питается, пьет, ощущает звуки и сенсорику окружающего мира. Как следствие, дальняя периферия концепта представлена лексемами: *womb* (утроба), *nutshell* (скорлупа), *placenta* (плацента), а также всех частей тела, обеспечивающих жизнедеятельность всей репродуктивной системы: *blood* (кровь), *channels* (каналы).

3. ЛСВ *natural container* представлен в романе лексемами *pond, inlet, sea, ocean, river, channel*. Образная составляющая этого значения в большинстве случаев выражается метафорами (*cooling pond of reformation, ocean road, blue sea, secret sea, inland sea, ocean licks ankles* (океан ласкает лодыжки)). Употребление гиперболы *oceanic anger* позволяет автору наделить героя глубокими чувствами, и в то же время подчеркнуть ее индивидуальность, неповторимость, идентичность: *Trudy's anger is oceanic — vast and deep, it's her medium, her selfhood* [16] (Гнев Труды океанический — обширный и глубокий, это ее среда, ее самость).

Смещение метафорического на значения «вода – природный контейнер» на «вода – части тела» можно наблюдать примере следующих предложений:

If she can break into it with her teeth, we'll suffer together, after the nuts, a second incoming salt tide rolling through the estuary inlets, thickening our blood to brackish ooze. [16] (Если она сумеет впиться в него зубами, после орехов мы вместе переживем второй наступающий соленый прилив, прокатившийся по устьям протоков, сгустивший нашу кровь до солоноватой тины.), где устья протоков обозначают кровеносные сосуды, приносящие питательные вещества младенцу.

Или *A slippery tightening against the common carotid, vital channel beloved of slit-throats*. [16] (Скользкое сжатие общей сонной артерии, жизненно важного канала, любимого горлорезами.) Здесь лексема *channel* используется для обозначения кровеносной артерии. Представляется возможным обращение к этимологическому значению концепта «вода – символ жизни, канал жизни».

Также интересно проследить смещение значения с «вода – природный контейнер» на «вода – амниотическая жидкость»: *How I miss my spacious days of ocean-tumbling*. [16] (Как я скучаю по моим раздольным дням кувыркания в океане) в мыслях ребенка о своем нахождении в утробе.

Ближайшие периферические значения концепта «вода – осадки» представлена

использование лексем: rain, snowy, flood, drizzle, mist, storm, smog: summer rain (летний дождь), heavy rain (сильный дождь), rainy morning (дождливое утро), flooded meadows (затопленные луга), soft drizzle of his soliloquy (слабая морось его монолога). Использование сравнений позволяет автору выразить свое отношение не только к ситуации, но и сформировать отношения читателя к описываемому событию: what's said hangs in the air, like a Beijing smog. [16] (Сказанное висит в воздухе, как пекинский смог).

Автор, мастерски используя эпитеты и метафоры, совмещает на первый взгляд несовместимые понятийные характеристики: Her grief, her tears, are proof of probity. [16] (Ее горе, ее слезы — доказательство честности). Два разнооценочных понятия горе, слезы в противовес честности. Или She groans. That was good! Look, tears. I'm crying with pleasure. [16] (Она стонет. 'Это было хорошо! Смотри, слезы. Я плачу от удовольствия). Слезы от удовольствия вещь относительная, противостоящая привычным ассоциативным составляющим концепта «слезы»: плакать от радости. Или The woman who's coldly scheming to ... in tears over ... [16] (Женщина, которая хладнокровно замышляет... в слезах...). Хладнокровие подразумевает отсутствие эмоций, максимальную собранность и сдержанность, которое в данном контексте выражается через проявление эмоций: слезы.

Построение ЛСП концепта WATER в романе Иэна Макьюэна позволяет сделать следующие выводы:

1. На основании проведенного анализа концепта WATER можно выделить:

ядро: вода — химическая субстанция, жидкообразное вещество, используемое для питья; она может иметь различные источники происхождения: природные (осадки, родники, минеральные источники) или искусственно созданные (кран, напитки в бутылке), может быть разной температуры (холодной, горячей, теплой), различного состава (дистиллированной, минеральной, соленой, пресной, из крана), может образовывать большие пространства (озера, реки, моря, океаны), является природной границей как водоема, так и страны или территории, а также границей чьей-то жизни (амниотическая жидкость);

поле ближней периферии: вода — напиток или жидкость, на основе которой изготавливаются различные напитки. Она может быть разного цвета (чистая, грязная, цветная); вода может использоваться в косметических и аптечных средствах (примочки, отвары, лосьоны, гидролаты). В таком значении чаще всего вода несет пользу. Но может быть и основой для яда (poison). Это значение является этимологическим, подразумевая смерть, мертвую воду;

поле дальней периферии: вода — напиток. Перечень напитков, имеющие свои разновидности (чай, кофе, вина, лимонады). Вода — смысл жизни. Этимологическое значение концепта не проявляется открыто в настоящее время, но историческая составляющая выражается в современных значениях концепта. Вода — часть тела. Хотя в теле человека нет воды как таковой, кроме употребляемой через органы пищеварения, но тело человека на 55–65% состоит из воды. В этом значении концепт выражается рядом лексем прямого значения (жир, кровь, лимфа, пот, моча), а также названиями органов, окружающих жидкостные составляющие.

2. Роман «Nutshell», построенный на литературной аллюзии, представляет собой искусную лингвистическую сокровищницу, наполненную стилистическими фигурами, показывающими метафорическую образность и многослойность современного английского языка.

Репрезентация концепта WATER в романе Иэна Макьюэна многослойна и включает в себя образные, ценностные, понятийные, ассоциативные и этимологические составляющие. Концепт WATER представлен значениями ближней периферии: вода — химическое вещество, вода — осадки, вода — природный контейнер для хранения жидкости, вода — околоплодная жидкость, вода — выделения тела, а также значениями дальней периферии: вода — напиток, вода — косметическое вещество.

3. Концепт WATER используется в произведении с прямым значением (clean water, cold/hot water), так и с метафорическим значением. Автор использует большое количество

различных стилистических приемов (метафора, эпитеты, метонимия, и другие), чтобы создать образность и ассоциативность художественного концепта. Благодаря метафоричности значения концепта наблюдается возможность корреляции этимологических и исторических составляющих концепта с его современными значениями ближней периферии.

4. В произведении отражается метафорический перенос между значениями как ближних периферий, так и ближних и дальних периферий, а также использование совмещения разнооценочных характеристик разнозначимых лексем.

Список литературы

1. *Бадмаева Т.И.* Концепт «Вода» в английской лингвокультуре. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2006
2. *Белоусова А.В.* Сходства и различия в репрезентации концепта «water» / «вода» в английской и русской фразеологических картинах мира. Сборник: Дайджест-2019. Сборник статей по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков, посвящается 20-летию факультета иностранных языков и 45-летию ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2020. С. 10–14.
3. *Жакова Т.Е.* Репрезентация концепта Вода в загадках Эксетерского кодекса. Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 767–772.
4. *Ишимбаева Г.Г.* Трансформация шекспировского сюжета о Гамлете в романе И. Макьюэна «В скорлупе» // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2. С. 133–141.
5. *Каналаш О.П.* Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 1 (27). – С. 60–64. – Электронная копия доступна в науч. электрон. б-ке Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-i-natsionalnaya-kartiny-mira-kak-komponent-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 26.06.2022).
6. *Кононова И.В.* Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 7. № 1. С.49-60.
7. *Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. Москва. Издательский дом «Диалог». 2000.
8. *Петрова Е.Е.* Образная составляющая фантазийного концепта «water» в английских волшебных сказках. Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 204–210.
9. Свободная энциклопедия Викисловарь [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/water> (дата обращения 10.06.2022)
10. *Хайруллина Д.Д.* Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира (на примере английского и татарского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Казань, 2009
11. CorrectEnglish [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.correctenglish.ru/reference/idioms/search/?idiom=water&criteria=name> (дата обращения: 08.06.2022)
12. Dictionary.com [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.dictionary.com/browse/water> (Дата обращения: 08.06.22)
13. *Harper, Douglas.* Online Etymology Dictionary <https://disk.yandex.ru/i/6aU6GcfukCdsW> (дата обращения: 10.06.2022)
14. Macmillan Dictionary Online [Электронный ресурс]. // URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/tear_2 (дата обращения 03.07.2022)
15. Macmillan Dictionary Online [Электронный ресурс]. // URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/water_1 (дата обращения 04.07.2022)
16. McEwan I. Nutshell, Penguin books, 2016.
17. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.etymonline.com/search?q=water> (дата обращения: 10.06.2022).

10.02.04

К.Э. Вяльяк, В.В. Барышникова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, kristavyalyak@mail.ru, veronikaspb@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РЕЧИ КИНОПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АКЦЕНТИРОВАННОГО КИНО)

Согласно принципу антропоцентризма, язык изучается в тесной взаимосвязи с человеком, его культурой и ценностями. Данный подход позволяет рассмотреть тематическую направленность речи киноперсонажей акцентированного кино, в основе которой индивидуальные и когнитивные схемы восприятия мира.

Ключевые слова: *речь киноперсонажа, тематическая направленность, акцентированное кино.*

Признание антропоцентрической сущности языка обусловило перенос фокуса внимания исследователей на систему взаимосвязи языковых объектов с субъектом языковой деятельности. По мнению Н.Н.Болдырева, субъект «не отражает мир, как он есть, а конструирует его в своем сознании, привлекая коллективные и индивидуальные когнитивные схемы его восприятия и интерпретации» [1, с. 34]. В настоящий момент формирование этих схем осуществляется в условиях соприкосновения различных культур из-за непрерывной миграции населения. Следует отметить, что лица, объединенные общими культурными ценностями и традициями, связанные общими интересами, обладают определенной языковой общностью. К таким группам, безусловно, относятся и выходцы из других стран, разговаривающие на неродном языке.

Кинематографисты не могли не затронуть проблемы этнических и социокультурных изменений в обществе в своих киноработах. На рубеже XX-XXI вв. появился новый тип кинофильмов, созданных режиссерами-мигрантами, в которых персонажи пытаются определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной общностью. Актуальность исследования заключается в том, что данный тип кинофильмов, являющийся материалом исследования, рассматривался отечественными исследователями фрагментарно. В этой связи внимание к речи киноперсонажей данного типа кинофильмов, рассмотрение тематической направленности которой составляет цель настоящего исследования, представляется своевременным. Для анализа материала использовался описательный метод.

В данном исследовании, рассматривая кинофильмы, созданные режиссерами-мигрантами по всему миру, мы будем использовать термин акцентированное кино, который был введен иранским исследователем Х.Нафиси [3]. Рассмотрим подробнее этот термин. Очевидно, что первая часть термина, то есть «акцентированное», была заимствована из лингвистики, где под акцентом понимается произношение, которое квалифицирует говорящего либо как иностранца, либо как человека, имеющего отличный от других социальный или образовательный уровень. Акцент становится признаком идентичности и ясным указателем на статус и принадлежность к определенной географической территории. При этом человек в изгнании теряет возможность использовать родной язык. Многие персонажи данного типа фильмов или не говорят на родном языке, или испытывают сложности в общении на родном языке. Так, Кохит, персонаж фильма «Головой об стену» (On heads, 2004) немецкого режиссера турецкого происхождения Ф.Акина, фактически утратил способность говорить на родном языке. «Your Turkish is pretty star», говорят о его владении турецким языком персонажи-соотечественники. Как следствие, акцентированные фильмы часто выпускаются на двух или более языках.

В фильмах этого типа кроме особенностей произношения, есть и более существенные акценты – это отличие героя, оказавшегося в изгнании, от жителей новой страны проживания. В процессе исследования речевого поведения персонажей формируется представление о направленности их речи. Так, центральной темой для многих персонажей-мигрантов является тема «потери» или «утраты». В одном из первых фильмов, относящихся к акцентированному кино, «Потери, потери, потери» (*Lost, lost, lost*, 1976) режиссера литовского происхождения Й.Мекаса автор-рассказчик фильма, оказавшись в США, говорит на английском языке с явным акцентом выходца из Восточной Европы. Рассказчик многократно использует слово *lost* («потери»). В его обращении к зрителям «*You sit in your homes ... But I speak with an accent... And you even don't know where I come from*» звучит боль изгнанника, человека без дома [2]. Многие персонажи плохо адаптируются к новому социуму, а, отказавшись от родного языка и культуры, «теряют» себя, как это произошло с Кохитом, персонажем фильма «Головой о стену». (*I had died a long time ago. I lost myself a long time ago.*). Разрыв семейных отношений из-за отказа следовать традициям (*Brother in law? Where is your sister? – I do not have a sister anymore*), смена имени на более простое и удобное для произношения в новом социуме (*Jessy ← Jesminder*), утрата родного языка – все приводит к разрыву с прошлым как внешне, так и внутренне.

Другая тема, которой уделяется существенное внимание, – это тема, раскрывающая понятие «позор» или «стыд». Здесь следует указать, что персонажи акцентированного кино испытывают трудности в общении не только с членами диаспоры, но и с семьей. Автохтонная культура и ее ценности не поддерживаются старшими родственниками. Так, семья запрещает Джесси, героини фильма «Играй, как Бекхэм» (*Bend it like Beckham*, 2002) режиссера Г.Чадха, заниматься футболом. Мать героини на вопрос журналистов, гордится ли она своей дочерью, заявляет: *Not at all! She's bringing shame on the family and you three shouldn't encourage her! She shouldn't be running around with men*. Решающим для родителей является мнение соотечественников, которых возмущает то, что девушка индийского происхождения выходит на поле в шортах (*showing her bare legs to 70,000 people!*).

В новом социуме многие женщины-мигрантки вынуждены следовать привычному образу жизни и обычаям (*One more thing – it is not often that we women get away from the patriarchal demands made on us in our daily lives* («Бахджи на пляже»). Однако западная культура оказывает влияние на молодых представителей диаспоры, фактически разрушая традиционные схемы поведения. Героиня Чиндер отказывается слепо подчиняться мужу и его родственникам, сбегает с сыном из дома родителей мужа, что вызывает осуждение и негодование у членов семьи (*This is too much out of control. I won't rest until my grandson is back*) и у многих представителей диаспоры, которые руководствуются ценностями и нормами родной страны (*That Ginder, I hear she ran off... Took her son, and she even chose the husband. ... I hear her husband used to beat her*). В фильме Ф.Акина «На краю рая» (*The Edge of Heaven*, 2007) представители турецкой диаспоры, узнав, что турчанка Йетер работает проституткой, жестко вынуждают ее уйти с такой работы, напоминая ей о позоре и о национальных ценностях (*Or are you ashamed of being a Turk? You are on the false path. Don't let me catch you there again*).

Позор и разрыв с семьей неизбежен и в ситуации Хашиды, вступившей во внебрачные отношения с представителем иной расы и забеременевшей от него (*Look, so what if she's pregnant? So what if the father's black? – Black! This is the 20th century, you know? That will kill your family, you know? It's not colour, it's culture*). Стремится избавиться от ограничений собственного этноса и Сибил, героиня фильма «Головой о стену» режиссера Ф.Акина, которая говорит Кохиту: *I want to live, Cohit. I want to live, dance, fuck. Not only with one. Do you understand?*

При обсуждении персонажами сложных жизненных ситуаций мы имеем дело с концептом «неуверенность» или «сомнение» (*I don't know what to do. Just don't know. Hashida, have you to-- you haven't told your parents. I don't think we could handle it right now.*). Неуверенность объясняется необходимостью приспособливаться к реалиям жизни (*I've told so many that I've*

forgotten how to tell the truth even if I wanted to). Неслучайно, молодой мигрант Оливер, виновный в беременности Хашиды, получает характеристику «not exactly Mr. Reliable» и, скрывая свою растерянность, использует ненормативные лексические единицы (Jesus Christ, this relationship's shit; the perfect bloody daughter).

Другая тема связана с понятием «успешность». Так, старшее поколение связывает успех своих детей с получением хорошего образования. Али, персонаж фильма «На краю рая», хвастается успехами сына (I have a son. He's a professor at a German university. He earns good money). Йетер занимается проституцией, чтобы ее дочь получила образование (I'd do anything for her. I didn't want her to be uneducated), а родители Хашиды гордятся дочерью, подающей надежды (University, British medical school, nation's health in her hands. She's my daughter, the first doctor in our family).

Концепт «Дом/Родина» является следующей актуальной темой. Персонажи-мигранты фактически не принадлежат ни своей культуре, ни культуре, принимающего этноса (You lot got spoiled living here... Home? What home? How long is it since you've been home? Look at you! Your clothes, the way that you think.) («Бахджи на пляже»). Многие мечтают вернуться на Родину, но, вернувшись, чувствуют себя чужими. Так, Сибил, героиня фильма «Головой о стену», ведет себя в Турции как представитель западного общества, вызывая негодование и возмущение у соотечественников (Where can I get drugs here? – Are you nuts? Where have you been? – On road. – Where?). Сибил крайне тяжело адаптируется к нормам родной страны (The only not alive here is me. All I do is to survive).

Проведенный анализ выявил общие для акцентированного кино тематические направленности речи персонажей, отражающие систему мнений и оценок в их индивидуальном и коллективном преломлении, которые, как пишет Н.Н. Болдырев, определяют вербальное и невербальное поведение человека, принятие им соответствующих решений [1, с.34]. В дальнейшем видится интересным рассмотреть взаимодействие вербального и невербального поведения персонажа акцентированного кино.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI. 2016. С.33-37.
2. Krstič I. Accented Essay Films: The Politics and Poetics of the Essay Film in the Age of Migration // World Cinema and the Essay Film: Transnational Perspectives on a Global Practice. Edinburgh Un.Press, 2019. pp.55-69.
3. Naficy H. An Accented Cinema: Exilic and Diasporic Filmmaking. - Princeton: Princeton University Press, 2001. – 374 p.

*10.02.04***А.М. Горохова**

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»,

Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра английской филологии,
Нижегород, gorokhova@lunn.ru

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ КАРТИРОВАНИИ ПАНДЕМИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена комплексному анализу понятийно-эмотивного, словотворческого, лингвоаксиологического потенциала пандемических неологизмов COVID-19 в англоязычном массмедийном дискурсе. Классифицируются наиболее продуктивные способы словообразования подобных лексем, создается понятийно-ассоциативная карта воссоздаваемых ими этномаркированных и универсальных конструкторов. Устанавливается взаимосвязь с национальной идентичностью.

Ключевые слова: медийный дискурс, картирование, неологизм, пандемия, национальная идентичность, лингвоаксиология.

Современная лингвистика характеризуется антропоцентричным фокусом исследовательского интереса с опорой на тесную корреляцию между индивидом и языковым инструментарием структурирования окружающей действительности с применением её лингвоаксиологического типирования и репрезентации оценочной и ценностной компоненты тех или иных явлений в контексте актуального языкового слоя. В свете глобальных социокультурных трансформаций неминуемо актуализируются и процессы языкового словотворчества, которые неразрывно связаны с потребностью в номинации нео-трендов и не имевших места ранее явлений.

Распространение в 2020 году новой коронавирусной инфекции COVID-19 выступило всеобъемлющим фасилитатором ускоренного создания и внедрения на практике многочисленных языковых новообразований, которые обладают широким потенциалом для анализа и фиксации алгоритмов их функционирования. Внимания заслуживают как собственно неологизмы, выступающие прямым следствием пандемии, так и лексические единицы и обороты, которые существовали в языке ранее, однако приобрели новые – дополнительные – оттенки смысла в быстро меняющемся средовом контексте. При этом глубинная интерпретация вновь возникающих языковых формаций и их лексикографическая экспликация находятся на начальной стадии.

Настоящее исследование направлено на выявление и картирование пандемических неологизмов в категориях лингвоаксиологии; сегментацию наиболее продуктивных словообразовательных моделей и установление соответствия между изученными неологизмами и чертами национальной идентичности нации-производителя.

Эмпирическая база исследования образована 115 пандемическими неологизмами, отобранными методом сплошной выборки из статей и заголовков современных аутентичных (американских) газет: The New York Times, The Washington Post, Newsweek, Chicago Tribune, USA Today. Анализ фактического материала проводился путем применения комплексного методологического инструментария: контекстуальный, структурный, деривационный методы, а также метод ментального картирования [6].

Язык каждого лингвосоциума выступает «живым организмом, тесно взаимодействующим со всеми сферами жизни» [4: 213], именно поэтому динамические перемены в любой из них неминуемо находят самобытные репрезентации на разных уровнях функционирования языковой действительности (морфемном, лексическом, фонетическом, синтаксическом), приводя к изменению языковых норм, регуляций и внутренней сущности лингвистических явлений. Наиболее подвижным языковым пластом выступает именно лексический как ключевой в процессе реализации ориентации языка на обогащение и внутреннее развитие. Согласно В. С. Виноградову, «неологизмы – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли» [1: 121]. К категории неологизмов относят те единицы, которые воспринимаются «носителями языка как новые в течение определенного времени» [3: 850] и сохраняют свою актуальность в контексте данного лингвосоциума. Указанные лексические образования могут переходить как в активный словарный запас, поэтапно преодолевая стадии социализации и лексикализации, прочно укореняясь в терминологическом и концептуальном поле конкретного языка, так и (в случае со слабо востребованными новообразованными) оставаться в пассивном словарном запасе.

С момента социокультурной актуализации концепта COVID-19 вплоть до настоящего времени английский язык сопровождал и продолжает сопровождать его лингвистическую аккомодацию. В актуальном слое сформировано существенное число новых лексем – коронанеологизмов (*Coroneologisms*).

Одним из наиболее востребованных источников категоризации и фильтрации сведений о реалиях окружающей действительности служат средства массовой информации как единый канал обеспечения бесперебойной новостной осведомленности социума и скульптурирования общественного мнения. Доступность контента, продуцируемого СМИ, обусловлена трансляцией усредненного и в значительной степени упрощенного языкового кода, функционирующего в состоянии когнитивно-аксиологических импликаций [7]. Язык массмедийного дискурса справедливо типизируется как одна из базовых форм языкового существования современного социума на глобальной арене и маркера тенденций изменения формального языкового кода. Отличительной чертой дискурса СМИ служит феномен сиюминутного отбора и категоризации новостной повестки из широкополосного потока информационных поводов, который основывается на определенных аксиологических фильтрах [5] с учетом социальной позиции СМИ и специфики целевой аудитории [2: 15], что позволяет СМИ быть своеобразным институтом вживания в окружающую действительность и демонстрировать наивысший словотворческий потенциал.

Анализ эмпирической базы исследования свидетельствует о превалировании двух основных тенденций в отношении аутентичной (американской) коронанеологической лексики, состоящих в расширении традиционного семантического поля как компонента неологизации действующих лексем, наряду с имплементацией принципиально новых образований и наличием единого словообразовательного паттерна.

В рамках тенденции №1 следует выделить ряд существующих в языке лексем (*self-isolation pandemic, lockdown, key workers, quarantine*), которые по мере распространения коронавирусной инфекции обрели дополнительные коннотации, напрямую связанные с COVID-19. Лексема *pandemic* существенно расширила привычную смысловую компоненту, объективируя ныне глобальную проблему всего мирового сообщества, несущую в себе не исключительно медицинский подтекст.

В рамках тенденции №2 выявлены и классифицированы наиболее продуктивные словообразовательные модели, характеризующие механизмы словотворчества в блоке пандемических неологизмов.

Словосложение: *covid-infected, covid-stricken* – зараженные COVID-19; *covid-related* – любая информация, связанная с пандемией; *covid-battered* – места с большим количеством зараженных; *doomscrolling* – бессмысленное и беспечное нахождение в сети «Интернет» на фоне значительно возросшего количества свободного времени; *frontline workers / essential workers* – медицинские работники и работники сферы обслуживания, пребывающие «на

линии огня»; *zoom-bombing* – грубое и внезапное прерывание ZOOM-конференции в период дистанционного обучения / работы из дома; *coronagoamers* и *coronaidiots* – люди, игнорирующие правила самоизоляции; *coronasoma* – термин, описывающий период локдауна.

Смешение: *blursday* – размытый, непонятный день как следствие карантина, самоизоляции и повторяющейся рутины; *smizing* – улыбка глазами (*smile + eyes*), с тем чтобы выразить эмоции, несмотря на наличие маски, скрывающей улыбку; *infits* – удобная домашняя одежда в период самоизоляции и карантина; *coronials* – дети, рожденные в период пандемии; *covidivorce* – развод на почве изоляции во время карантина; *drivecation* – поездка на личном транспортном средстве и использование его в качестве ночлега рядом с местом жительства во избежание контакта с окружающими; *coronanoia* – страх перед вирусом; *covidpreneurs* – лица или предприятия, которым удалось начать или удержать свой бизнес в условиях пандемии.

Аффикация: *masklessness* – отсутствие маски или иной защитной субстанции на лице индивида.

Аббревиация: *WFH* (Working From Home) – офис на дому, работу из дома; *PPE* (Personal Protection Equipment) – оборудование для «самозащиты» / персональной гигиены; *BCV*, *ACV* – период времени до заболевания коронавирусом (before COVID-19) и после (after COVID-19).

Словотворческие механизмы сопровождаются, в том числе, процессами эмотивной номинации, когда появляются лексемы по типу *rona*, *pandy*, *lady rona*, *aunt rona*, имеющие целью иронизацию пандемии COVID-19.

Ассоциативно-концептуальное картирование пандемических неологизмов с позиций лингвоаксиологии демонстрирует доминантный, с точки зрения количественной репрезентации в дискурсе СМИ, характер следующих этноспецифических констант: здоровье (*covid-19's spread*, *covid-19 patients*, *covid-19 deaths*, *virus factories*, *a covid-19 hospital*, *covid-19 wards*, *coronaphobia*, *telemedicine*, *covid-infected* и др.); надежда, будущее (*post-COVID*); война / враз (*frontline workers*, *wartime-like emergency measures*, *the scars of COVID-19*, *coronapocalypse*); изоляция и удаленная работа (*social distancing*, *self-isolation*, *lockdown*, *quaranteens*, *isobaking*, *quarantime*; *infits*, *blursday*, *zooming*, *WFH*, *homeference*, *zoom fatigue*); время (*blursday* и *doomscrolling*); недоверие (*coronafake*, *coronaspiracy theories*).

Примечательно, что многие выделенные лингвоконструкты носят характер общечеловеческих универсалий, что подчеркивает консолидирующую роль борьбы с пандемией. Пул проанализированных неологизмов играет важную роль в жизни глобального социума в межэтническом ключе, так как борьба с вирусом нивелирует национально-специфические маркеры и относится к общечеловеческим концептам современной лингвоаксиологической сферы. Неологизмы, являющиеся лингвоаксиологическими продуктами пандемии, помогают людям понимать мировые новости и следить за глобальными процессами, находясь в актуальной повестке, выражать свои опасения по поводу одного из самых серьезных кризисов в области здравоохранения, развивать и обновлять язык, выделяя и эмотивно конкретизируя определенный пласт истории человечества.

Все вышесказанное позволяет заключить, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 в существенной степени повлияла на культуру и языковой контекст (информационное мировоззрение социума), изменения в которых нашли широкую репрезентативную базу в дискурсе средств массовой информации. Концептуальная лингвоаксиологическая карта, полученная на основе анализа американских неологизмов в дискурсе современных СМИ, служит частным образцом моделирования ценностных ориентаций рассматриваемого лингвосоциума на конкретном этапе его развития, является открытой и динамичной системой, которая демонстрирует высокий потенциал к модификации компонентного состава и возможным понятийно-ассоциативным трансформациям с учетом расширения фактического материала и уточнения его характеристик в других типах дискурса.

Список литературы

1. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М: Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. *Кожемякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин ; БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – №12, вып.6. –С. 13-21.
3. *Нургалиева Н.Х.* Неологизмы и модели возникновения новых слов в языке (на примере эмпирического анализа англицизмов в корпусе текстов немецкого языка) // Вестник Башкирского университета, 2013. Том 18. №3 – С. 849-857.
4. *Пасева А.Д.* Неологизмы, их типы и пути формирования в современном русском языке. 2016. – 213 с. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-ih-tipy-i-puti-formirovaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>
5. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 210 с.
6. *Buzan T.* The Ultimate Book of Mind Maps. – Harper Thorsons. 2006. – 256 p.
7. *Teun Van Dijk.* Ideology: A multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998 – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

*10.02.04***Ю.С. Григорьева**

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – школа региональных и международных исследований,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Владивосток, grigoreva.yus@dvfu.ru

КЕННИНГИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

В статье рассматриваются древнеанглийские кеннинги как проявление лингвокреативности сказителей. Ставится вопрос о том, что в создании кеннингов проявляется креативная функция названия, которая является следствием характерного для мифопоэтического мышления отождествления имени и свойства его носителя.

Ключевые слова: *кеннинги, древнеанглийская поэзия, лингвокреативность.*

Древнеанглийские поэтические памятники представлены в четырех рукописных кодексах, которые приблизительно датируются концом X века: Эксетерская книга (The Exeter book), кодекс «Беовульфа» (Cotton Vitellius) Верчелльская книга (The Vercelli book) и кодекс Юниуса (Codex Junius). Поэзия древнеанглийского периода унаследовала древнегерманские поэтические традиции, прежде всего это аллитерационный стих, которым написаны все сохранившиеся памятники, и формульность. Основной единицей аллитерационного стиха является долгая четырехударная строка, состоящая из двух кратких строк. В каждой краткой строке имеется два сильных ударения – вершины, которые образуются наиболее значимыми единицами, как правило, именами [4, с. 186]. Формулы в поэтическом языке представляют собой словосочетания или сложные слова, регулярно употребляемые в одинаковых метрических условиях строки аллитерационного стиха для выражения какой-либо значимой идеи эпоса [8, с. 80]. Предполагается, что эпический поэт пользовался при повествовании готовыми формулами, устойчивыми сравнениями и образными клише [3, с. 7], к тому же, был ограничен довольно жесткими метрическими схемами. Из сказанного следует, что древнеанглийская поэзия может показаться довольно консервативной, которая не оставляла сказителю особого места для творчества.

Прежде чем подвергнуться письменной фиксации древнеанглийские поэмы в течение длительного времени существовали в устной традиции. Рукопись «Беовульфа», например, датируется началом XI века, а сама поэма относится к концу VII или первой трети VIII века, тогда как события, описываемые в ней, относятся к V – VI вв. Устный сказитель, исполняя произведения, не отделял исполнение от сочинения, а воспоминания об исторических событиях в эпосе неотделимы от вымысла, мифа и сказки [3, с. 5]. Стоит также помнить о том, что сказания, существовавшие в устной традиции, существовали в языческий период и получили письменную форму после распространения христианства. Поэма «Беовульф», например, представляет собой сплав языческих и христианских мотивов и служит свидетельством того, как ценности героической картины мира постепенно начинают вытесняться христианскими. Таким образом, пересказ событий эпическими поэтами не мог не сопровождаться изменениями, и несмотря на то, что эпический поэт не осознавал себя автором, в его повествовании неизменно должны были присутствовать «элементы творческой переработки действительности» [6, с. 84].

Кроме того, несмотря на консервативность и традиционность древнеанглийской поэзии, можно обнаружить значительную долю оригинального в словоупотреблении, поскольку искусство устного сказителя проявлялось в разнообразном подборе и сочетании лексем, которые подвергались переосмыслениям и модификациям. Слушатели были готовы снова и

снова внимать песням, хотя сюжет повествования и описываемые события были им хорошо знакомы. Следовательно, в эпических произведениях было нечто, что воздействовало на воображение и эмоции аудитории. Для того, чтобы производить эмоциональное впечатление на аудиторию рассказчик должен был в совершенстве владеть поэтическим языком [5, с. 4].

В ряду древнеанглийских поэтизмов особое место занимают кеннинги - поэтические перифразы, иносказательные описания предмета, заменяющие одно слово двумя или несколькими словами.

Кеннинги употреблялись для передачи ключевых понятий эпоса, для героического эпоса это прежде всего понятия, связанные с войной. Для обозначения битвы использовались такие кеннинги, как *zumena zēmot встреча воинов*, *hand-zēmot встреча рук*, *lind-pleza игра щитов*, *mesa zetana встреча мечей*, *sweorda zelac игра мечей*, *eszhetе ненависть мечей*. Нетрудно заметить, что из сочетаемости компонентов приведённых кеннингов следует, что неодушевлённые предметы (оружие) подвергались персонификации, отождествляясь с живыми существами. О персонификации меча свидетельствуют и кеннинги *heoru-dreor кровь, пролитая из ран, нанесенных мечом*, досл. *мечевая кровь* и *heoro-drync напиток меча, мечевой глоток, кровь, струящаяся из раны*. Собственно, и сама битва предстаёт живым существом, поскольку кровь имеет образное наименование *hearo-swata пот битвы*. О наделении меча и оружия свойствами одушевленного субъекта свидетельствуют сочетания *sweorda laf те, кого в живых оставили мечи* и *wærna laf те, кого в живых оставило оружие, выжившие, уцелевшие*.

Образным являются такие наименования меча, как *hildeleoma, beadoleoma луч сражений*. Считается, что образ меча как источника света является традиционно германским, тот же образ представлен в «Младшей Эдде» при описании Вальгаллы, которая освещена сиянием мечей [2, с. 30]. Интересным также представляется кеннинг меча *hildezicel лёд битвы* или *то, что растаяло от битвы* – речь идёт о мече, растаявшем от крови Гренделя и его матери.

Также к образным можно отнести наименования моря: *hronrad дорога китов*, *swanrad лебединая дорога*, наименования солнца: *rodoreс candel свеча небес*, *woruldcancel свеча мира*, *heofones zīm драгоценность небес*. Кроме того, существовали кеннинги для обозначения воина: *wizsmīas кузнецы войны*, *wælwulfas волки битвы*, *helmberend носящий шлем*. Обращает на себя внимание то, что по сравнению с остальными кеннингами *helmberend* явно обладает меньшей степенью образности, поскольку называет признак, характерный для воина. К таким же образованиям можно отнести наименования, называющие конунга: *beahzifa кольцодаритель*, *sinces brytta даритель сокровищ*, *beaza brytta кольцедробитель*, *zold-zufa даритель золота*, *eorla hleo покровитель воинов*, *wizendra hleo покровитель воинов*, *folces hyrde войскохранитель*, *hæleða brego покровитель воинов*. Приведённые кеннинги называют обязанности конунга, который должен был охранять вверенное ему войско и щедро раздавать золото после битвы.

Возможно, что кеннинги, обладающие более высокой степенью образности, также представляют собой наименования, в основе которых лежат реальные, с точки зрения древнего сознания, признаки называемых предметов или явлений. Поскольку в основе картины мира древнего человека лежат основания, обусловленные специфическими свойствами архаического мироощущения, которые отличаются от представлений о мире современного человека, то можно предположить, что принимаемое современным сознанием за метафору могло восприниматься буквально в эпоху раннего средневековья.

В древнеанглийских поэмах о святых обращает на себя внимание обилие наименований для Бога, при этом некоторые обозначения, прежде обозначавшие конунга, подвергаются переосмыслению: *zumena brego покровитель воинов*, *beorna brego покровитель воинов*, *dugeða wealdend владеющий дружиной* или *владеющий людьми*. Обозначения *wilzeofa даритель радости* и *eadzifa даритель блаженства* созданы по модели *beahzifa кольцедаритель*, где замена компонента, выражающего материальную ценность, приводит к изменению значения всего наименования. В поэмах «Елена», «Юлиана» и «Андрей» встречается множество наименований Бога, в основе которых лежат признаки или свойства:

heofonrices weard *Хранитель Царства Небесного*, heofoncyninȝ *Конунг небес*, heofona scyppend *Создатель небес*, fæder enȝla *Отец ангелов*, cuning enȝla *Конунг ангелов*, meotud mancynnes *Создатель человечества*, middanzeardes weard *Хранитель мира*, wuldres aldor *Владыка мира*, duȝoða demend *Судия людей*, cininga wuldor *Слава конунгов*, wuldres waldend *Владеющий славой*, perȝend fīra *Спаситель людей*. Кажется, что творчество рассказчика не имеет границ, поскольку он свободно создает новые наименования, и в этом проявляется креативная функция называния, соединяющая процессы созидания и номинации, и которая является следствием отождествления имени и природы его носителя, что было типично для мифопоэтического сознания [7, с. 8].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что не только англосаксонские сказители обладали высокой креативностью, но и древнеанглийский язык располагал обширным креативным потенциалом. Стоит сказать и о том, что по мере того, как менялись историко-культурные условия, менялся и язык, развивая новые смысловые элементы, отражающие сдвиги в мировоззрении общества.

Список литературы

1. Гвоздецкая Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии: Проблемы поэтической номинации. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1995. – 150 с.
2. Гвоздецкая Н.Ю. Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2016. Т. 15. № 4. С. 168-177.
3. Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Худож. лит., 1975. – с. 5 – 26.
4. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. – М.: Наука, 1982. - С. 171 – 232.
5. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. В 2-х т. – М.: Филология, 1994. - 484 с.
6. Стеблин-Каменский М.И. Миф. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.
7. Топорова Т.В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
8. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. Homer and Homeric Style // Harvard Studies in Classical Philology, 1930. - Vol. 41. - 147 p.

10.02.04

А.В. Гуркова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, avgurkova@yandex.ru

СПОСОБЫ ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ И ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассмотрены способы как преувеличения, так и преуменьшения времени в художественной ткани текста. Произведен обзор частей речи, которые помогают создавать временной континуум, замедлять ход времени, или же ускорять для. Преувеличение и преуменьшение времени оказывает влияние не только на восприятие читателем хода событий, но и вносит неповторимые детали в описание как пространства, так и героев, которые в нём существуют.

Ключевые слова: категория времени, преуменьшение времени, преувеличение времени, гиперболизация.

Время является одним из центральных образов любого художественного произведения. Понятие времени в художественном тексте весьма условно, но тем не менее от него зависит реализация временной организации мира автора. Литература в отличие от других искусств «оперирует» временем достаточно свободно, так как оно помогает создавать неповторимые образы. Художественный мир способен показывать действия на разных страницах, которые на самом деле происходят одновременно. В произведениях Гомера мы можем встретить первое использование времени в качестве инструмента создания художественного времени. Тем не менее время в литературе обладает очень важной характеристикой, а именно дискретностью. Оно способно останавливаться, прерываться тогда, когда этого хочет писатель.

Фрагментальность является неотъемлемой частью художественного текста. Моментальная смена временных координат вполне естественное явление для литературы. Это объясняется тем, что необходимость описания промежуточного пространства или времени отпадает сама собой, так как не несёт в себе смысловой нагрузки. Более того, художественная дискретность повышает значимость отдельных деталей, вынося их на передний план.

«They put on the green rings, took hands, and once more shouted “One—Two—Three—Go”. This time it worked. It is very hard to tell you what it felt like, for everything happened *so quickly*». [7, стр. 29]

Используя заведомое преувеличение течения времени, автор повышает экспрессивность высказывания. Читатель может ярче представить смену событий данной диктемы. Яркие огни на черном небе, сменяются рядами крыш, стенами и окнами, мимо которых пролетают главные герои. Столь же быстро перед ними появляется дядя Эндрю, и вдруг исчезает. Герои оказываются в водоёме посреди леса. Усиление хода времени по количественному признаку позволяет почувствовать особое восприятие диктемы.

«And there was the wood all about them, as green and bright and still as ever. *The whole thing had taken less than a minute.*» [7, стр. 29]

Автор акцентирует внимание читателя на скоротечности происходящих событий и предоставляет ему возможность полностью погрузиться в напряжённую атмосферу сюжета. В данной диктеме литота является способом создания художественного образа времени.

Одно из выразительных средств языка, сравнение, используется автором для сопоставления некоторых вещей.

«“The box was Atlantean; it came from the lost island of Atlantis. *That meant it was centuries older than any of the stone-age things they dig up in Europe.* And it wasn’t a rough, crude thing like them either. For in the very dawn of time Atlantis was already a great city with palaces and temples and learned men.”» [7, стр. 20]

В данной диктеме автор использует сравнение для усиления значимости найденного предмета, которое обуславливается уникальностью и ветхостью. Многолетность этого предмета несравнима ни с одним найденным ранее. Автор обращает внимание читателя на то, что «коробка» была найдена на затерянном острове и пролежала там ни одно столетие. Скорее всего в своё время она имела большое значение для обладателя.

Автор многократно обращается к понятиям вечности и бесконечности, которые навсегда останутся непостижимыми в сознании человечества. Однако именно посредством преувеличения длительности жизни ведьмы автор противопоставляет её образу Аслана. Колдунья и Аслан олицетворяют силу и могущество. Но уточнение вечности как страдания полностью разводят их в разные стороны. Жизнь ведьмы наполнен злом, поэтому она обречена на вечные муки, хотя и сама того не понимает. Более того. Своим правлением в Нарнии она обрекает прекрасную страну и её жителей на муки. Может казаться, что *«length of days»* является всего лишь констатацией факта, но если смотреть на данное словосочетание с точки его существования в конкретной диктеме, то оно превращается в полноценный и сильный приём, способствующий раскрытию сущности героини.

«May you live *for ever*, but you have utterly destroyed me.» [7, стр. 256]

Пожелание вечной жизни от царевича раскрывает его как двуличного человека, способного лукавить во имя своих целей. Очевидно, что даже в этом неизведанном мире невозможно жить вечно. Читатель видит, как герой искусно строит свою речь для достижения желаемого. Преувеличение времени в данной диктеме является ярким примером того, как автор создаёт характер героя через детали.

В зависимости от уменьшения или увеличения количества событий мы можем судить об интенсивности художественного времени. Как уже было сказано в предыдущих главах, художественное время не всегда совпадает с реальным. Именно это несовпадение создаёт художественные эффекты в тексте, которые являются значимым звеном в сложном процессе создания образов. Временной интервал может усиливать эмоциональный фон произведение или его частей. Поэтому важность событийно-сюжетного времени велика.

«This frightened him *for a second*, but almost at once he could feel that he was rushing upwards. Then his head suddenly came out into the air and, he found himself scrambling ashore, out on to smooth grassy ground at the edge of a pool.» [7, стр. 25]

Употребляя фразу “*for a second*”, мы подразумеваем, что действие происходит за одну секунду. В данной диктеме эта фраза придает более яркую окраску разворачивающимся действиям. Читатель ощущает, насколько быстро и сильно испугало героя его неожиданное появление в другом пространстве.

Такое средство художественной изобразительности, как эпитет, прибавляет явлению существенные признаки и дает ему образное определение.

«*Again and again* they heard parts of the great palace collapsing, sometimes quite close to them.» [7, стр. 39]

Через идиому “*again and again*” читателю предоставляется возможность почувствовать, скорость и стремительного разрушения дворца, по которому гуляли главные герои. Устойчивое выражение подчеркивает быструю периодичность одного и того же действия. Стены падают снова и снова.

«The grey turned to black with *alarming speed*.» [7, стр. 278]

Эпитет «*alarming*» преуменьшает количество времени, которое требуется для того, чтобы на улице стемнело. Автор подчёркивает не только тот факт, что стемнело весьма быстро, но и то, что герои, которые идут по лесу, всё же окутаны страхом. Именно страх и волнение заставляет их ощущать ход времени иначе.

«...so that Shasta's plate or cup was being filled *every moment, and every moment* the Dwarfs themselves were saying, "Butter please", or "Another cup of coffee," or "I'd like a few more mushrooms," or "What about frying another egg or so?"» [7, стр. 286]

«Художественное время является неотъемлемой частью создания художественных образов произведения, которое обеспечивает читателю целостное восприятие произведения.» [6, стр. 65] Писатель использует изображение времени в качестве художественного средства. Через метафорические и гиперболические приемы автор стремится показать, как время входит в образный строй произведения. Это позволяет нам увидеть особый мир автора и почувствовать быструю смену событий. Таким образом, преуменьшение и преувеличение времени является неотъемлемой частью художественной ткани произведения, способной наполнять его образами для эстетического удовольствия читателя.

Список литературы

1. Блох М.Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. — М., 1976.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка// Вопросы языкознания. 2000. — №4. С. 56-67
3. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М.: Прогресс- Традиция, 2006. — 464с.
4. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Ч. I. М.: Искусство, 1972. 318 с.
6. Гуркова А.В. Категория художественного времени // Казанская наука. — Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2021. — №5. — С. 63– 65.
7. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia., Harper Collins Publishers, 2020. — 767 p.

*10.02.04***Е.В. Дворак канд. педагог. наук**

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков

ЭВФЕМИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

Данная статья посвящена некоторым вопросам, связанным с широким использованием эвфемизмов в политическом дискурсе на примере российских и зарубежных СМИ. Предпринимается попытка определить манипулятивный потенциал и цели, которые ставят перед собой политические деятели, использующие данный стилистический прием в своей речи.

Ключевые слова: *эвфемизмы, манипулирование, политический дискурс.*

Обострение социально-экономической и политической обстановки в современном мире с одной стороны, и необходимость поддержания стабильности – с другой, заставляют политических деятелей использовать в своих публичных обращениях особые речевые приёмы и выражения. Язык, как орудие дипломатии, обладает целым набором средств иносказания. Среди наиболее востребованных из них в современном дискурсе можно с уверенностью назвать политические эвфемизмы, которые являются эффективным средством воздействия на сознание реципиентов, а также способом формирования общественного. В связи с этим изучение особенностей политического дискурса представляется нам наиболее актуальным для современной лингвистики.

Политический дискурс – это текст, обращённый к массовой аудитории, речь в котором идёт об актуальных политических проблемах [1]. Его главная особенность заключается в артикуляции волеизъявления автора, когда все средства языка подчинены лишь одной цели – убеждению, а использование определенных грамматических конструкций или специальной экспрессивно-окрашенной лексики позволяет формировать необходимое мнение у аудитории. Для этой цели в политическом дискурсе авторами используется огромное количество эвфемизмов. Их целью является стремление избегать коммуникативных конфликтов, сокрытие правды, замалчивание неприятных сторон действительности, не редко за счет искажения истины [6]. Эвфемизмы являются нейтральным по своему смыслу и эмоциональной «нагрузке» словами или выражениями, которые их автор использует в публичных высказываниях для замены понятий и слов, считающихся неприличными или неуместными в данном контексте высказывания.

Частотность применения эвфемизмов в политическом дискурсе нередко объясняют сложностью внешнеполитических отношений. Так, М.Л. Ковшова полагает, что «лживость и обман присущи любой государственной машине ввиду неблагоприятной деятельности, осуществляемой государством в отношении своих граждан или другого государства в силу объективных политических, экономических, военно-стратегических причин» [3]. В рамках проводимого нами анализа политических эвфемизмов мы придерживались точки зрения В.П. Москвина, который отмечает необходимость разграничения эвфемии и дезинформации, поскольку эти явления функционально противоположны: первое смягчает высказывание, второе имеет своей коммуникативной целью намеренное искажение информации с определенной целью: «чернобыльская авария» вместо чернобыльская катастрофа) [3;6].

Приемом направленной выборки из газет, журналов, а также электронных СМИ за период с 2014-2022 год нами был проведен анализ более 100 эвфемизмов, относящихся к социально-политической сфере деятельности. Наиболее многочисленной оказалась тематическая группа «Военные действия». Выделенная группа эвфемизмов существенно увеличилась за

последние полгода из-за обилия публикаций, посвященных специальной военной операции на Украине. Кроме того, в политическом дискурсе отечественных СМИ появился набор эвфемизмов с генеративным значением [2], т.е. эвфемизмов с достаточно общим смыслом *конфликт, акция, операция, кампания*, которые получили широкое распространение в СМИ. К уже существующим понятиям «межэтнический конфликт» и «миротворческая акция», добавились такие эвфемизмы как «применение силы», «решительные военные действия», «гуманитарная интервенция» и «непредсказуемые последствия» для вуалирования слова война.

И.Р. Гальперин дал такое определение политическим эвфемизмам – это «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и выразить неприятное более тонко» [3]. В данном контексте мы посчитали уместным подробнее остановиться на термине «special operation» – «специальная операция». Сам термин «специальные военные операции» был придуман американскими политиками и в дальнейшем был изменён на более благозвучный эвфемизм «конфликт низкой интенсивности» [6]. Но какой бы термин не использовался в данном контексте, по сути он означает локальную войну, с одним и весьма условным отличием: государство, проводящее специальную военную операцию, не ставит своей целью захват какой-либо страны или её части, или же смену политического режима, что является целью обычной войны. Задачи «военной операции» это – разгром вооружённых сил противника и побуждение его к миру [там же].

Так США его союзники по НАТО была проведена серия «военных операций»: в Либерии, Ираке, Пакистане, Ливии, и в Сирии. Россия также уже участвовала в серии «контртеррористических операций» на территории Северо-Кавказского региона, в «принуждение к миру» в Грузии, и в 2015 российская армия оказала «военную помощь» Сирии. Как мы видим, для обозначения всех вышеперечисленных военных действий, была использована серия политических эвфемизмов. Их основная цель – это жонглирование терминологией и манипулирование сознанием аудитории. Под термином «манипулирование» подразумевается «управление [сознанием] путем навязывания людям соответствующих стереотипов мышления и поведения» [4]. Манипуляция позволяет управлять волей, чувствами и настроениями объекта воздействия; а также скрывать истинную информацию от объектов воздействия» [там же].

Цитируя Ю.С. Баскову «Манипулятивный эффект эвфемизмов, функционирующих в текстах СМИ, основан на механизме ассоциативности» [2], он позволяет изменить отрицательную эмоциональную направленность сообщения на положительную, благодаря ассоциациям с положительным денотатом. Не редко частотность использования эвфемизмов соотносится с идеями политкорректности. С этой точки зрения интересными представляются заявления глав двух великих держав: выступление президента Украины В.А. Зеленского и президента Российской Федерации В.В. Путина.

Рассмотрим один из политических эвфемизмов с высокой частотностью использования как «глобальные политические вызовы». Он встречается не только в речи президента РФ, но и руководителей других государств. «Вызовы» – это все негативные мировые процессы, которые происходят в современном мире. Под ними можно понимать: загрязнение окружающей среды, рост цен на продовольственные товары и топливо, повышение уровня инфляции и т.д. Говоря о «преодолении этих политических вызовов», В.В. Путин делает акцент на положительных тенденциях развития нашей страны, о постепенном преодолении кризиса, о повышении авторитета нашей страны на международной арене и о сохранении ее суверенитета.

Анализируя данный пример, камуфлирующая функция эвфемизмом в высказывании президента РФ В.В. Путина имеет иносказательный смысл, речь в данном случае идет о «семантической редукции», т.е. о сокращении доли информации в языковой единице, сокращении ее дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуативной замене. Это не намеренное «сокращение» смысла слова, а «акцентирование на минимальности его значения и некоторой «неопределенности» [5].

Рассмотрим еще один пример, выступление президента Украины В.А. Зеленского перед представителями иностранных СМИ 20.05.2022, где он заявил о «*проведении операции по эвакуации и спасению военных из батальона АЗОВ*» (запрещенной в России террористической организации) в г. Мариуполь. В данном историческом и политическом контексте можно утверждать, что речь идет не просто о вуалировании или замалчивании неприглядных фактов сдачи в плен военнослужащих Украинской армии, а об умышленном искажении фактов и дезинформации не только представителей прессы, но и всего мира.

Еще одним примером манипулятивного воздействия политического эвфемизма, относящегося к военной тематике, является словосочетание «миротворческая акция», под которым подразумевается такое понятие как «локальная война». Миротворческий значит «ведущий к установлению мира, устранению междоусобицы, способствующий прекращению ссоры». В корне слов миротворческий, миротворец содержится понятие «мир», антонимичное понятию «война». Слово акция, т.е. «действие, предпринимаемое для достижения какой-либо цели», используемое вместо слова война, отвлекает внимание слушающего от сути проблемы. В политическом дискурсе эвфемизмы *миротворческая акция* и *миротворческие силы* подразумевают действия, которые способны прекратить разногласия и принести мир в регион конфликта. В целом, его восприятие оказывает положительное влияние на аудиторию. Так бывший Глава Министерства иностранных дел Украины Павел Климкин в 2015 году в своем обращении заявил, что Киев намерен пригласить *миротворческие силы ООН* для деэскалации конфликта на востоке страны. Данный пример подтверждает несоответствие формы и содержания приведенных эвфемизмов: «миротворческая миссия», «миротворческие силы» – в действительности это силы, направленные не на установление мира, а на эскалацию военных действий.

Как мы видим из приведенных примеров, политический дискурс – это особый вид дискурса, он не оперирует категорией ясности, не стремится прояснить существо описываемых фактов или политических событий. Таким образом, эвфемизмы как языковые явления, благодаря широким объемам значения, делают их идеальным инструментом манипулирования сознанием реципиента.

Список литературы

1. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. М.: Логос, 2016. 384 с.
2. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на матер. русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: Учебник. М., 1981.
4. Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб., 2003.
5. Лищук А.Ю., Ланцова Л.К. РОЛЬ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ // сборник трудов конференции Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского Саратов, 2020
6. Морозов М.А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования в современной публицистике // Мир русского слова, 2015. № 1. С.31-32.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М., 2007.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981.
9. Хлынова В.В. Эвфемизмы и дисфемизмы как способ выражения оценочности в телевизионной речи политиков и журналистов // Филологические этюды. Саратов, 1998. Вып. 1. С. 189–191.

10.02.04

¹А.И. Каразия, ²Н.А. Каразия

¹Научно-исследовательский геотехнологический центр Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
редакционно-издательский отдел,

²Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
факультет филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков и переводоведения,
Петропавловск-Камчатский, arik1605@mail.ru, karna2602@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

Целью исследования, лежащего в основе статьи, является описание технологии перевода метафоры на базе анализа языкового материала художественного произведения английского писателя Дж. Даррелла «My Family and Other Animals» и его перевода в русскоязычном издании. В статье рассмотрен ряд теоретических вопросов, связанных с трактовкой понятия художественного текста и подходами к определению метафоры, а также представлены результаты практического анализа материала с целью выявления основных способов перевода данного тропа.

Ключевые слова: *метафора; перевод; художественный текст.*

Перевод художественных текстов, охватывающих все жанровое разнообразие художественной литературы, требует особого внимания не только к передаче фактической информации, но и к реализации в переводе двух основных взаимосвязанных текстообразующих функций: функции воздействия и эстетической функции. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения, поскольку литература представляет собой художественное и эстетическое познание действительности. В этой связи специфика перевода разнообразных образных средств, стилистических приемов и прочих средств эмоционального воздействия на читателя становится одной из центральных проблем современной транслатологии.

Метафора распространена во всех стилях речи, предназначенных для воздействия на эмоции и воображение адресата, в которых присутствует экспрессивно-эмоциональный и эстетический аспекты, но особенно часто она встречается в художественных текстах. Важно отметить, что до сих пор нет единства в подходах к определению понятия текста. Ряд исследователей обращают внимание, прежде всего, на грамматический аспект природы текста, другие ученые относят текст к явлениям речевого характера, выделяя, в первую очередь, его коммуникативный потенциал. Это различие исходных позиций находит отражение во множестве дефиниций текста, которые содержатся в лингвистической и методической литературе.

Определения текста, предлагаемые такими известными отечественными лингвистами, как И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский и др. [3, с. 18; 5, с. 10; 4, с. 11; 6, с. 57; 7, с. 16; 6, с. 62], основаны на следующей общей идее: текст представляет собой целостную структуру, состоящую из неопределенного количества предложений. Любой текст представляет собой речевое образование, однако, поскольку конкретные речевые произведения имеют общие принципы построения (структура, единицы, средства связи), текст имеет прямое отношение не только к речи, но и к системе языка.

Говоря о художественном тексте, необходимо подчеркнуть, что «художественность» языка беллетристики создается благодаря его эстетической функции, его изобразительно-выразительной направленности. Одним из наиболее значимых стилистических приемов

является метафора, которая понимается как механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении [9, с. 296]. Метафора обычно определяется как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [1, с. 82].

Исследование метафоры имеет давние традиции. Ее изучением занимались крупнейшие мыслители различных исторических эпох, начиная с Аристотеля. Центр тяжести сместился из области филологии в сферы, обращенные к мышлению, сознанию и познанию. По словам Н.Д. Арутюновой, «следствием идейной консолидации различных направлений научной мысли стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания» [2, с. 128]. Ее целью является изучение когнитивных структур человека (восприятия, мышления, памяти, языка, действия) и связей между ними, их слаженного функционирования с целью получения, усвоения, переработки и трансформации знания.

В рамках нашего исследования был собран корпус примеров – метафор, извлеченных методом сплошной выборки из художественного произведения английского писателя Дж. Даррелла «My Family and Other Animals» [11] в количестве 76 единиц.

Сравнительно-сопоставительный анализ языкового материала оригинального текста и его перевода [10; 11] показал, что при переводе метафор прослеживаются следующие тенденции: сохранение образности, свойственной языковой структуре исходного текста; частичное изменение образа; полная замена образа; потеря образности при переводе. Рассмотрим особенности перевода метафор с точки зрения передачи образности подробнее.

Наиболее частотным способом перевода метафоры в нашем материале является перевод метафоры с полным сохранением образа (использование эквивалентов). Например: *She was convinced that somewhere on the island there lurked a villa with a bathroom* / Она была уверена, что где-то на острове все же прячется дом с ванной. В данном примере мы видим, что английская лексема «lurked» передана на русский язык посредством лексической единицы «прячется». Образность сохраняется путем подбора полного эквивалента исходной единицы.

Сохранение образности в переводе художественного текста играет весьма значимую роль. Максимально сохранив образы, используемые в исходном тексте, переводчик стремится сохранить стиль автора, а также общую тональность произведения. При переводе данного текста следует учитывать тот факт, что автор книги Джеральд Малкольм Даррелл – английский натуралист, писатель, основатель Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, которые сейчас носят его имя. Большое количество стилистических приемов, использованных в тексте, связано с природой, автор стремится поближе познакомить читателя с миром животных и растений, поэтому при переводе важно передать намерение автора. Также в тексте встречаются «окаменелые» метафоры, например: *a cloud of dust* (туча/облако пыли), за которыми закрепились устойчивые варианты перевода.

Следующим по частотности способом перевода метафоры в нашем материале вариант перевода, предполагающий потерю образности (такой прием иногда называется демегафоризацией). При этом используются различного рода переводческие трансформации. Например: *Along the shore curved beaches as white as tusks among tottering cities of brilliant gold, red, and white rocks*. / Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи.

В данном примере мы видим опущение английской лексемы «cities» и, как следствие, потерю образа. Очевидно, переводчик испытывал трудности с передачей данной метафоры на русский язык, и ему пришлось компенсировать потерю образности введением другой метафоры: «curved beaches» – «бивнями изогнулись белые пляжи». Частотность данного приема обусловлена несовпадением правил лексико-грамматической сочетаемости русского

и английского языков, а также различиями в культуре народов – носителей данных языков. Выбор метафорического образа зависит от культурной картины мира, которая является национально-специфической.

Следующим по частотности способом является полная замена образа. Например: We sped down a white road covered in a thick layer of silky dust that rose in a boiling cloud behind us, a road lined with prickly pears like a fence of green plates each cleverly balanced on another's edges, and splashed with knobs of scarlet fruit. / Мы ехали по дороге, покрытой толстым слоем шелковистой белой пыли, взвивавшейся за нами огромными густыми тучами. По бокам дороги тянулись заросли опунции, как забор из зеленых тарелок, ловко поставленных друг на друга и усеянных шишечками ярко-малиновых плодов.

В данном примере автор использует английскую лексему «splashed», стремясь передать образ растений, покрытых, как будто брызгами, яркими пятнами плодов. В русском варианте переводчик передает этот образ с помощью единицы «усеянных». Переводчик старается подобрать образ, который бы легко воспринимался русским читателем, казался бы ему естественным и оказывал бы на читателя схожее эмоционально-эстетическое воздействие.

Наконец, наименее частотными в нашем материале оказались случаи частичного изменения образа (использование аналогов). Например: The dogs, feeling that they were at last going to get to grips with this effeminate black canine who rode in cabs, surrounded us in a solid, panting wedge. / Дворняги, почуяв, что им, наконец, можно будет схватиться с изнеженным псом, который разъезжает на извозчиках, окружили нас плотной рычащей стеной.

В данном примере словосочетание «panting wedge» передано посредством русского словосочетания «рычащей стеной». Между понятиями to pant (часто и тяжело дышать, задыхаться) и «рычать» (издавать низкие kloкочущие звуки) прослеживается определенное сходство, хотя они не являются прямыми эквивалентами.

Результаты анализа отражены в следующей таблице.

Таблица – Способы перевода английских метафор с точки зрения сохранения образа

Способ перевода	Количество	Процентное соотношение
1. Перевод с сохранением образности (использование эквивалентов)	30	39.47%
2. Перевод с потерей образности	20	26.33%
3. Перевод с заменой образа	16	21.05%
4. Перевод с частичным изменением образа (использование аналогов)	10	13.15%
Итого:	76	100%

Исследование, лежащее в основе данной статьи, открывает широкие перспективы для продолжения разработки данной темы в различных направлениях. Представляется целесообразным уделить больше внимания социокультурной обусловленности метафор. Кроме того, методология данного исследования может быть применена при изучении особенностей перевода метафоры в других стилистических регистрах, например, в сфере публицистики или на материале газетных текстов.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 840 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 148 с.
4. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1981. – 113 с.
5. Колианский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. – Иностранные языки в школе. – 1985. – №1. – С. 10-14.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999. – 192 с.
7. Солганик Г.Я. От слова к тексту. – М.: Просвещение, 1993. – 189 с.
8. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 167 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Список источников примеров

10. Даррелл Д. Моя семья и другие звери. Говорящий сверток. В переводе Л. Деревянкиной и Н. Рахмановой – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 560 с.
11. Durrell G. My Family and Other Animals. – Macmillan: Macmillan collector's Library, 2016. – 375 p.

10.02.04

¹Ю.Б. Косова, ¹Т.В. Сметанина, ²М.В. Носкова¹Байкальский государственный университет,
кафедра иностранных языков для профессиональных целей,²Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, kosova.74@list.ru, stloulou@yandex.ru, noskovamv@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНОСТИ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(ДЕОНТИЧЕСКАЯ, ЭПИСТИМИЧЕСКАЯ И ДРУГИЕ ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ)**

В статье представлены результаты исследования и установления факта сохранения у имен действия способности участвовать в выражении модальных значений полипредикативного предложения. Показаны разные виды модальности имен действия. Выявлено, что способность имен действия участвовать в выражении модальности обусловлена ассоциативной связью с мотивирующим предложением (парадигма) и опирается на значение самого имени действия, семантически восходящего к отглагольному предикату.

Ключевые слова: имена действия, модальность, деонтическая модальность, эпистемическая модальность.

Интерес к изучению модальности обусловлен тем, что модальность является одной из центральных категорий языкознания, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. Наиболее полными средствами выражения деонтической модальности являются модальные глаголы, поскольку они указывают на необходимость, возможность, вероятность того, что обозначено в пропозиции. Первичный предикатный акт с деонтической модальностью выражается придаточным предложением, способным все эти значения эксплицировать. В свою очередь, сложноподчиненное предложение с дополнительным придаточным является первичной формой для предложений с глаголами мыслительной деятельности [4], которые в общем-то неоднородны и допускают разные типы номинаций, в том числе и полные.

Логическая и эпистемическая необходимость имеет дело с истинной пропозицией, деонтическая – только с необходимостью или возможностью актов. Предложение выражает пропозицию (мысль), но эта пропозиция не описывает сам акт действия (он может не произойти). Она описывает то положение дел, которое будет иметь место, если этот акт состоится. Например, директивы образуют высказывания, которые накладывают на кого-то обязательства сделать эту пропозицию соответствующей истине [8]. Деонтическая модальность связана с намерением, желанием и волей. Поскольку деонтическая модальность отражает отношение субъекта к действительности, она прежде всего присуща суждению, как бы оно ни было выражено.

Предикаты полагания и знания относятся к предикатам пропозициональным, они устанавливают отношения между субъектом и пропозицией и требуют четкого выражения модальной семантики пропозиции в поверхностной структуре, потому что сами ее точно предсказывать не могут. Исследование А. В. Прокопенко показало, что предикаты типа consider, believe, think, know употребляются с придаточными предложениями, в которых встречаются все видовременные формы глагола и все виды выражения модальности. Употребление вторично-предикатных оборотов оказалось весьма ограниченным, а имена действия (далее ИД) практически не употребляются [5].

Неупотребление ИД в позиции прямого дополнения после глаголов мыслительной деятельности, в частности глаголов полагания, знания, понимания и др. свидетельствуют о

том, что такое предложение было бы недостаточно информативно, ср.: 1. I think/believe that he has arrived; 2. *I think/believe his arrival; 3. I think about his arrival. Предложение 3 не является номинацией 1, так как в нем отсутствует ментальный объект – сама мысль, а есть только упоминание о ней, так сказать «тема» мысли [1]. Дело в том, что придаточное предложение может иметь широкий диапазон модальных значений, они могут выражаться специально: I think that he must arrive, has probably arrived и т.д. Даже если модальных слов нет, предложение He has arrived с пропозициональной установкой «мнение» содержит в себе деонтическую модальность долженствования (с положительным и отрицательным знаком). ИД само это значение выразить не может, для этого нужна пропозиция или хотя бы неполная номинализация в виде различных вторично-предикатных оборотов.

Специальный анализ осложненных предложений с глаголами полагания и глаголом know показал, что, во-первых, они не очень употребительны, а во-вторых, что в основном употребляется «инфинитив+to be+прилагательное/существительное» и его эллиптическая разновидность. Это происходит из-за того, что в предложениях типа: I know/think/consider/believe him to be clever происходит смешение пропозициональных установок, так как здесь всегда присутствует модальность недостаточной уверенности, которая обусловлена семантикой номинализации – пропозиции. Во всех случаях в таких предложениях субъекту приписывается какой-то признак, а признаки, в отличие от действий, всегда оставляют говорящего в некоторой неуверенности (они не наблюдаемы) [5].

Пропозициональная деонтическая модальность присуща той или иной группе глаголов памяти, которая сближается с глаголами мышления/речи и сочетается с номинализацией-пропозицией, также выражается модальными глаголами: can, may; модальность необходимости - be to, have to, ought to, must, поэтому после этих глаголов употребляются придаточные предложения. Деонтическая модальность необходимости, долженствования в предложениях с глаголами памяти выражается при помощи Indefinite Infinitive: I forgot to go to the bank --> I forgot that I was to go to the bank and therefore did not do so [9], подробнее [3]. После глаголов памяти в контексте ИД могут обозначать необходимое, долженствующее действие, но эта семантика сигнализируется только окружением. Так, героиня романа Мердок "The Bell" Дора несколько раз просыпается ночью, потому что она боится проспать религиозную процессию рано утром. Проснувшись, она сразу вспоминает о *предстоящей процессии*: Dora woken again about seven and immediately remembered the procession. As she listened she could hear the distant sound of music. Things have begun already (Murdoch I.). Семантическая неоднородность полных номинализаций с предикатами эмоционального состояния в зависимости от конкретного значения предикатов страха была продемонстрирована Т. И. Семеновой на следующих примерах: 1) She was frightened of the meeting that was ahead of her (Shaw, 191); 2) She was frightened by the meeting with him (Siltoe, 45); 3) She feared a meeting with him and turned from the path (Cronin, 84). В первом предложении предикат обозначает эмоциональное состояние субъекта в ожидании предстоящего события, в осуществлении которого субъект уверен. Во втором предложении предикат обозначает эмоциональное состояние, каузированное конкретным совершившимся событием, в третьем предложении предикат обозначает лишь предположение о возможности встречи [6].

Полные номинализации в позиции дополнения после предикатов эмоционального состояния оказываются семантически неоднородными, поскольку эти предикаты многозначны. Приведенные выше примеры (1) отражают употребление ИД с предикатами страха в их первичном значении «испытывать страх перед предстоящим событием (которое еще не наступило, но субъект уверен, что оно произойдет)», а также после уже совершившегося события (2). Вторичное значение этих глаголов «ожидать с опасением» ведет к тому, что ИД в позиции дополнения становится номинализацией-суждением (3), причем в конструкциях с полными номинализациями ИД имплицитно экзистенциональный предикат и может быть трансформировано в экзистенциональное предложение [2]. Ср.: Many Hong Kongers had feared Communist after the change of flag (ИНТ, July 4, 1997) --> Many Hong

Kongers had feared Communist-style repression might take place after the change of flag. В примерах подобных этому полные номинализации относятся не к реальным событиям, а к суждению о них в плане возможности их существования [2]. Их модальность характеризуется как вероятная.

Полные номинализации-события не трансформируются в придаточное изъяснительное, поскольку модальный признак возможности события предсказывается семантикой главного глагола. Признаками, характеризующими событие, являются его продолжительность, интенсивность и другие особенности, например: *He dreaded the interview with Mrs. Fox. He was certain that she would demand: "How are you going to keep my daughter?"* (Maugham, 10). Абстрактное существительное *the interview* имеет событийное значение: предстоящий разговор с матерью девушки считается неизбежным. Субъект также знает, о чем будет идти речь. Негативное отношение к предстоящему событию вызвано оценкой этого события как чего-то плохого, а также неспособностью субъекта противостоять этому событию. Семантика предикатов страха ориентирована на будущее («ожидание зла»), а уверенность субъекта в том, что указанное событие произойдет, входит в пресуппозицию [6].

Предикаты пропозициональной установки типа *to be afraid, to hope, to expect* объединяются вследствие наличия общего семантического компонента «вероятность совершения другого события» [6]. Б. И. Шатуновский отмечает совмещение рационального и эмоционального аспектов у русских глаголов надеяться и бояться, что полностью соответствует положению дел в английском языке [7]. Так, *to hope* = «предполагать» + «хотеть», *to fear, to be afraid* = «предполагать» + «не хотеть», ср.: *They hoped for further rate rises* (FT, Nov 13/14, 1999); *They were afraid of an outbreak of typhoid in the city* (Hailey, 384). Глаголы *to expect, to look forward* относятся нейтрально к возможному событию: ... *the FBI agent involved in the investigation said the expected a major find within 48 hours* (ИНТ, July 31, 1999). Именно в этом значении предикаты ожидания, надежды организуют предложения с модальностью возможности события предикатного актанта.

Определение модальности ИД затрудняется многозначностью глаголов и их семантическими связями друг с другом. Тот или иной вид модальности не принадлежит ИД. Будучи синтаксическим явлением, модальность ИД возникает в предложении под влиянием семантики управляющего глагола (предetermined им).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). – М.: Наука, 1976.
2. Камишилова О.Н. Семантико-синтаксическая организация предложений с модальными предикатами: Дис. ... канд. филол. наук 1984. – Л., 1984.
3. Ким Ен Ок Модально-предикативная организация предикатного актанта в предложениях с глаголами памяти в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1997.
4. Ковалева Л.М. проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1987.
5. Прокопенко А.В. Семантико-синтаксическая организация предложения с пропозициональными глаголами знания, полагания и воображения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1999, с. 111 – 115.
6. Семенова Т.И. Семантика и синтаксис конструкций с предикатами страха в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1993, 127-128.
7. Шатуновский И.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. научн. трудов АН СССР. – М.: Наука, 1988, с. 269.
8. Lyons J. Semantics. – et.al: CUP, 1977, V. 1-2, p. 824.
9. Quirk et al. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.A. University Grammar of English. – М.: Longman, VysSaja Skola, 1982, p. 316.

*10.02.04***К.В. Костина, И.В. Солдатенко**

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Кафедра иностранных языков № 1,
Иркутск, ksenia_kostina84@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В работе рассматриваются взаимосвязи между лингвистической имагологией и медианпространством, обосновывается принадлежность имагологии к лингвистической науке, представлена информация о развитии данной отрасли научного знания в России и Германии.

Ключевые слова: *имагологическая наука, медианпространство, мифологизация, стереотипизация.*

В современном мире влияние медиаресурсов на восприятие обществом той или иной информации неоспоримо и закономерно. В процессе любой коммуникации личное сознание взаимодействует с сознанием общественным. Медианпространство – благодатная почва для яркого отображения понятийной пары «чужой» - «свой» в любой сфере человеческой деятельности (международные отношения, культура, политика, быт и др.).

Имагология – новая область в литературоведении, совмещающая в себе филологическую и культурологическую направленность, занимающуюся анализом образа "чужой" культуры или "другой" нации в художественной литературе или в творчестве конкретного писателя. К литературоведческой примыкают исследования образов иностранцев, созданных художниками слова, анализ национальных и этнических стереотипов, чужого менталитета, клише и мифов [2].

В толковом словаре обществоведческих терминов под редакцией Н. Е. Яценко этот термин трактуется следующим образом: имагология – учение об образах как составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении [7]. В справочнике РГИУ (Российский Гуманитарный Интернет-Университет) данное понятие имеет следующую дефиницию: имагология – специальный раздел культурологии; возник в литературоведении как учение об образах и изучает возможности передачи литературных образов при переводе с одного языка на другой [4].

Существует также мнение, что имагология является междисциплинарной наукой, основанием которой служат, с одной стороны, культурология, с ее пристальным интересом к чужим культурам, национальным характерам, стремлением к национальным обобщениям, и, с другой стороны, литературоведение, поскольку именно художественная литература наиболее полно отражает язык, отношения, менталитет, сформированные в той или иной социальной среде.

То, что в массмедиа переплетаются такие сферы научного знания, как литературоведение, лингвокультурология, психолингвистика, социоллингвистика и многие другие разделы языкознания, дает возможность рассматривать имагологию, как лингвистическую науку. К тому же, если исходить из определения данного термина, изучаемая область научного знания взаимосвязана с межкультурной коммуникацией. Поэтому, чтобы избежать недоразумений по поводу причисления имагологии к лингвистической науке, следует говорить о *лингвистической имагологии*. Учитывая выше перечисленные дефиниции понятия имагологии, сформулируем определение термина «лингвистическая имагология» – раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования

образа того или иного государства (или государственного / общественного деятеля, селебрити и т.д.) в конкретном дискурсе или типе текста [1]. Имагология наряду с другими функциями включает в себя изучение языковых инструментов формирования образов, чем она и интересна для лингвистики.

В России существует много научных работ и статей, в том или ином виде посвященных образам или имиджам (с позиций разных наук: философии, социологии, политологии, истории и др.). Есть и лингвистические труды по данной тематике. Но в них отсутствует понятие имагологии [1]. Во всемирной сети Интернет нами найдены некоторые работы российских ученых, посвященных имагологии. Так, Федотова В.Г. в статье «Манипуляция как субститут демократии» [5] рассматривает имагологию на основе политического знания, как науку, пришедшую взамен идеологии. Смирнов И. в своей работе «Россия и Запад в начале нового тысячелетия»: «имагологическая» революция в гуманитарных науках» пишет следующее: «В 90-х годах минувшего столетия особую популярность в гуманитарных науках снискала имагология – направление, исследующее отношение к действительности как к некоему образному тексту, когда сам образ понимается не только как элемент, часть и даже способ изучаемого текста, но и как общее представление о мире, странах, городах, их обитателях и т.д.» [3].

Европейское научное сообщество также занимается вопросами имагологии. Например, одним из немецких лингвистов, изучающих имагологию, является Манфред Беллер [8]. Он рассматривает проблему национального характера и связанных с ним предрассудков и стереотипов. В своей книге «Das Bild des Anderen und die nationalen Charakteristiken in der Literaturwissenschaft», которую называют «имагологическим манифестом», М. Беллер пишет о том, что национальные имиджи – это абстракция, конструкт и продукт нашего воображения (впервые эта статья была опубликована в 1996 г. в итальянском журнале "Il contronto letterario" № 24). Немецкий ученый изучает генезис, существование и действие этнических авто – и гетеростереотипов в одном многонациональном контексте и понимает имагологию не только как часть сравнительного литературоведения, но и как отрасль филологической науки.

Научный сотрудник Лингвистического университета г. Гиссена Штефани Бок в своей статье "Die komparatistische Imagologie als Ansatz für die Untersuchung nationaler Selbst- und Fremdbilder. Deutschlandstereotype in englischen Medien von 1890 –1918" пишет о том, что образы «других» в действительности встречаются реже, чем в СМИ [9]. В своей работе она выявляет теоретические предпосылки и методы имагологического исследования культурных и национальных стереотипов в разных видах СМИ.

В 2002 году Сабине Эггер публикует статью «Komparatistische Imagologie' im Interkulturellen Literaturunterricht» в журнале "Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht", где она признает тот факт, что имагология изучается не только в рамках литературоведения, но и филологией, и как отрасль науки тесно связано с исследованием стереотипов [10]. В ее работе речь идет об идентификации и анализе меняющегося образа другой страны с филологической точки зрения с учетом исторических данных. Автор подчеркивает, что при изучении имагологии большое значение отводится текстам масс-медиа, так как именно в них можно проследить появление, развитие и закрепление в языковой норме авто– и гетероимиджев.

К имагологическим инструментам манипулирования в медиапространстве относятся создание образов, стереотипизация и мифологизация. Данные процессы являются неотъемлемой частью современных медиатекстов. Они являются основными средствами воздействия на получателя информации. Так, согласно М. Н. Володиной, благодаря тому, что СМИ представляют особое средство интерпретации действительности, в них создается мифологическая реальность, призванная «упорядочивать» «картину мира» [6]. На основе стереотипов формируется массовое сознание. Они являются генераторами представлений о той или иной нации. Создание образов также является приемом воздействия на читателя, поскольку не всегда основывается на объективных данных, что четко прослеживается в

современных медиатекстах. На свойствах образов построены целые технологии, целью которых является наиболее полное и эффективное использование нерелексируемых образований человеческой психики.

Эти три процесса (создание образов, стереотипизация, мифологизация) взаимосвязаны, поскольку понятия миф, образ и стереотип имеют пересекающиеся значения. Стереотип в медиадискурсе – это абстрактное представление об объекте, сформировавшееся под влиянием предшествующего опыта, имеющее языковое воплощение. Мифы также выражают ирреальные события и внедряются в медиадискурс с помощью мифологем – особых языковых единиц, содержащих в своей смысловой структуре опору на определенный миф. Миф, как и стереотип, используется в СМИ с целью воздействия на сознание реципиента.

В заключение стоит отметить, что медиаресурсы являются пространством для функционирования лингвистической имагологии. Язык СМИ, гибкий и актуальный, представляется нам наиболее достоверной базой для лингвистического анализа категории образа.

Список литературы

1. *Костина К.В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 – Иркутск, 2011. – 171 с.
2. Немцы глазами русских. 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://world.lib.ru/e/elena/nemcyglazami> (дата обращения 10.07.2008)
3. Россия и Запад в начале нового тысячелетия [Текст] / Сост. и ответ. ред. А. Ю. Большакова: Институт мировой лит. им. А.М.Горького РАН. – М. : Наука, [1] 2007. – 328 с.
4. Справочник РГИУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/dict.asp>. (дата обращения сентябрь 2009)
5. *Федотова В.Г.* Манипуляция как субститут демократии [Электронный ресурс] / В. Г. Федотова. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=2591> (дата обращения: 27.01.2009).
6. Язык средств массовой информации [Текст] : учеб. пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект, 2008. – 760 с.
7. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – СПб.: Лань, 1999. – 528 с.
8. *Beller M.* Eingebildete Nationalcharaktere. Vorträge und Aufsätze zur literarischen Imagologie [Text] / Manfred Beller. – Göttingen : V&R unipress, 2007. – 278 S.
9. *Bock S.* Die komparatistische Imagologie als Ansatz für die Untersuchung nationaler Selbst- und Fremdbilder. Deutschlandstereotype in englischen Medien von 1890 –1918 [Electronic resource] / Stefanie Bock. 2008. URL: <http://www.uni-giessen.de> (2010, November 23)
10. *Egger S.* Komparatistische Imagologie im Interkulturellen Literaturunterricht [Electronic resource] / Sabine Egger. 2002. URL: <http://www.spz.tudarmstadt.de> (2010, June 21).

10.02.04

К.И. Пикуль, Ю.Н. Синицына

ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»,
Информационно-библиотечный факультет,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, krpikul@mail.ru

ПРОЕКТ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье авторами рассмотрен метод проектов как один из методов личностно-ориентированного обучения. Были проанализированы характеристики творческой самореализации личности. Авторами статьи сделан вывод, что проектный метод представляет собой вид творческой деятельности. Авторами статьи был проведен эксперимент, в результате которого установлено, что проект — это форма творческой самореализации личности.

Ключевые слова: метод личностно-ориентированного обучения, метод проектов, творческая самореализация личности, творческая деятельность.

Самореализация личности через образовательный процесс является одним из важнейших этапов формирования и развития личности. Личностно-ориентированное образование способствует развитию готовности человека к самореализации, является наиболее целостным подходом к развитию личности. Такой подход определяет своеобразие и неповторимость личности, позволяет понять человека как высшую ценность действительности, рассматривает личность как целостную развивающуюся систему, создает различные условия для развития внутренних личностных характеристик [9, с. 114].

На сегодняшний день можно выделить метод проектов - один из методов личностно-ориентированного обучения. Цель выполнения проекта – «ориентировать личность на творческое саморазвитие, развитие интеллектуальных способностей» [4, с. 110]. Благодаря проектной технологии у школьника начинают активно формироваться навыки самостоятельного исследования, такие как постановка задачи, сбор и обработка информации, проведение экспериментов, анализ результатов. Метод проектов развивает творческие способности, учит логически мыслить, обобщает знания и умения, полученные в ходе учебной деятельности, заставляет задуматься над важными проблемами [9].

Анализируя научные теории гуманистических психологов, философов и педагогов, а также указанные в них условия, признаки самореализации, характерные черты и качества самореализующегося человека, были сделаны выводы о наличии многих критериев для самореализации во внутренней сфере личности. В качестве основных показателей творческой самореализации личности можно выделить следующие характеристики [2, с. 38].

- Самостоятельность – «качество личности, выражающееся в способности мыслить, анализировать ситуации, вырабатывать собственное мнение, принимать решения и действовать по собственной инициативе, независимо от навязанных взглядов и способов решения тех или иных задач» [8].
- Активность - «качество личности, выраженное в усиленной деятельности, во внешнем проявлении взглядов и убеждений; социальный смысл активности определяется ее направленностью и мотивами» [6].
- Способность видеть и решать проблему - «умение видеть и решать теоретические или практические вопросы, требующие исследования, разрешения; умение смотреть на объекты, события, факты и обстоятельства с разных позиций» [7].

- Навык поисковой деятельности - это «совместная работа преподавателя и учеников, направленная на решение познавательных задач, возникающих в ходе познавательной деятельности, в повседневной жизни, в игре, труде, то есть в процессе познания окружающего мира [3].
- Упорство в достижении цели - «связано с положительным эмоциональным состоянием, со стремлением человека достичь успеха деятельности» [6].
- Наблюдательность - «способность детально видеть предметы, явления. Предполагает осмысленное восприятие, проникновение в сущность явления, установление связей между объектами» [8].
- Воображение - «психический процесс, заключающийся в создании новых представлений и мыслей на основе имеющегося опыта» [8].
- Эстетическое восприятие - «развитие способности воспринимать эстетические аспекты происходящего и создавать их самому (красивое, безобразное, торжественное, величавое, гармоничное)» [1].
- Коммуникативные умения - «индивидуально психологические особенности личности, обеспечивающие эффективное взаимодействие и адекватное взаимопонимание между людьми в процессе общения или выполнения совместной деятельности [1].
- Умение сотрудничать - «в процессе обучения индивид должен прийти к пониманию, что во многих случаях объединенные действия приносят больший результат, чем сумма индивидуальных» [6].
- Потребность в творчестве - «потребность личности к концентрации творческих усилий, креативности в деятельности, независимости в суждениях и ответственности за свои действия и поступки» [6].
- Потребность в познании - «переменная личности, которая отражает степень, в которой индивид получает удовольствие от познавательной деятельности, требующей приложения усилий [1].
- Эмоциональная удовлетворенность - «состояние удовлетворения личности - чувство удовольствия, испытываемого субъектом, чьи потребности, желания удовлетворены, исполнены» [1].

Было сделано предположение, что в процессе использования проектного метода (который представляет собой *вид/тип творческой деятельности*) происходит развитие личностных характеристик, и соответственно проект в данном случае можно было бы рассматривать как форму творческой самореализации личности обучающегося.

В процессе исследования проектной методики был разработан проект занятия по теме «Animals», проводимого обучающимися 3 класса. Тип проекта - краткосрочный творческий групповой монопроект с открытой координацией. Проект «Животные» основан на творчестве учащихся начальной школы. Основной целью проекта является проверка эффективности проектной методики как формы творческой самореализации личности учащегося, а также доказательство следующих тезисов:

- 1) проектная деятельность обеспечивает повышение уровня владения языковым материалом и говорением как одним из видов речевой деятельности;
- 2) проектная деятельность обеспечивает рост показателей творческой самореализации личности обучающихся;
- 3) проектная деятельность способствует повышению уровня самостоятельности учащихся, уровня сплоченности коллектива, а также их общего интеллектуального развития.

В результате наблюдения и анкетирования были получены данные по каждой личностной характеристике участников эксперимента и определен их уровень. По каждой характеристике до и после проекта подсчитывалось количество учащихся с низким, средним и высоким уровнем развития навыков в границах данной характеристики. Выявлено, что в целом после проекта уровень многих характеристик школьников повысился. Эмоциональное удовлетворение увеличилось у 75% школьников; характеристики самостоятельности, активности, навыка поисковой деятельности, потребности в знаниях, потребности в

увлекательной деятельности на уроке повысились у 67% учащихся; работоспособность и эстетическое восприятие - у 58 %, воображение, общение и потребность в творчестве - у 50 %, наблюдательность, умение сотрудничать, умение видеть главную проблему и успех - у 33 % школьников.

По результатам анкетирования также повысился уровень личностных характеристик школьников. Характеристики активности, эмоциональной удовлетворенности, потребности в знаниях, потребности в увлекательных занятиях на уроках повысились у 83% школьников; работоспособность и воображение - у 67 %, самостоятельность, успешность, эстетическое восприятие и общение - у 58 %, потребность в творчестве - у 50 %, наблюдательность, способность к сотрудничеству, способность видеть главную проблему и навык поисковой деятельности - у 33%, а настойчивость в достижении цели - у 25% школьников.

Следующим этапом исследования было тестирование, которое показало общий уровень знаний школьников по данной теме: полноту, глубину, силу и систематизацию знаний. Были разработаны 2 теста: до и после творческой деятельности, которые позволили определить в сравнении изменения, произошедшие в знаниях учащихся. Тестирование показало, что общий процент выполненных задач после проекта был в два раза выше. На этом основании можно утверждать, что когнитивный компонент в проекте усваивается, происходит повышение личностных характеристик.

Таким образом, по результатам, полученным в ходе исследования, достоверно установлено, что проект является формой творческой самореализации личности школьника.

Список литературы

1. Академик. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению.
2. Дмитрук Н.Г., Горычева С.Н. Самореализация личности учащихся в процессе учебной деятельности // Вестник Новгородского государственного университета. 2018. №31. С. 36-40.
3. Наумова Л.П. Поисковая деятельность детей дошкольного возраста [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/tema-poiskovaya-deyatelnost-detey-doshkolnogo-vozrasta-2462985.html>
4. Курдубан О.Н., Сеницына Ю.Н. Метод проектов как современный подход к личностно ориентированному обучению иностранным языкам // МИР КУЛЬТУРЫ: ИСКУССТВО, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ. Сборник научных статей. 2018. С. 108-113.
5. Огородникова Е.И. Творческая самореализация личности // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. - 2019. - С. 216-219.
6. Пономарева С.В. Развитие умения видеть проблему [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/08/22/razvitie-umeniya-videt-problemu>(дата обращения: 26.04.2019). Загл. с экрана. Яз рус.
7. Прокудин Ю.П., Акулинина В.С. Творческая самореализация личности как педагогическая проблема // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2019. №1(28). - С. 1-7.
8. Соколова И.Ф. Проектная деятельность на уроках английского языка. // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 сент. 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 49-53.
9. Штыхлина Е.А. Самореализация личности школьника с применением информационных технологий // Вестник ЧГПУ. 2018. №6. С. 113-121.

10.02.04

В.Н. Рудых, К.И. Федорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, ki.fedorova@s-vfu.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена анализу метафорического представления пандемии COVID-19 в англоязычных средствах массовой информации в виде метафорической модели «Пандемия – война». Данная модель имеет сложную фреймовую структуру. Использование метафор военной риторики в англоязычных средствах массовой информации формирует общественное мнение.

Ключевые слова: метафорическая модель, фрейм, слот, пандемия, коронавирус.

С тех пор как началась пандемия COVID-19, мы все оказались в новой реальности, мир, который мы знали, заменили на мир, который похож на него, но который также радикально изменился. Описание пандемии, борьба с COVID-19 сопряжены с военной риторикой. Наибольшим метафорическим потенциалом в современном медиадискурсе обладает метафорическая модель «ПАНДЕМИЯ-ВОЙНА», что свидетельствует о тенденции к милитаризации сознания, познанию окружающего мира посредством терминологии войны [1]. Эта метафорическая модель имеет сложную фреймовую структуру и может быть представлена в следующих фреймах: «участники военных действий», «место военных действий», «военные атрибуты и символы» и «место военных действий».

1. Фрейм «Участники военных действий» актуализируется в следующих слотах: «soldier»/ «солдат», «army»/ «армия», а также «forces»/ «силы».

Soldier/ Солдат

*I am a **soldier** in this battle, I am fighting my piece, and I ask you to fight yours. (Я –**солдат** в этом сражении, я сражаюсь за свой участок, а вас прошу воевать за свой).* (Здесь и далее перевод авторов – ФКИ, РВН.) [2]

Под сражением в данном случае имеется в виду болезнь COVID-19, из чего можно сделать вывод, что *soldiers* – это метафора всех медицинских работников борющихся за жизнь своих пациентов

Слот 2. Армия – Army

*She is a **foot soldier** in a vast **volunteer army**, **marshaled** in barely a week, to take care of Britain's most vulnerable people during the country's lockdown.*

(Она – **пехотинец** в огромной **армии** волонтеров, **мобилизованной** едва ли не за неделю, чтобы позаботиться о беззащитных людях во время изоляции). [3]

Авторы статьи представляют волонтерское движение в борьбе с пандемией как организованную многочисленную группу людей, подготовленных к ведению военных действий, действующих вместе сообща. Созданию такого образа в сознании читателей способствует глагол *marshal* – собрать, организовать, навести порядок. Несомненно, авторы статьи достигают определенного эмоционального отклика от читателей, вызывая мысли об условиях, в которых волонтерам приходится работать путем сравнения их с военным положением. В данном предложении при реализации метафоры *soldier* указан его вид – *a foot soldier* (пехотинец, который сражается на ногах, а не на лошади или в транспортном средстве).

*Britain **Enlists an Army of Volunteers to Help Fight the Coronavirus.** / Великобритания **завербовала армию** волонтеров для **борьбы** с коронавирусом.* [4]

В данном примере мы снова можем увидеть использование понятия армии в отношении британских добровольцев, которое в этом случае используется с глаголом *enlists*, что означает нанимать человека на службу в вооруженные силы, что закономерно дает нам понять, что в заголовке автор нарратив из военной лексики. Здесь же мы можем заметить метафору *fight the Coronavirus*, что представляет пандемию, как противника, врага, которого обязательно нужно победить.

Слот 3. Forces/Силы

Метафора *forces* используется в англоязычных средствах массовой информации в основном по отношению к медицинским работникам, так как, как мы выявили из анализа предыдущих слотов *soldiers*, они являются теми бойцами, армией, военной силой в борьбе против коронавируса.

The NHS is to join forces with the private health sector this week in an emergency plan to combat the coronavirus crisis. / Национальная служба здравоохранения Великобритании должна объединить **силы** с частным сектором здравоохранения в рамках плана действий в чрезвычайных ситуациях для **борьбы с кризисом коронавируса**. [5].

В этом примере лексическая единица *to combat* является глагольной метафорой войны, обозначающей активные боевые действия.

2. Фрейм «Место военных действий» представлен понятийными слотами: «front»/ «фронт» и «hotspots»/ «горячие точки».

Front/ Фронт

Слот *front* (в различных значениях); *battle-front* - передовые позиции, *frontline* – линия фронта.

Рассмотрим примеры использования метафоры *frontlines* в англоязычных новостных порталах, посвященных пандемии коронавируса

The risk to doctors, nurses and others on the front lines has become plain: Italy has seen at least 18 doctors with coronavirus die. / Риск для врачей, медсестер и других лиц, находящихся на **передовой**, стал очевидным: в Италии погибло по меньшей мере 18 врачей с коронавирусом. [6]

It is a story tinged with racism, as white, British doctors have largely dominated the prestigious disciplines while foreign doctors have typically found work in places and practices that are apparently putting them on the dangerous front lines of the coronavirus pandemic. / Это история с оттенком расизма, поскольку белые британские врачи в значительной степени доминируют в престижных областях, в то время как иностранные врачи, как правило, находят работу в местах и практиках, которые, по-видимому, ставят их на **опасный передний край** пандемии коронавируса. [7]

Можно заметить, что концептуальная ориентационная метафора *frontline* активно используется многими англоязычными СМИ для описания состояния общества во время пандемии. Передовая линия здесь служит метафорой для определенной системы действий во время пандемии, например, работа врачей в больницах с зараженными или социальная помощь незащищенным слоям населения, различные меры по предотвращению распространения вируса или все активные действия по борьбе с ним. Тем, кто находится на передовой линии приходится сражаться (*fight*) против врага (*enemy*). В данном контексте этот враг - COVID – 19.

Hotspots/Горячие точки

With New Hot Spots Emerging, No Sign of a Respite. / С появлением новых **горячих точек**, никаких признаков передышки [8].

Данная метафора используется для описания вспышек заболеваемости. Ее связь с военной риторикой привносит определенные коннотации, связанные с военными беспорядками и ситуацией, выходящей из-под контроля.

3. Фрейм «военные действия» конкретизирует и дополняет образ событий, связанных с различными видами столкновений, а именно связанный с представлением пандемии COVID-19, который мы можем представить в следующем слоте.

Слот 1. Борьба/Бороться – Fight/To Fight

Приведем примеры использования метафоры *to fight* в новостных изданиях New York Times, The Guardian и The Globe And Mail.

The World Health Organization has called on the global community to work together to fight the new coronavirus that is causing an epidemic of viral pneumonia and deaths in China, but stopped short of declaring it a public health emergency of international concern. / Всемирная организация здравоохранения призвала мировое сообщество работать вместе для борьбы с новым коронавирусом, вызывающим эпидемию вирусной пневмонии и смертельных исходов в Китае, но не объявила о чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [9].

We are at war with COVID-19. We need to fight it like a war. / Мы на войне COVID-19. Нам нужно сражаться как на войне. [10]

Глагол *to fight* подразумевает наличие какого-либо объекта, врага, которого обязательно нужно победить, или же устранить. Этим врагом и является коронавирус, с которым государства ведут войну.

Широкое использование метафор военной риторики в англоязычных средствах массовой информации формирует общественное мнение в определенном ключе, играет решающую роль в отображении неизвестного через знакомые, понятные явления: изображая коронавирус как «невидимого врага», с которым «мы» можем «бороться», эта неопределенная угроза становится сдерживаемой, управляемой, разрушаемой - в военном и медицинском отношении.

Список литературы

1. Долгова Елена Викторовна. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnaya-metamorika-v-mediynom-diskurse> (дата обращения: 10.06.2021).
2. <https://edition.cnn.com/2020/03/27/opinions/doctor-i-am-a-soldier-in-coronavirus-battle-and-i-am-scared-harne/index.html> (дата обращения: 14.03.2022)
3. <https://www.nytimes.com/2020/04/07/world/europe/coronavirus-united-kingdom.html?searchResultPosition=136> (дата обращения: 14.03.2022)
4. <https://www.nytimes.com/2020/03/25/world/coronavirus-uk-volunteers.html> (дата обращения: 4.04.2022)
5. <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/14/coronavirus-nhs-private-hospitals-join-forces-academics-warn-over-strategy> (дата обращения: 14.03.2022)
6. <https://www.un.org/africarenewal/web-features/coronavirus/health-workers-are-frontline-soldiers-against-covid-19-let%E2%80%99s-protect-them> (дата обращения: 4.04.2022)
7. <https://www.nytimes.com/2020/04/08/world/europe/coronavirus-doctors-immigrants.html?searchResultPosition=153> (дата обращения: 4.04.2022)
8. <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/23/hospitals-likened-to-war-zones-as-doctors-prepare-to-make-grim-decisions> (дата обращения: 14.03.2022)
9. <https://www.theguardian.com/science/2020/jan/23/who-urges-global-unity-in-fight-against-china-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 14.03.2022)
10. <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-we-are-at-war-with-covid-19-we-need-to-fight-it-like-a-war/> (дата обращения: 10.06.2021)

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Ю.А. Бабайкина

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны РФ,
иностраннных языков факультет, 33 кафедра,
Москва, julia.babaikina@yandex.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА
И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР
В ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В работе рассматривается проблема функционального подхода в психолингвистике текста. Текстовая деятельность представлена процессом создания первичного текста и вторичного текста, которые выполняют конструктивно-информативную и диакритическую функцию. Речевые структуры текстов отвечает за «развернутую» и «сжатую» форму передачи информации о предмете действительности (темы).

Ключевые слова: *текстовая деятельность, конструктивно-информативная функция текста, диакритическая функция, функциональность речевых структур текста.*

Функциональный подход в вопросах психолингвистики текста дает возможность исследовать процесс создания письменного текста в комплексе всех речевых процессов и действий, входящих в вертикальную (иерархическую) и горизонтальную структуру процесса создания первичного текста – исходного текста, и вторичного текста – текста, созданного на основе первичного текста. Многоаспектность данной проблемы заключена в понятие - текстовая деятельность или психолингвистика текста (в контексте нашего изучения проблемы). Создание первичного и вторичного текста с точки зрения функционального подхода подразумевает рассмотрение речевых процессов и действий, направленных на создание текста, который выполняет свою конструктивно-информативную и диакритическую функцию, а также анализ речевых структур (единиц) текста, их информативно-коммуникативную функциональность и концептуальность.

В рамках теории коммуникации объектом изучения психолингвистики выступает коммуникативный акт, а текст понимается в качестве ситуации общения. Следовательно, текст предстает не как результат речевой деятельности, а как процесс его порождения. Речевая деятельность понимается не как простой процесс кодирования или декодирования заранее данного содержания, а как процесс, в котором это содержание формируется [3]. Психолингвистические единицы - речевые действия и операции, находящиеся друг с другом в иерархических отношениях, рассматриваются в «горизонтальной» схеме речевой деятельности (фазная структура процесса порождения речевого высказывания), что включает в себя такие звенья процесса как мотивация и формирование речевой интенции, ориентировки, планирования, реализации плана и контроля. «Горизонтальная» структура противопоставляется «вертикальной» структуре [3]. Итак, совокупность речевых операций и действий направлены на порождение текста, который является не только результатом языковой деятельности, но и формой организации речи.

Принимая во внимание деятельностный подход к вопросу о природе организации текста и его функциональной стороны, изучение процесса создания первичного и вторичного текста(ов), нехудожественного текста, осуществляется в рамках проблемы текстовой деятельности. Текстовая деятельность рассматривается в качестве высшей речемыслительной деятельности человека, результатом которой и выступает объект исследования - текст. Текст – сложное и полифункциональное знаковое образование [6]. С развитием психолингвистики эволюционной стороной речемыслительного процесса

становится процесс создания текста как устного, так и письменного, как первичного, так и вторичного, исследуя их функциональную составляющую.

Текст всегда является источником информации и познания, 'материей языка', в котором семантико-синтаксические структуры отвечают за его содержательно-структурную характеристику, в нем вербализируются мысли автора, что делает его концептуально релевантным и информативным. Текст представляет собой речевое сообщение/произведение, которое грамматически и стилистически оформлено, в нем зафиксировано мировоззрение автора относительно объективной действительности- тема, информативность речевых структур выражены согласно коммуникативному намерению и функциональной специфики. Информация и знания, кодируемые языковыми единицами, в текстовой деятельности перерабатываются в сознании и становятся речевыми единицами текста, раскрывая коммуникативное намерение, или ментальную структуру, сформированное во внутренней речи автора.

В функциональной лингвистике язык представляет собой инструмент, орудие, средство, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка. Среди разнообразных и многообразных функций языка одна или несколько объявляются самыми главными; обычно это либо коммуникативная, либо когнитивная функция языка, но нередко – и та и другая, к которой добавляют экспрессивно-эмоциональную, поэтическую [1]. Одной из характерных особенностей письменной разновидности языка является его функциональная направленность. Текстовая деятельность рассматривается в качестве процесса создания письменного текста, выполняющего свою конструктивно-информативную функцию. Письменный текст всегда коммуникативен и категория информативности – его неотъемлемая сторона. Именно благодаря многоуровневой информации во вторичной текстовой деятельности процесс понимания сопровождается речевыми действиями психологического характера. Функциональный подход предполагает глубокий анализ содержательно-смыслового плана первоисточника, а следовательно приводит к семантической компрессии первичного текста (семантико-структурный анализ). Вторичный текст выполняет диакритическую функцию. Создание письменного текста является способностью человека выразить речевую ситуацию в письменной форме языка [2].

При создании первичного текста семантическая значимость его речевых структур функционально обусловлена, текст имеет многоуровневую предикацию. Адресат не просто формулирует свои мысли (конструктивная функция), но и репрезентирует через речевые структуры информацию разного уровня, охватывая широкий спектр содержания познавательного значения. Речевая структура благодаря ее коммуникативной, информативной, познавательной функциональностью понимается и анализируется в соответствии с информативно-коммуникативной установкой. Категория информативности речевой структуры текста является определяющим звеном в процессе понимания первичного текста.

В понятии «функции» применительно к языковым единицам важно и понимание как потенциала ее функционирования, то есть комплекс основных правил функционирования, входящих в функциональную характеристику данной единицы [1]. Функционирование речевой единицы текста связано с ее свойством как «информативная бинарность», то есть в зависимости от речевой ситуации речевая единица обладает или не имеет признака концептуальности/предикативности, который делает ее информативной. Функциональность речевой структуры текста означает ее информативную ценность. Речевая структура, семантико-синтаксическая структура, несет в себе информацию разного рода важности и актуальности. Во вторичном тексте меньшее количество речевых структур с высокой степенью информативности решает информативно-коммуникативную задачу адресанта.

И.Р. Гальперин определяет сущность речевой деятельности, представляя ее в виде тетратемии, т.е. – язык, речь и текст. Каждый из этих компонентов выполняет особые

функции: язык систематизирует факты лингвистического опыта, которые доступны наблюдению и обобщению; речь реализует сообщения; текст фиксирует сообщения в виде документа, письменного или звукового – это уже моделированная речь [5], [2]. Текстовая деятельность или психолингвистика текста рассматривается в качестве создания устного и письменного текста с целью создания вторичного текста(ов). Тексты отвечают всем параметрам организации правильного текста, представляя собой речевое сообщение (устный текст) или речевое произведение (письменная форма организации речи). Функциональная конструктивность устного и письменного текста в рамках психолингвистики текста связана с реализацией функций первичного и вторичного текста, среди которых выступает конструктивно-информативная и диакритическая функция. Психолингвистика текста, первичная текстовая деятельность и вторичная текстовая деятельность, является речесихомыслительным процессом, в котором речевая деятельность рассматривается в качестве производства текста (устный текст) и создания текста (письменный текст) с учетом фиксации лингвистических навыков и знаний, учитывая психофизический аспект – индивидуальная языковая и речевая способность адресата и адресанта, реализуемая в текстовой деятельности, где мыслительная деятельность представлена речевыми процессами и действиями.

Таким образом, моделирование процесса создания устного или письменного текста как первичного, так и вторичного текста охватывает комплекс речевых процессов и действий, обусловленных функциональной необходимостью. Для горизонтальной структуры создания первичного и вторичного текста характерна последовательная организация речемыслительных процессов: планирование (формирование замысла) – реализация коммуникативного намерения (вербализация ментальной структуры) – контроль исполнения (анализ речевых действий). Речевые действия каждого этапа горизонтальной организации текста раскрывают механизм работы их вертикальной структуры. Специфика создания вторичного текста предполагает более сложную организацию работы речевых действий психологического и лингвистического характера. В первичной текстовой деятельности ментальная структура (замысел) предполагает многоуровневую предметно-схемное представление. Во вторичной текстовой деятельности пусковым механизмом выступает ментальная структура - свертка, которая функционально имеет предельную полноту раскрытия ценной информации. По мнению Новикова, вторичный текст предстает вербальным образованием, которое создается в результате развертывания определенных ментальных структур (предметно-схемное представление, набор ключевых слов), являющихся результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающих в свернутом виде основное его содержание [4]. Процесс понимания во вторичной текстовой деятельности представляет собой совокупность речемыслительных действий, связанных с процессом свертывания семантико-синтаксических структур текста. Анализ информативности текста включает в себя смысловую редукцию речевых структур первичного текста (вертикальная структура на уровне речевых единиц текста). Через призму своих намерений, опыта и знаний в процессе моделирования устного или письменного текста как первичное звено речевой организации и вторичного текста, в котором содержательно-смысловой план первичного текста в свернутом виде отвечает функциональной характеристике речевых структур, реализуется функциональная сторона текстовой деятельности. Результатом текстовой деятельности является «развернутая» форма ментальной структуры (замысла) - первичная текстовая деятельность и «сжатая» форма или свертка (номинативно-предикативная схема) – вторичная текстовая деятельность, вербализация свертки означает конфигурацию информативных речевых структур во вторичном тексте. Диакритической функцией обладает вторичный текст, при его речевой необратимости сохраняется свойство как «семантическая валентность», что объясняет функциональность речевых структур первичного текста и вторичного текста (семантическая адекватность с первоисточником).

Производство текста (создание устного текста) и создание письменного текста, понимание текста и развертывания ментальной структуры – разные стороны текстовой деятельности, каждая из этих сторон имеет свою глубину раскрытия процессов и действий, изучаемых психолингвистикой текста.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – 8-е изд., стер.. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. С. 55 -56, 74.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1993. – 382 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – 3-е изд. - М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. С. 19, 56, 64.
4. Новиков А.И. Текст, смысл и проблемы ситуации // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 43 – 48.
5. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 5-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. С. 37.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. С. 5.
7. Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сборник научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева ./ Под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2008. – 391 с.

10.02.19

Е.А. Вансяцкая

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
Институт гуманитарных наук,
кафедра иностранных языков

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
КОММУНИКАНТОВ-МАЛЬЧИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ)**

В статье рассматриваются специфические невербальные действия, характерные для коммуникантов-мальчиков в ситуациях эмоционального общения. Отмечаются особенности данной разновидности невербального поведения младших школьников. Примеры взяты из англоязычной художественной литературы для детей.

Ключевые слова: специфические невербальные действия, коммуникант-мальчик, эмоциональное общение, невербальное поведение младших школьников, англоязычная художественная литература для детей.

Несмотря на тот факт, что несловесное поведение человека находится в фокусе внимание специалистов разных отраслей знаний: психологов, философов, социологов, филологов, вопрос об особенностях невербального поведения детей остается, на наш взгляд, недостаточно изученным [2]. Хотя в России существует и успешно функционирует онтолингвистическое направление, специалисты по детской речи фокусируют свое внимание на грамматических особенностях построения детьми высказываний, на развитии лексики, на освоении языка детьми-билингвами и т.д. Ученые рассматривают фонетические, лексические, грамматические, синтаксические аспекты речи ребенка (С.Н.Цейтлин, А.М.Шахнарович, Н.М.Юрьева, Н.И.Лепская, М.И.Лисина, И.М.Румянцева, Е.Ю.Протасова, Е.И.Исенина и др.). Все исследователи отмечают, что ребёнок строит свою собственную языковую систему на основе речевых образцов, которые получает от взрослых. В этом смысле процесс овладения речи является творческим. Кроме того, специалистам в области детской речи интересен процесс становления и развития коммуникативного поведения ребёнка различного возраста (И.А.Стернин, Е.Б.Чернышова, Н.А.Лемякина).

Но вопрос о том, как и с помощью каких средств ребенок выражает свое эмоциональное состояние, не попал в круг научных интересов ученых. Чтобы восполнить данный пробел, мы обратились к произведениям художественной литературы на английском языке, адресованным детям. Для проведения исследования нами была использована классификация невербальных компонентов коммуникации. По мнению профессора Ф.И.Карташковой все невербальные компоненты коммуникации (НВК) можно разделить на 3 группы: контролируемые, неконтролируемые, специфические действия [3].

В настоящей статье акцент сделан на описании специфических невербальных действий мальчиков, которые достигли младшего школьного возраста (шесть – семь лет). К этому времени речь ребенка сформирована в достаточной степени, и он не испытывает трудностей фонетического, морфологического и синтаксического характера, при этом имеет достаточно сформированный словарь. Методом сплошной выборки нами были отобраны примеры из произведений художественной литературы на английском языке, коммуниканты в которых – мальчики широко и активно используют несловесные способы общения (наряду со словесными), проявляя при этом эмоциональные реакции (ЭР) различной направленности.

Исследуемый материал демонстрирует, что коммуниканты – мальчики младшего школьного возраста достаточно часто испытывают эмоциональные реакции как

положительного, так и отрицательного характера. Для детей 7-10 лет характерны такие невербальные действия отрицательного вектора как: корчить лицо, поднимать брови, надувать губы, качать головой, теребить волосы, тереть глаза, широко открывать глаза, топтать ногой, закрывать лицо руками, отталкивать коммуниканта, складывать ладони на груди, прижимать руки к груди, закрывать рот рукой, показывать язык, а также плакать, кричать, глубоко вздыхать.

Приведем характерные примеры:

1. When I got back from the garbage bin, Adam cried, "My ants are doing all sorts of neat things, but you won't find out! I'm not going to let you see them! You are an ant-killer!"

Actually I didn't care all that much if he let me see his ants or not. But I was beginning to get kind of tired of his attitude. Adam opened his eyes wide and stuck his tongue out [8, с. 26].

Говорящий последовательно совершает два действия – сначала глазами, и это действие выражает недовольство. Для понимания характера ЭР необходим прагматический контекст. Брат говорящего не очень аккуратно обращался с его домашними питомцами, муравьями, что вызвало гнев со стороны коммуниканта 1. Его действие представлено глагольным словосочетанием «to open one's eyes», которая интенсифицирована наречием «wide», указывающим на сильный характер действия. Далее, для усиления эмоционального эффекта, герой совершает второе действие специфического характера. Он высовывает язык – это действие всегда имеет отрицательную направленность и нарушает этикетные правила поведения. Это подтверждает словарная дефиниция номинации жеста – «to move your tongue quickly out of your mouth as an insult» [7]. Оба невербальных действия однонаправлены и выражают отрицательную ЭР – недовольство, гнев.

2. Larry bumped me as I sat down. "This is the worst thing that has ever happened to me in my entire life, Musselman," he said. "I'm going to kill you" [5, с. 72].

Отрицательная ЭР передаётся как по вербальному, так и невербальному каналу. В невербальной части коммуникативного акта присутствует глагольная номинация «bumped» со значением «to hit somebody with force» [6]. Вербальная часть подтверждает негативный настрой коммуниканта, в ней содержится фраза: «I'm going to kill you» с крайне отрицательным по значению глаголом. Несмотря на тот факт, что она не имеет прямого значения убить кого-то, но ее эмоциональный вектор крайне отрицателен. Таким образом, вербальная и невербальная части дополняют друг друга, чтобы передать ЭР угрозы, вызванную тем фактом, что коммуниканта выставили на посмеище перед всем классом в школе.

Основными видами невербальных действий при выражении положительных эмоций у мальчиков являются следующие: улыбаться, открывать рот, хлопать в ладоши, показывать пальцем, поднимать руки вверх, прижимать руки к груди, трогать за нос, обнимать, гладить живот, присаживаться на колени, прыгать на одной ноге, протягивать руки, смеяться, хихикать.

Рассмотрим характерные примеры:

3. Benny hopped on one foot with excitement. "Maybe we have another mystery. But how are we going to solve it?" [9, с.23].

Коммуникант для выражения положительной ЭР использует специфическое невербальное действие. Его номинация представлена в тексте с помощью словосочетания «hopped on one foot». Положительная направленность речи говорящего подтверждается существительным с позитивной коннотацией «excitement». Словарная дефиниция опорного существительного со значением «a feeling of being very happy and enthusiastic» [6] демонстрирует позитивный вектор предложения. Следовательно, коммуникант переживает положительную ЭР радости от раскрытия новой тайны в будущем.

4. "Look! Cows!" Benny shouted, pointing to three cows grazing lazily behind a wire fence next to the road [9, с. 30].

Коммуникант 1 совершает два невербальных действия, используя при этом сначала фонацию «to shout», а потом мануальный жест «to point to». Оба действия окрашены

положительно, говорящий испытывает положительную ЭР удовольствия, радости от увиденных в деревне домашних животных. Положительная ЭР в данном случае передаётся по невербальному каналу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мальчики младшего школьного возраста выражают ЭР непосредственно, имея в своем распоряжении специфические невербальные действия, наряду с использованием ими вербальных способов общения. Как мы отмечали ранее, такая же непосредственность характерна и для девочек [1]. При этом важно, что главным отличием детской невербальной коммуникации от коммуникации взрослых является конгруэнтный (согласованный) характер ситуаций общения. Детям свойственно искренне выражать свои эмоции, они, как отмечают Ф.И.Карташкова и В.В.Ганина [4] игнорируют условно принятые и этикетные нормы поведения. В результате социализации в более старшем возрасте дети постепенно уходят от выражения естественного характера эмоций. Мы предполагаем, что постепенно приходит более богатый спектр невербальных компонентов коммуникации. На смену невербальным действиям приходят неконтролируемые или психофизиологические НВК, а также контролируемые НВК. Если же этого не происходит и наблюдаются определенные девиации в проявлении эмоций, это является серьезным сигналом для обращения к специалистам.

Список литературы

1. Вансяцкая Е.А. Специфика невербальных действий девочек при выражении эмоций (на материале англоязычных художественных произведений) // Казанская наука. 2018. – №8. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С. 27-29.
2. Вансяцкая Е.А. Эмоции в невербальном поведении детей (на материале англоязычных художественных текстов). – Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 162 с.
3. Карташкова Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 108-113.
4. Карташкова Ф.И., Ганина В.В. Эмоции человека и их маскировка: гендерно-возрастные особенности (на материале англоязычных текстов и фильмов) // Третья международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Москва, 20-25 июня 2008 г. – М.: Художественно-издательский центр, 2008. –Т. 2. – С. 303-304.
5. Byars B. The 18th Emergency. – New York, NY: Heinemann, 1992. – 128 p.
6. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.06.2022).
7. Macmillan English Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionaries.com> (дата обращения: 12.06.2022).
8. Manes, S. Chocolate-Covered Ants. – New York, NY: Scholastic, 1990. – 112 p.
9. Warner G.C. The Mystery of the Hidden Painting. – New York, NY: Albert Whitman Company, 1992. – 117 p.

10.02.19

Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань guzelgizatova@hotmail.com, dianasab@mail.ru

МЕТАФОРЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современности – сохранению языков. Объектом исследования является татарский язык, который в течение последних десятилетий подвергся значительным трансформациям под влиянием доминирующего русского языка. В исследовании представлен новый эмпирический материал и новое осмысление метафор татарского языка в связи с их бесспорным влиянием на язык и культуру народа

Ключевые слова: *ассимиляция, билингвизм, метафоры, мотивация, типология, татарский язык*

A nation without a language is a nation without heart
(Welsh proverb)

Нация без языка – нация без сердца
(Валлийская пословица)

Бессмертие народа – в его языке, который является самым существенным элементом и средством развития национальной культуры. Когда вымирает язык, будущие поколения теряют жизненно важную часть своей культуры, необходимую для ее понимания. Это делает язык уязвимым аспектом культурного наследия народа. Цель данного исследования – представить новый эмпирический материал и новое осмысление метафор татарского языка в связи с их бесспорным влиянием на язык и культуру народа. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале татарского языка исследование метафор базируется на теории конвенционального образного языка (Conventional Figurative Language Theory – CFLT) [4], что дает возможность выявить аспекты мотивации метафор и провести их типологию. В работе на первый план выдвигается роль знаний носителя языка о культуре и истории народа в мотивации идиом. Основная идея теории заключается в том, что, «во-первых, концепты базового уровня категоризации [6] являются более важными в мотивации идиом, чем абстрактные концепты суперординатного уровня и, во-вторых, национально-специфические концепты являются, как правило, более значимыми в сравнении с концептами, основанными на универсальных и биологических характеристиках» [3, с. 795].

Европейская традиция исследования фразеологии выделяет два типа семантической мотивации: *метафорическая* и *символьная*. Согласно Э. Пиирайнен, мотивации идиом способствует также еще один, не сугубо семантический тип мотивации, в частности, *интертекстуальность* [5 с.342-343]. Авторы данной статьи добавляют к этой типологии еще один тип мотивации, *историческую мотивацию*, связанную с фактами исторического прошлого татарского народа, лежащими в основе образной составляющей идиом. Мы считаем, что этническая история наших предков средневековой цивилизации (Волжская Булгария, Казанское ханство) является чрезвычайно важной для описания образного языка народа. Ведь культура и история любого народа являются достоянием всего человечества.

В рамках CFLT анализ эмпирического материала обращается к типологии основных универсальных логических моделей культуры, которые мотивируют происхождение метафор татарского языка. Все четыре типа мотивации значимы для описания идиом. Однако в данном исследовании авторы подвергают анализу историческую мотивацию, а остальные

типы будут рассмотрены в их последующих трудах в рамках сохранения образных средств татарского языка. Перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

Несмотря на то, что «этническая история» народа частично накладывается на ее «материальную культуру» и «интертекстуальность», мы считаем, что эта категория способствует пониманию специфики образных средств татарского языка, что и иллюстрирует метафора *чабаталы морза*, букв.: «мурза в лаптях», в знач.: «бедный человек, который раньше был знатным и богатым». Это архаичная метафора, которая используется только старшим поколением носителей языка в устном и письменном дискурсе. Но как раз именно в этом заключается ее ценность, так как благодаря полученным нами знаниями о происхождении этой метафоры, мы попадаем в далекое прошлое нашего народа и узнаем о героическом прошлом истинных патриотов своей нации, не предавших свою веру. Если бы эта метафора не была документирована в ряде лексикографических источниках татарского языка [1; 2], мы бы многого не знали о нашем героическом прошлом.

Для того, чтобы понять эту метафору, необходимо дать объяснение компоненту «мурза». Это аристократический титул в тюркских государствах, таких как Казанское, Астраханское и Крымское ханства, высший титул тюркского дворянства, которое соответствует русскому князю. В 1552 году Казань была взята войсками Ивана Грозного, все защитники города были убиты, участь города была решена. Началась насильственная христианизация мусульман. Многие мурзы перешли на русскую службу и были крещены, но большинство из них противостояло крещению, так как они не желали отступить от своей веры. Этим людям было запрещено жить в пределах городских стен, и они выселились за пределы крепости и основали новый район проживания, который стал называться Старой Татарской Слободой. В начале 18 века царь Петр I издал указ, согласно которому татарские мурзы, которые отказывались креститься, лишались всех титулов, земель, крестьян, денег. Они отказались от всего, сняли сафьяновые сапоги и шелка и обулись в крестьянские лапти, но не предали свою нацию. Таких людей называли *чабаталы морза*, так как лапти на Руси традиционно носили бедные крестьяне.

Образ мурзы в лаптях служит метафорой по отношению к бедному человеку, ранее бывшему богатым и влиятельным. Идиома мотивирована концептуальной метафорой БЕДНОСТЬ – ОТСУТСТВИЕ АДЕКВАТНОЙ ОДЕЖДЫ. Но судить о семантике идиомы только на основе «этого абстрактного *суперординантного* уровня данной метафоры сложно, так как она не может отразить реальную семантическую сложность идиомы» [5, с. 343]. Пониманию идиомы способствуют знания о мире, основанные на ситуациях повседневного жизненного опыта носителей языка.

Метафора встроена в концептуальную систему культуры, в которой мы живем, поэтому описание идиом на *базовом уровне* категоризации [5, с. 343] дает нам возможность более глубокого проникновения в национально-специфическую информацию о культуре, известную только носителям языка. Метафора мотивирована социоматериальным окружением носителей языка, нашими знаниями о традиционной одежде крестьян и символизмом лаптей в татарской культуре. В России лапти носили до 30-х- 40-х гг. XX века представители различных этнических групп: русские, украинцы, белорусы, финны, мордовцы, чуваша и представители многих других национальностей. Лапти – один из наиболее знаменитых символов татарской традиционной культуры, отраженных в различных культурных кодах (например, в языке, обрядах, фольклоре). Как правило, в татарской культуре этот термин несет коннотацию, умаляющую человека и ассоциируется с такими его качествами, как недалекость, тупость, отсутствие культуры и невежество. Лапти плелись из лыка, волокнистой части коры лиственных деревьев. Эти знания о лаптях объясняют концептуальную метафору БЕДНОСТЬ – ОТСУТСТВИЕ АДЕКВАТНОЙ ОДЕЖДЫ. Более конкретной когнитивной структурой источника метафоры является МУРЗА В ЛАПТЯХ, а когнитивной структурой цели – БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК (который был когда-то богат и значителен).

Важнейшей функцией метафоры, как известно, является функция получения нового знания. Образы, лежащие в основе метафоры тесно связаны со знаниями о культуре татарского народа. Если бы мы не обладали знаниями в данной области истории и социальной культуры татарского народа, если бы эта информация была для нас недоступна, то семантическая сущность идиомы была бы утеряна.

Основной вывод данного исследования: для сохранения языка и его образных средств необходимо их документирование. В ситуации, когда язык находится под угрозой исчезновения, в первую очередь, «умирают» его образные средства, даже если сам язык еще продолжает какое-то время существовать.

Список литературы

1. *Исанбет Н.* Фразеологический словарь татарского языка: в 2 т. – Казань: Татарское книжное издательство, 1990. – Т.1. С. 528.
2. Татарско-русский словарь: в 2 т./ Редкол.: Асылгараев Ш.Н., Ганиев Ф.А., Закиев М.З., Рамазанова Д.Б. – Казань: Магариф, 2007. Т.2. С. 553.
3. *Dobrovol'skij D.* Cognitive approaches to idiom analysis, in *Phraseology: An International Handbook on Contemporary Research*, H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kuhn, N.-R. Norrick (eds). Berlin/New York: De Gruyter, 2007. – P. 789-818.
4. *Dobrovol'skij D., Piirainen E.* Figurative language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives. Amsterdam: Elsevier, 2005. – 407 p.
5. *Piirainen E.* Metaphors of an endangered Low Saxon basis dialect, in *Endangered Metaphors*, A. Indstrom, E. Piirainen (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. – P. 339-357.
6. *Rosch E.* Principles of categorization, in *Cognition and Categorization*, E. Rosch, B. Lloyd (eds), 27-48. Hillsdale NJ: Erlbaum, 1978.

10.02.19

Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань guzelgizatova@hotmail.com, dianasab@mail.ru

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ В ИДИОМАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена результатам анализа идиом татарского языка, мотивированными знаниями о фрагментах культуры народа-носителя языка. Цель исследования – рассмотреть нетрадиционную интерпретацию символики зоонимов в идиомах татарского языка, которая нередко отличается от ее западноевропейских аналогов.

Ключевые слова: культура, мотивация, идиома, символ, татарский язык.

Символ – один из тех редких феноменов, которые привлекают внимание ученых с древнейших времен и до настоящего времени. Символ является ключевым концептом в лингвистике, психологии, философии, искусствоведении, культурологии и в десятке других гуманитарных дисциплин. Однако не существует единой междисциплинарной дефиниции символа. Каждая область научных знаний имеет свои теоретические основы, которые и определяют ее терминологию. Поэтому не может быть универсального определения символа, которое бы удовлетворяло все области знаний.

Исследование базируется на принципах Теории конвенционального образного языка (Conventional Figurative Language Theory – CFLT), разработанной Д.О. Добровольским и Э. Пиирайнен [8], в которой на первый план выдвигается роль знаний носителя языка о культуре и истории народа в мотивации идиом. Авторы данной статьи берут за основу интерпретацию символа, представленную Ф. де Соссюром. Основной семантической чертой символа, по Соссюру, является его вторичное, произвольное значение. Он отмечает, что «символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей» [4, с.101]. Соссюр, таким образом, не считает символ знаком, выводя его за пределы лингвистики.

Важной чертой символов является их «вплетение» в контекст культуры. Символы существуют в своем культурном пространстве и связаны с социальной общностью, к которой они принадлежат. Хотя символы имеют высокую степень постоянства, их значения могут трансформироваться под влиянием культурного контекста, а также в связи с изменениями в культуре народа в различные этапы его исторического развития.

В данной статье авторы проводят анализ идиом татарского языка, содержащих в своем составе названия животных, которые имеют богатую образную основу. Исследования в области антропологии указывают на то, что люди еще с древнейших времен переносили образ человека и его свойства на животных. Наблюдая за животными, изучая их поведение люди полагали, что животные и люди имеют общие признаки, свойственные различным культурам. В результате названия животных приобрели различное символическое наполнение: медведь является символ силы; волк символизирует свободу воли, жадность и разрушительную силу; лиса – хитрость; заяц – трусость и т.д. Слова, обозначающие животных, играют важную роль во фразеологической системе языка. В каждом языке имеется большое количество идиом, компоненты которых обозначают животных: домашних и диких, птиц, рыб, насекомых и т.д. Для краткости, мы будем называть их зоонимами – термином, принятым в лингвистике. Идиомы с компонентом-зоонимом всесторонне проанализированы на материале различных языков мира, включая и татарский язык. Однако,

в большинстве исследований не уделяется внимание специфическим особенностям компонентов-зоонимов в аспекте тех функций, которые они выполняют в семантической структуре идиом. Эти особенности связаны с различными типами мотивации идиом. В данной работе для анализа идиом татарского языка был выбран концепт: ЯБАЛАК/СОВА. Выбор пал именно на этот концепт из-за его нетрадиционного символизма в татарском языке в сравнении с русским и западноевропейскими языками.

Материалом для исследования послужили лексикографические источники: Словарь идиом татарского языка Г.Х. Ахунзянова [1], Татарско-русский фразеологический словарь Н. Исанбета [2], Татарско-русский словарь [5]. Большую помощь в исследовании оказали также Энциклопедия символов В.М. Рошаля [3], Dictionary of Symbolism [6], Dictionary of Symbols [7].

ЯБАЛАК/СОВА – один из древнейших символов мировой культуры, общепризнанный символ мудрости. Большинство идиом с компонентом СОВА мотивированы феноменами культуры народа-носителя языка. В древнегреческой мифологии СОВА является священной птицей Афины Паллады – богини мудрости и покровительницы науки [7, с. 249]. Благодаря этой ассоциации концепт ЯБАЛАК/СОВА стал символом МУДРОСТИ и ЗНАНИЙ в западном мире. В других культурах символическая функция концепта СОВА/ЯБАЛАК во многом отличается от Западной традиции. Эта птица имеет много негативных свойств, она может быть символом неудачи и несчастий (Китай), смерти (Древний Египет), ада (Ацтеки, Майя) [6, с.729]. В татарском языке это демонический символ, а также символ темноты и дурного предзнаменования. ЯБАЛАК/СОВА может накликасть проклятие на людей, их земли и жилища, в результате чего все будет стерто с лица земли [2, с.688]. Рассмотрим пример:

(1) *ябалак үлгән урын*

«место, где умерла сова»

' проклятое место '

Одна из символических функций СОВЫ – ГЛУПОСТЬ, которая доминирует в западноевропейских нидерландском и финском языках, а также в вестмюнстерском диалекте немецкого языка [8, с. 107]. СОВА также символизирует ГЛУПОСТЬ в индийской философии и в исчезающем атабасканском языке, на котором говорят на востоке Аляски. В татарском языке СОВА/ЯБАЛАК также является символом ГЛУПОСТИ. Например:

(2) *ябалак кебек аңгыра*

«тупой как сова»

- Әй *аңгыра ябалак*, матур булмагач мин сиңа китермме соң аны! (Г. Камал)

- Ну и *тупица* же ты, неужели бы я привела ее к тебе, если бы она не была красавицей (перевод наш – Г.Г, Д.С.).

Весьма неожиданно то, что концепт ЯБАЛАК символически связан с концептом ПЬЯНСТВО (Исанбет, 1990:291). Как известно, в исламе запрещено принятие алкогольных напитков, поэтому в татарском языке очень мало идиом, связанных с алкоголем. Тем не менее, ЯБАЛАК/СОВА, возможно единственный представитель животного мира в татарской фразеологии, образ которого связан с таким негативным и крайне порицаемым состоянием человека. Идиому (3) можно найти не только в современных словарях татарского языка, она пока еще не имеет помету «архаичная». Вполне возможно, что скоро такая помета и появится в словарях, так как даже представители старшего поколения, едва ли вообще употребляют эту идиому. Ср.:

(3) *ябалак баш*

«совиная голова»

' пьяница '

Рассмотрим идиомы (4) и (5), содержащие компонент ЯБАЛАК, обозначающий еду или напиток и символически связанные с АЛКОГОЛЕМ:

(4) *ябалак шулпасы*

«бульон из мяса совы»

' алкогольный напиток '

(5) *ак ябалак сөте*

«молоко белой совы»

'алкогольный напиток'

В идиомах (4) и (5) суп, приготовленный из мяса совы («шулпа») и напиток из совы («сөт») символизируют алкоголь. Идиомы мотивированы знанием (осведомленностью) о том, что ЯБАЛАК – символ ПЬЯНСТВА. Здесь возможен иронический намек: «Если сова пьяна, то бульон из ее мяса или молоко совы являются также алкогольными напитками» [9, с. 190].

Символическое значение концепта СОВА в культуре амбивалентно и актуализируется от позитивной оценки как символа мудрости к его крайне негативному пониманию: СОВА может восприниматься как демоническая птица, олицетворяющая темноту, предвестника неудач и дурного предзнаменования. Две противоречащие друг другу символические функции концепта СОВА «интеллект» и «глупость» сосуществуют в концептуальной сфере образного языка и культуры носителя этого языка. Распространенное знание о том, что СОВА – символ мудрости не препятствует использованию идиом, в которых СОВА символизирует глупость.

В результате исследования эмпирического материала татарского языка, авторы пришли к выводу о том, что в татарском языке не используется древняя интерпретация символики СОВЫ - МУДРОСТЬ, а исследуемый концепт имеет противоположное символическое значение – ГЛУПОСТЬ. К тому же, ни в одном из известных европейских или восточных языков мы не столкнулись с интерпретацией символики ПЬЯНСТВА относительно концепта СОВА. В целом негативная оценка является наиболее важной культурной символической функцией концепта СОВА в фольклоре и в верованиях носителей татарского языка. Авторы пришли к выводу о том, что отрицательная коннотация концепта СОВА проявляется ярче на материале татарского языка по сравнению с другими языками.

Список литературы

1. Ахунзянов Г.Х. Словарь идиом татарского языка на букву «А». Приложение к докторской диссертации «Идиомы» (исследование на материале татарского языка): дис. ... д-ра филол. наук / Г.Х. Ахунзянов. – Казань, 1974. – С. 26-356 («Приложение»).
2. Исанбет Н. Фразеологический словарь татарского языка: в 2 т. – Казань: Татарское книжное издательство, 1990. – Т.2. С. 688.
3. Рошаль В.М. Энциклопедия символов. – М.: АСТ, 2007. – 1007 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–285.
5. Татарско-русский словарь: в 2 т./ Ред Асылгараев Ш.Н., Ганиев Ф.А., Закиев М.З., Рамазанова Д.Б. – Казань: Магариф, 2007. – 727 с.
6. Biedermann H. Dictionary of symbolism. New York: Meridian, 1994. – 465 p.
7. Chevalier J., Gheerbrant J. Dictionary of Symbols. London: Penguin Books, 1996. – 1174 p.
8. Dobrovol'skij D., Piirainen E. Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives. Amstrdam: Elsevier, 2005. – 407 p.
9. Gizatova G. A nation without a language is a nation without heart: on vanishing Tatar idioms. – in Language Endangerment: Disappearing metaphors and shifting conceptualizations – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. P. 175-200.

10.02.19

¹Н.В. Гревцева, ²Г.А. Донскова, ³О.А. Донскова, ⁴А.Э. Мирзаханова

¹Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,

Пятигорск, tsarikevich@inbox.ru,

²Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова,
филологический факультет, кафедра русской филологии,

Уральск, galinagalina_2200@mail.ru,

³Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета,
кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин,

Новороссийск, linguafan@mail.ru,

⁴Пятигорский государственный университет,
институт романо-германских языков,
информационных и гуманитарных технологий,
кафедра германистики и межкультурной коммуникации,
Пятигорск, nadya_m1763@yahoo.com

«КОВИДНЫЙ СЛОВАРЬ» КАК ОТКРЫТАЯ ДИНАМИЧНАЯ СИСТЕМА

В статье представлены результаты анализа современного «ковидного словаря» – нового продукта языкотворчества, структурированного в виде лексико-семантического поля в разных лингвокультурных пространствах, установлены отношения между единицами поля, выявлены его параметры: открытость и динамичность.

Ключевые слова: *ковид, лексико-семантическое поле, открытая система, динамика, термин, неологизм.*

Цель настоящей статьи – определение структуры «ковидного словаря» и описание его как открытой динамичной полевой системы, функционирующей в пространствах разных языков. Новым является выявление параметров открытости лексической системы, динамики её внутреннего развития, обусловленной внешнелингвистическими условиями.

Бушевавшая в течение двух лет пандемия нового коронавируса стремительно актуализировалась в языке. Сформировался так называемый «ковидный словарь/ covid vocabulary», который благодаря развитым средствам коммуникации практически мгновенно фиксировал названия новых объектов (штаммов, ограничительных мер, лекарств, а затем и вакцин). Уже существовавшие термины вирусологии и вакцинации усиливали свой прагматический потенциал за счет таких сем, как «заразный/contagious», «летальный/lethal», в семантике простых слов «маска/mask», «перчатки/loves», «дистанция/distance» и др. появились семы «опасность».

Анализ материала (более двух тысяч единиц и контекстов) показал, что в период пандемии происходит взаимодействие между такими сферами коммуникации, как: медицинская, социально-экономическая, включая СМИ, и бытового общения. Медицинские термины буквально хлынули в СМИ и речь простых людей, на их базе сформировалось огромное количество новых слов.

Скорость проникновения медицинских терминов в СМИ была наивысшей летом-осенью 2020 года, затем был небольшой спад, который перешел в подъём в период активной вакцинации. В настоящее время динамические процессы стихли, перемещения лексики из одной сферы в другую прекратилось под влиянием стабилизации экстралингвистической ситуации в мире.

С одной стороны, ковидный словарь можно описать как набор тематически связанных слов, с другой, – связи между словами системны, обусловлены функциями в контекстах употребления, а потому – наилучшее решение – представить ковидный словарь в виде лексико-семантического поля со своим ядром, приядерной зоной и периферией. Следует подчеркнуть, что во многих языках ковидная лексика имеет греко-латинские (по причине истоков медицинской терминологии) или английские корни (в силу роли английского языка как языка межнационального общения). Поэтому почти все слова ядра ковидного словаря с легкостью переводятся с одного языка на другой, причем либо транскодируются, либо калькируются [3], что так же, как и заимствования терминов, свидетельствует об открытости и универсальности ядра словаря. Приядерная и периферийная зоны менее открыты, поскольку демонстрируют большую языковую специфику.

Ядерную зону ковидного словаря (далее – КС) составляют старые медицинские термины из области вирусологии и иммунизации (*vaccine, vaccination, virus, pandemic* / вакцина, вакцинация, вирус, пандемия, а также новые, наиболее частотные и в медицинском, и медийном дискурсах слова и словосочетания: *Covid, Coronavirus, coronavirus pandemic, distancing* / ковид, коронавирус, коронавирусная пандемия, социальная дистанция. При переводе термина из одной системы в другую появляются варианты: *кóвид / кови́д* [2], добавляются уточняющие слова. Поисковики давали по четыре с половиной миллиарда ссылок на контексты с ядерными единицами. В середине 2022 года число ссылок на *Covid-19* и *Coronavirus* увеличилось почти в три раза каждая, тогда как ссылок на *vaccination* стало на миллиард меньше. Уменьшилась и доля контекстов для единиц приядерной зоны.

Через полгода после начала массовой вакцинации в ядерную зону прочно вошло слово «ревакцинация» / *booster vaccine / booster* (полтора миллиарда ссылок), тогда как слова «локдаун» / *lockdown* и «изоляция» / *isolation* переместились в приядерную зону (900 миллионов ссылок). Анализ контекстов употреблений свидетельствует о деактуализации сем «danger/опасность» и «safe/спасение» у *lockdown* и *isolation*.

Приядерную зону поля «Ковидный словарь» образуют второстепенные термины, названия штаммов коронавируса и новых вакцин: *Delta, Beta, Omicron, AstraZeneca, Moderna, Bharat Biotech, Convidecia, PCR Test, Pfizer, Russia's Sputnik, Sinopharm, Sinovac, Sputnik Light, Turkovac* и др. Ориентация на новый объект номинации изменила структуру плана содержания таких единиц, как *Sputnik* и *Zoom* (во всех языках). Спутник стал вакциной, *Zoom* приобрел новую сему «безопасное, надежное общение». Особое место в приядерной зоне два года занимали слова «маска» / *mask* и «перчатки» / *gloves*. Они ассоциировались исключительно с ковидом.

Периферийная зона поля ковидного словаря образована неологизмами-окказионализмами, в которых языковая специфика оказалась самой отмеченной и динамичной. В английском языке это композиты, стяжки и усечения: *coronopticon, covidient, antiVaxMom, anti-vaxxer, blursday, boosterism, coronacoma, coronageddon, coronanoia, coronapocalypse, coronasomnia, coronaspeak, coronials, covexit, covidiot, covidivorce, lockstalgia, mascne, pandemicide, quaranteam, coronababy, coronaphobia* и др.

Русские неологизмы включают ещё и множественные дериваты: удаленка, карантинка, бустерный, зумиться, ковиднуться, ковидушко, ковидина, докоронный, бесконтактный, бессимптомник и др. Наряду с переведенными с английского новыми словами они вошли в «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [1], изданный весной 2021 года. Открытость системы тематического вокабуляра подтверждается вариативностью словарных статей, лексикографических помет. Известные английские словари периодически публиковали новые слова в рубрике «new words», но пока так и не объединили их в одном издании.

В заключение обозначим два основных аспекта динамики «ковидного словаря»: внешний и внутренний. Внешняя динамика проявляется в трансфере сфер употребления, т.е. переходе единиц из одной сферы функционирования в другую и одновременном функционировании в двух сферах, медицинской и социально-медийной. Внутренняя динамика системы

«ковидного словаря» выражается перемещением единиц внутри поля с корректировкой семантики: из ядра в приядерную зону и наоборот, бурное словообразование в зоне периферии, результирующее изменением семантико-прагматического потенциала единиц, смещением сем.

Список литературы

1. Вальтер Х., Громенко Е.С., Кожевников А.Ю., Козловская Н.В., Козулина Н.А., Левина С.Д., Мокиенко В.М., Павлова А.С., Приемьшева М.Н., Ридецкая Ю.С. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
2. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Нестабильная фонетическая вариантность англицизмов в устном русскоязычном пространстве (социофонетическое экспериментальное исследование) // Язык и культура. 2021. №55, С.41-55.
3. Петренко С.А. О текстообразующей функции лексического повтора: анафора и эпифора // Университетские чтения – 2020. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2020. С. 43-49.

10.02.19

А.Н. Гуров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
международно-правовой факультет,
кафедра испанского языка,
Москва, gurovan@inbox.ru

ПРОЦЕСС ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

В статье рассматриваются этапы процесса локализации видеоигр, приводятся модели локализации с указанием преимуществ и недостатков каждой из них. Исследуется структура процесса локализации, который, по мнению автора, включает предварительную локализацию, промежуточную локализацию и постлокализацию.

Ключевые слова: *процесс локализации, дубляж, перевод видеоигр, ПО, постлокализация, локализатор, AAA-видеоигры.*

Процесс локализации [1, с. 153] не является универсальным и во многом зависит от типологии видеоигры, которая поставляется в страну другой культуры, где население имеет принципиально иные ценности.

Ряд исследователей [2, с. 65] отмечают, что существуют четыре уровня локализации: 1) нулевая локализация, когда изменения в исходный продукт не вносятся; 2) локализация печатных материалов для видеоигры: упаковка и инструкция к игре (*boxs and docs*); 3) частичная локализация, которая включает перевод печатных материалов и текстовый контент на экране без перевода аудио; 4) полная локализация, которая, помимо вышеуказанных компонентов, предполагает перевод аудио, т.е. дубляж контента.

Кроме того, имеет смысл выделить две модели локализации: внешнюю и внутреннюю. Внешняя модель предполагает услуги независимой компании по локализации видеоигр (*outsourcing*), а внутренняя (*in-house*) заключается в вовлечении в процесс локализации сотрудников (программистов и переводчиков) компании-разработчика ПО. Внутренняя модель локализации зачастую оказывается более эффективной, поскольку локализаторы участвуют в процессе создания видеоигры, то есть знакомы с особенностями геймплея как никто другой, что позволяет избежать лексических, смысловых и стилистических ошибок и неточностей при переводе продукта.

На наш взгляд, существует и третья модель локализации (гибридная), в рамках которой компания-разработчик имеет в штате переводчиков-локализаторов и специалистов по контролю качества, которые проверяют и редактируют перевод, выполненный сторонней компанией. В настоящее время данную модель может считать наиболее распространенной, так как она позволяет сочетать достоинства первых двух моделей: разработчики ПО и локализаторы находятся в непосредственном контакте, в то время как сторонние компании способны обеспечить быстрый перевод больших объемов информации, что при «одновременном выходе» продукта на всех рынках (*simultaneous shipment*) является крайне важным.

Процесс локализации видеоигр не всегда одинаков и зависит не только от характеристик конкретного продукта, но и от выбранных уровня локализации и модели локализации. В данной статье мы попытаемся схематически представить последовательность действий всех участников процесса локализации игрового ПО. Следует понимать, что подобная схема во многом является условной, показывает скорее дидактику организации процесса локализации, а не практическую работу компаний игровой индустрии.

Локализация видеоигр не является линейным процессом и практически никогда не реализуется в соответствии с каскадной моделью (*Waterfall*) процесса разработки ПО. Каскадная модель разработки подразумевает последовательное прохождение стадий, каждая из которых должна завершиться полностью до начала следующей [4, с. 80]. Преимуществом этой модели является достаточно простое управление проектом: разработка цифрового продукта проходит быстро, сроки и стоимость возможно определить до начала процесса локализации. Однако, каскадная модель будет обеспечивать высокий результат только в проектах с четкими и заранее определенными требованиями и способами их реализации: у компании-локализатора нет возможности сделать шаг назад, внести изменения в видеоигру, поскольку тестирование начинается только после того, как комплекс работ по локализации завершен.

При локализации видеоигр используют, как правило, «гибкую» методологию разработки (*Agile*), которая подразумевает, что после каждой операции заказчик может наблюдать конкретный результат и оценить, удовлетворяет он его или нет. Это одно из преимуществ данной модели. К ее недостаткам относят тот факт, что из-за отсутствия конкретных заданий сложно оценить трудозатраты и стоимость локализации ПО. Данная методология подходит для больших ААА-проектов, постоянно адаптируемых к условиям рынка.

По мнению Х. Гранеля, С. Манжирона и Н. Видаля процесс локализации состоит из четырех основных этапов: планирование и организация, перевод, интегрирование, тестирование и контроль качества [2, с. 61-62]:

Рис. 1 – Схема процесса локализации Х. Гранеля, С. Манжирона и Н. Видаля

Мы предлагаем более емкую структуру процесса локализации: 1) предварительная локализация, 2) промежуточная локализация, 3) постлокализация. Предварительная локализация предполагает подготовку игрового ПО к переводу и передачу материалов видеоигры группе переводчиков. При подготовке рабочего задания руководители проектов анализируют материал и распределяют задачи, устанавливая временные рамки. Как правило, материал, направляемый переводчикам, включает весь текстовый контент, которым располагает компания-разработчик на момент передачи файлов. Все данные передаются переводчикам либо в формате Excel, либо как файлы специальных программ по локализации видеоигр. Кроме того, переводчикам передают справочные материалы и руководство пользователя.

Под промежуточной локализацией понимается непосредственно перевод и адаптация текстового материала и иных редактируемых файлов. При этом учитываются пространственные ограничения (количество символов), особенности терминологии, переменные, макросы и сетевая инфраструктура, что ограничивает морфологические, синтаксические и лексические возможности перевода. На этом этапе применяются специальные программы для перевода и локализации (DKLang, SDL, Multilizer, MemoQ,

OmegaT, Trados Studio), действие которых основано на создании общей переводческой базы данных, что очень важно, в случае работы над проектом большого числа переводчиков. На этом этапе также происходит проверка текста перевода и озвучивание на ПЯ.

На этапе постлокализации происходит интегрирование всех переведенных и измененных компонентов, а также компиляция итогового файла видеоигры. Чтобы убедиться в правильной работе файла и отсутствии серьезных ошибок перед окончанием процесса локализации проводится проверка и контроль качества готового продукта [3, с. 128-140].

Редактор для достижения целостности и стилевой однородности выполненной несколькими переводчиками работы вносит в текст перевода необходимые изменения и добавления. Далее переведенный текст добавляют в код видеоигры для генерирования альфа-версии продукта, которая, несмотря на высокую функциональность все еще не является окончательной: она может содержать ряд неточностей. Альфа-версия передается заказчику на проверку и, если он принимает работу, выпускается бета версия, которая во многом схожа с окончательной версией видеоигры. Бета тестирование, в ходе которого проверяется как лингвистический аспект, так и в целом функциональность игры, завершается выпуском «золотой» версии видеоигры.

Стоит отметить, что некоторые ученые предлагают проводить дубляж видеоигр на этапе постлокализации. Так, по мнению М. Пужоль на этапе постлокализации осуществляется перевод аудио, вставка переведенных файлов в код игры, проверка и контроль качества, прием окончательной версии, производство и распространение локализованной видеоигры [6, с. 148].

Нам представляется, что перевод аудио файлов и дубляж логичнее проводить в ходе промежуточной локализации, поскольку именно на этом этапе вносятся значимые изменения и исправления в видеоигру, чем, по сути, и является дубляж. Этап постлокализации предназначен для издания первой игровой версии продукта, устранения ошибок, проведения контроля качества, а любые изменения контента необходимо вносить до начала этапа проверки.

В локализации видеоигр участвуют различные исполнители: руководители проекта, разработчики, программисты, переводчики, актеры дубляжа, звукорежиссеры и т.д.

В зависимости от состава участников, локализация ПО может иметь различный вид, однако, в большинстве случаев производители видеоигр придерживаются следующей схемы [4, с. 86]:

**разработчик → компания-локализатор → переводчик → студия дубляжа →
разработчик.**

Большинство крупных компаний по локализации видеоигр как в России, так и в европейских странах, располагают собственными студиями звукозаписи, необходимым оборудованием и персоналом для обеспечения всех этапов локализации продукта.

Лишь продуманная структура процесса локализации, четкое распределение ролей между всеми участниками, а также эффективный и постоянный контроль на всех этапах позволят осуществить качественную локализацию в установленные сроки.

Список литературы

1. Гуров, А.Н. Языковая локализация как вид перевода / А. Н. Гуров // Казанская наука. – 2022. – № 3. – С. 153-155. – EDN GPXRKY.
2. Granell X., Mangiron C. y Vidal, N. La traducción de videojuegos. Sevilla: Bienza, 2015.
3. Mangiron C., O'Hagan. Game localization: translating for the global digital entertainment industry. Amsterdam: John Benjamins –M., 2013.
4. Mejías-Climent L. La sincronización en el doblaje de videojuegos. Análisis empírico y descriptivo de los videojuegos de acción-aventura. Tesis doctoral. Universitat Jaume I. Alacant, 2019.
5. Muñoz Sanchez P. Localización de videojuegos. Madrid: Síntesis, 2017.
6. Pujol Tubau M. La representació de personatges a través del doblatge en narratives transmèdia. Tesis doctoral. Universitat de Vic - Universitat Central de Catalunya, 2015.

10.02.19

¹А.В. Данилова, ²Л.Г. Васильев

¹Институт иностранной филологии Таврической академии КФУ,
кафедра теории языка, литературы и социолингвистики,
Симферополь, sanechka_kuuz@mail.ru,

²Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра лингвистики и иностранных языков,
Калуга, vasilvlg@tksu.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Аргументативное речевое воздействие выступлений кандидатов на пост президента рассматривается как важная составляющая американской предвыборной кампании. Представлены результаты исследования средств аргументации, реализующие риторико-коммуникативный потенциал дискурса Д. Трампа и Д. Байдена в ходе президентских дебатов 2020 года. В качестве практического инструмента кандидаты применяют различные средства убеждения, характеризующиеся высокой степенью речевоздействия.

Ключевые слова: аргументация, стратегия, тактика, коммуникация, речевоздействие.

Изучение средств аргументации актуально для антропоцентрического подхода в лингвистике. В данном исследовании вслед за [1; 2; 3; 5] политическая аргументация рассматривается как способ убеждения аудитории путем использования речевоздействующих средств.

Анализ материала показал, что во время проведения дебатов [4] кандидатами применяется аргументативная стратегия, реализующаяся посредством тактики обоснованных оценок, тактики указания на перспективу, а также тактики контрастного анализа. В частности, в примере: *«If you notice, the mortality rate is down, 85%. The excess mortality rate is way down, and much lower than almost any other country. And we're fighting it and we're fighting it hard. There is a spike. There was a spike in Florida, and it's now gone. There was a very big spike in Texas, it's now gone. There was a very big spike in Arizona, it's now gone. And there were some spikes and surges in other places»* аргументация выражается тактикой контраста, которая реализуется за счет использования лексико-стилистических и синтаксических средств. В их числе – эпитеты (*a very big spike, mortality rate, excess mortality rate, a ghost town*), а также параллельные конструкции, повтор, анафора, эпифора (*there was a spike, there was a very big spike, it's now gone, we're fighting*). Так, Д. Трамп демонстрирует факторы риска заболевания в разных штатах, акцентируя внимание на том, что несмотря на сложности и высокую смертность, удастся свести риски к минимуму. Таким образом противопоставляются две терминальные ценности «жизнь – смерть», позволяя адресату сделать осознанный выбор.

Аргументативная стратегия реализуется также за счет тактики указания на перспективу, ср.: *What I would do is make sure we have everyone encouraged to wear a mask, all the time. I would make sure we move in the direction of rapid testing, investing in rapid testing. I would make sure that we set up national standards as to how to open up schools and open up businesses so they can be safe, and give them the wherewithal and financial resources to be able to do that... And so folks, I will take care of this, I will end this, I will make sure we have a plan.* Так, Д. Байден, используя повтор, параллельные конструкции, анафору на синтаксическом уровне, указывает на положительные перспективы и улучшения ситуации в стране после его прихода к власти; кроме того, он аргументирует данные улучшения наличием «плана» действий, дискредитируя таким образом своего оппонента – ср.: *And we're in a circumstance where the President, thus far, still has no plan. No comprehensive plan,* где употребление эпитета *comprehensive plan* на лексическом уровне демонстрирует отсутствие способности у оппонента здраво подойти к решению проблемы.

Использование тактики указания на перспективу можно видеть в примере: *We're about to go into a dark winter, a dark winter, and he has no clear plan and there's no prospect that there's going to be a vaccine available for the majority of the American people before the middle of next year.* В данном примере Д. Байден использует лексическое средство – аллюзию (*dark winter*), в виде отсылки к событиям 2001 г., когда была разработана инсценировка тайной атаки оспы на США. «Тёмная зима» была сфокусирована на оценке национального реагирования на чрезвычайные ситуации во время применения биологического оружия против американского народа. Адресант ссылается на цель данных учений, которая заключалась в разработке профилактических мер и стратегий реагирования за счет повышения подготовленности правительства и общественности к масштабам и потенциалу такой угрозы.

Кроме того, «тёмная зима» продемонстрировала описание возможного краха основных институтов, т.е. потерю доверия к правительству, в результате чего последуют беспорядки и нарушение демократических процессов властями, которые попытаются восстановить порядок. Отметим пример использования повтора: *You have said a vaccine is coming soon, within weeks now. Your own officials say it could take well into 2021 at the earliest for enough Americans to get vaccinated, and even then they say the country will be wearing masks and distancing into 2022. Is your timeline realistic?*; здесь автор указывает на то, что оппонент не предпринимает никаких действий, а лишь говорит. Использование общего вопроса в речи поддерживает напряжение и интерес к сложившейся ситуации.

В анализируемом материале присутствует тактика обоснованных оценок. Так, отрицательная оценка оппонента помогает адресанту создать свой положительный образ, ср: *This the same fellow who told you that, don't worry, we're going to end this by the summer. My response is, he is xenophobic but not because he shut down access from China, What are you hiding? Why are you unwilling?* Здесь данная тактика реализуется с помощью эпитетов, риторических вопросов.

В следующем примере *The foreign countries are paying you a lot. Russia is paying you a lot. China is paying a lot. And your hotels and all your businesses all around the country, all around the world. And China's building a new road to a new gas... a golf course you have overseas. So what's going on here? Why don't you release your tax return or stop talking about corruption?* использование синтаксических средств, таких как повтор, параллельные конструкции, эпифора, риторический вопрос, формирует негативное отношение к оппоненту.

Также отметим использование антономазии посредством которой реализуется рассматриваемая тактика: *Take a look what New York has done in terms of turning the curve down, in terms of the number of people dying. And I don't look at this in terms of what he does, blue states and red states. They're all the United States.* Здесь адресант Д. Байден намекает на то, что сделал его оппонент Д. Трамп – *New York* – за время своего правления.

Кроме того, использование аллюзии *blue states and red states* возвращает нас к 2000 г., когда такие термины как «красные штаты» и «синие штаты» начали относить к штатам США, избиратели которых чаще всего голосовали за одну партию, соответственно, республиканскую и демократическую. Оппонент демонстрирует свое отношение к данной ситуации «все мы люди, мы все едины» и то, что пора прекратить деление народа на «красных» и «синих». В примере *They even have a statement that we have to give 10% to the big man. You're the big man, I think. I don't know, maybe you're not. But you're the big man, I think. Your son said that we have to give 10% to the big man. Joe, what's that all about? It's terrible* Д. Трамп за счет использования эпитета *it's terrible* дает оценку происходящему, также использование иронии *you're the big man, I think. I don't know, maybe you're not* дискредитирует оппонента, вызывая у реципиента сомнения в силе и могуществе кандидата на пост президента. Так, в примере *And frankly, he ran the H1N1 swine flu, and it was a total disaster. Far less lethal. But it was a total disaster. Had that had this kind of numbers, 700,000 people would be dead right now, but it was a far less lethal disease* адресант посредством использования эпитетов выражает свое отношение к проблеме, давая понять, что риски смерти высоки при

разных заболеваниях, которые появляются постоянно.

Таким образом, анализ материала показал, что публичные предвыборные речи характеризуются высокой степенью аргументирования. Стратегия аргументации реализуется посредством тактики обоснованных оценок, тактики указания на перспективу, а также тактики контрастного анализа. Тактики проявляются в речи посредством эпитетов, аллюзий, антономазии, повторов, анафор, эпифор, параллельных конструкций. Направлениями дальнейших исследований может быть изучение влияния социолингвистических факторов на выбор речезыковых средств выражения аргументации.

Список литературы

1. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А. Н. Баранов. М.:Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. *Васильев Л.Г., Мищук О.Н.* Аргументирующее речевое воздействие и самопрезентация в американском президентском дискурсе: монография / Л.Г. Васильев, О.Н. Мищук. Калуга – Тула: Тульский полиграфист, 2015. 261 с.
3. *Васильев Л.Г., Неустроева С.Е.* Публичное выступление. Аргументация. Диалог: учеб. пособие / Л.Г. Васильев, С.Е. Неустроева. Ижевск: Алкид, 2018. 137 с.
4. Trump, Biden Final Presidential Debate: Transcript / Moderated by Kristen Welker – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/elections/2020/10/23/debate-transcript-trump-biden-final-presidential-debate> (Дата обращения: 11.07.2022).
5. *King A.* Power and communication. Prospect Highs (Il.): Waveland Press, 1987. 153 p.

10.02.19

Л.Х. Дзасежева, А.Л. Латипова, Э.Р. Хутова, М.А. Шарданова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
Социально-Гуманитарный Институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, dzasezheva@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению роли гастрономической метафоры в медицинском дискурсе. В ходе исследования проанализированы научные и научно-популярные англоязычные медицинские статьи и выделены гастрономические метафоры по следующим признакам: форма, размер, цвет, фактура поверхности продукта, консистенция и запах. Исследуемый материал показал, что гастрономические метафоры широко используются в медицинском дискурсе и выполняют объяснительную и мнемонистическую функции.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, медицинский дискурс, гастрономическая метафора, терминологическая метафоризация.*

Метафора является неотъемлемой частью процесса коммуникации. Сфера ее влияния вышла далеко за пределы образного языка художественной литературы. С уверенностью можно утверждать, что каждый профессиональный дискурс владеет своим репертуаром метафор и медицинский дискурс не является исключением.

На сегодняшний день существуют различные направления изучения метафоры и большое количество литературы по данной теме. Это сложное многоаспектное явление, которое можно рассматривать как «средство самоидентификации носителей современного языка, влияющее на процесс формирования их национально-специфической, а также универсальной картин мира» [2, с. 75].

В современных исследованиях метафору определяют как познавательный процесс, направленный на получение нового знания. Следовательно, в последнее время наиболее активно развивается когнитивный подход к изучению метафоры, основы которого были заложены в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые считаются основоположниками теории концептуальной метафоры. Их книга «Метафоры, которыми мы живем» стала фундаментальной для большинства лингвистов, которые занимаются изучением феномена метафоры. Согласно их концепции, «... метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и в действительности» [4, с. 25]. Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что метафоры как лингвистические выражения возможны, потому что метафорична вся понятийная система человека. Они рассматривают метафору как механизм, посредством которого создаются не только абстрактные концепты, но и сама возможность абстрактно мыслить.

Каждый вид человеческой деятельности предполагает наличие специализированной характерной лексики и терминологии, довольно часто переходящие в виде метафор в литературный язык. Метафоризация в языке науки — это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух разнородных объектов. По мнению С. Г. Дудецкой, терминологическая метафоризация является закономерным явлением и занимает важное место в формировании новых терминологических систем [3, с. 5].

Согласно классификации Н. Д. Арутюновой, выделяются три семантических типа языковой метафоры: номинативная (I тип), образная (II тип), признаковая (III тип) [1, с. 235]. Номинативный тип метафоры подразумевает замену одного дескриптивного значения

другим. Этот тип метафоры затрагивает употребительную лексику при возникновении необходимости в номинировании некоторого непоименованного класса реалий. Образная метафора характеризуется семантическим сдвигом, переходом предметного значения в категорию признаков слов. И, наконец, третий тип метафоры (признаковая метафора), будучи актуализован в среде признаков слов, состоит в сопоставлении субъекту метафоры признаков, свойств и действий, которые характерны для другого класса объектов или же относятся к другому классу объектов. Н. Д. Арутюнова, отмечает, что данный тип метафоры «является орудием выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий» [1, с. 235].

В процессе исследования роли гастрономической метафоры в медицинском дискурсе были проанализированы научные и научно-популярные англоязычные медицинские статьи и выделены 173 гастрономические метафоры по следующим признакам: *форма, размер, цвет, фактура поверхности продукта, консистенция и запах*.

Гастрономические метафоры, основанные на типе сходства по *форме*, представлены наибольшим количеством единиц (43 ед.), например: **herringbone pattern** (букв. «кость сельди») - фибросаркома состоит из пучков веретенообразных клеток, которые классически образуют «елочку»; **fish mouth** (букв. «рот рыбы») - митральный клапан имеет типичную форму «рыбьего рта» с хроническими ревматическими рубцами; **cauliflower-like** (букв. «похожий на цветную капусту») - форма полиповидной меланомы; **mushroom like skin tumor** (букв. «похожий на гриб») - грибовидный рост кожной опухоли; **doughnut-like** (букв. «в форме бублика») - эритроциты характеризуются своей плоской, «бубликообразной» формой (без отверстия), что позволяет им эффективно выполнять свои функции; **berry (saccular) aneurysms** (букв. «ягодные (мешотчатые) аневризмы») - наиболее распространенный тип внутричерепных аневризм; **«layer cake» pattern** (букв. «слоеный пирог») - горизонтально-слоистая картина некробиоза, характерная для липоидного некробиоза.

Гастрономические метафоры, основанные на сходстве по *размеру* занимают второе место по частотности (38 ед.), например: **miliary tuberculosis** (букв. «просообразный туберкулез») - описательный радиологический диагноз, который исторически зависел от простой рентгенограммы грудной клетки, показывающей многочисленные четко очерченные узелки размером 1–2 мм, разбросанные по обоим полям легкого. Для тех, кто впервые описал эти явления 100 лет назад, узелки выглядели как семена проса.

Следует отметить, что размеры опухоли часто измеряются в сантиметрах. Обычные продукты питания, которые можно использовать для определения размера опухоли, включают: **a pea** «горох» (1 см), **a peanut** «арахис» (2 см), **a grape** «виноград» (3 см), **a walnut** «грецкий орех» (4 см), **a lime** «лайм» (5 см), **an egg** «яйцо» (6 см), **a peach** «персик» (7 см) и **a grapefruit** «грейпфрут» (10 см).

По признаку сходства по *цвету* были выделены 34 единиц гастрономических метафор, например: **port-wine stains** (букв. «пятна от портвейна») - родимые пятна, которые выглядят так, будто кто-то пролил на кожу вино; **blueberry muffin baby** (букв. «ребенок похожий на черничный маффин») - термин, придуманный врачами для описания новорожденного, рожденного с характерной красновато-синей широко распространенной пурпурой, возникающей в результате кожного экстрамедуллярного кроветворения; **cafe-au-lait macules** (букв. «пятна «кофе с молоком»») - распространенные гиперпигментированные и плоские поражения кожи; **a chocolate cyst** (букв. «шоколадная киста») - киста яичника, заполненная старой кровью; **Coca-Cola colored urine** (букв. «моча цвета Кока-колы») - симптом гломерулонефрита, когда кровь окрашивает мочу в бурый или коричневый цвет; **honey-colored crusts** (букв. «корочки медового цвета») - характерный симптом импетиго; **cherry red epiglottis** (букв. «вишнево-красный надгортанник») - опухший надгортанник при визуализации с помощью ларингоскопии.

По признаку сходства с фактурой поверхности продукта выделено 27 метафорических единиц, например: **strawberry cervix** (букв. «клубничная шейка матки») - находка при

медицинском осмотре, при которой шейка матки имеет эритематозный, точечный и папилловидный вид; **peau d'Orange** (фр. «апельсиновая корка») - появление апельсиновой корки на коже, пораженной воспалительным раком молочной железы; **strawberry gallbladder** (букв. «клубничный желчный пузырь») представляет собой хроническое воспалительное состояние желчного пузыря, связанное с желчными камнями. Внутренняя часть желчного пузыря напоминает клубнику с желтыми крапинками - подслизистыми скоплениями кристаллов холестерина и эфиров холестерина, соответствующих семенам; **«bread and butter» appearance of the pericardium** - фибринозный экссудат, который при выраженном отложении приводит к «лохматому» или «бутербродному» виду перикарда; **gooseflesh-like skin bumps** (букв. «кожные высыпания, похожие на гусиную кожу») - многочисленные маленькие бугорки, которые вызывает волосяной кератоз.

Следующая группа гастрономических метафор (21 ед.) основана на сходстве с консистенцией продукта, например: **anchovy paste** - аспират абсцесса печени обычно представляет собой густую желто-коричневую жидкость без запаха, классически называемую «пастой из анчоусов»; **chicken fat clot** (букв. «сгусток куриного жира») фибриноподобное вещество, иногда обнаруживают в сердце и крупных кровеносных сосудах при некоторых вскрытиях; **coffee-ground emesis** (букв. «рвота кофейной гущей») - рвота, похожая на кофейную гущу. Это темно-коричневый или черный цвет с комковатой текстурой. Причиной является старая и свернувшаяся кровь в желудочно-кишечном тракте; **«rice-water» stool** (букв. «стул рисового отвара») водянистый стул с вкраплениями слизи, который является характерным признаком тяжелой формы холеры; **currant jelly sputum** (букв. «мокрота в виде смородинового желе») - кровавистая мокрота характерная для Фридлендеровской пневмонии.

По признаку сходства запаха было выявлено наименьшее количество примеров (10 ед.), например: **rancid butter odor** (букв. «запах прогорклого масла») - запах мочи при тирозинемии 1 типа и синдроме Остхауса; **«cheesy odor» of isovaleric acidemia** (букв. «сырный запах») – запах, сопутствующий изовалериановой ацидемии; **fish odor syndrome** (букв. «синдром рыбного запаха») - генетическое заболевание заключается в накоплении в организме триметиламина; **rotten eggs odor** («запах тухлых яиц») - запах мочи при цистинурии.

Следует отметить, что в ходе исследования не было выявлено ни одной метафоры, основанной на схожести вкуса, что имеет логическое объяснение. Большинство гастрономических метафор появились при визуальном осмотре и на основе сходства внешних признаков, вкус при диагностике не учитывался.

Исследуемый материал показал, что гастрономические метафоры широко используются в медицинском дискурсе. Они обеспечивают удобный язык описания и выполняют объяснительную функцию. Кроме того, данный тип метафор является полезным инструментом, который улучшает запоминание определенных симптомов и признаков и, как следствие, позволяет сделать диагностику и обучение студентов медицинских направлений более эффективными. Следовательно, мнемонистическая функция гастрономических метафор в медицинском дискурсе играет очень важную роль.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Энциклопедия «Русский язык». М.: БРЭ; Дрофа, 1998. С. 233–236.
2. Бойчук А.С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011. – Т. 61. – № 7. – С. 75-79.
3. Дудецкая С.Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. // Chicago and London, 2003, The University of Chicago Press, 276.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, ayakafedra@ggtu.ru

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ СЛЕНГЕ

Данная статья посвящена рассмотрению понятия гендерности с точки зрения его репрезентации в современном британском сленге. Авторы рассмотрели примеры сленгизмов с компонентами “girl” и “man”, составили тематическую классификацию и доказали гипотезу о гендерном неравенстве в современном английском сленге.

Ключевые слова: *гендерность, английский язык, сленг, гендерное неравенство.*

«Сленг» как лингвистический термин появился в начале XIX века и означал «фонетические, лексические, морфологические и синтаксические расхождения с установленными языковыми нормами». Современные же ученые определяют сленг таким образом: “Slang – a variety of speech characterized by newly coinages and rapidly changing vocabulary, used by the young or by social and professional groups for “in-group” communication and thus tending to prevent understanding by the rest of the speech community” [1, p. 256].

Очень часто сленг выходит за рамки того небольшого сообщества, в котором изначально использовалось, и становится общеупотребительным, сохраняя при этом особый эмоциональный характер, тем не менее, иногда изменяя смысл предыдущего значения, делая его двусмысленным или просто неприличным.

“Oxford learner’s dictionaries” определяет сленг как “very informal words and expressions that are more common in spoken language, especially used by a particular group of people, for example, children, criminals, soldiers, etc.” [2].

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет сленг как [4]:

- разговорный вариант профессиональной речи;
- элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску.

Под сленгом авторы понимают пласт сниженной лексики языка, ставящей своей задачей внесение разнообразия в стандартную, «типизированную», шаблонную речь говорящего, придание яркой эмоционально-экспрессивной окраски речи и определяющей условные границы социальной группы, использующей данные языковые единицы [7, с. 143].

В рамках исследования был проанализирован фактический языковой материал, отражающий гендерный аспект в современном британском сленге (в качестве источника материала авторы использовали «Англо-русский словарь непристойных выражений», содержащий свыше 12 тысяч слов и выражений) [3]. Гендерные исследования в современной лингвистике не теряют своей популярности, поскольку гендер сегодня – это «одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками. Гендер – это и социальный статус, который определяет индивидуальные возможности» [5, с. 181]. В зарубежной лингвистике гендерные исследования неразрывно связаны с феминистским движением, главной целью которого является достижение полного равноправия представителей обоих полов.

По результатам анализа сленговых выражений с компонентом “girl” (порядка 30 лексических единиц) была составлена тематическая классификация, которая включает следующие группы:

1. непристойный род занятий женщин (14 слов и выражений; 42,4% от общей выборки): *girl at ease/ girl below the line/ girl on the turf* – проститутка; *girlshow* – балет или варьете, в котором участвуют полуобнаженные женщины; *girlspre* – вечеринка, в которой принимают участие женщины легкого поведения; *call girl* – 1. проститутка «по вызову» (в отличие от проститутки, работающей на улице или в публичном доме) 2. проститутка, работающая в *callhouse*; *gay girl* – женщина легкого поведения; *jeep girls* – собир. китайские проститутки, обслуживавшие американских солдат; *percentage girl* – девушка, которая работает в баре и заставляет клиента покупать ей выпивку (обычно подкрашенную воду, за которую он платит как за коньяк или виски), получая за это определенный процент от владельца бара; *ragtime girl* – 1. любовница 2. проститутка; *fancy girl* – содержанка; *wellthumbed girl* – дешевая проститутка; *wild girl* – женщина легкого поведения; *working girl* – проститутка (популярное самоназвание);

2. характеристика женщины с точки зрения ее физической привлекательности (10 слов и выражений; 30,3%): *girl with plenty of here and there/ of these and those/ of this and that* – физически привлекательная молодая женщина; *glamour girl* – 1. физически привлекательная женщина 2. профессиональная красавица (кинозвезда, манекенщица и т.п.); *pinup girl* – физически привлекательная молодая женщина; *pretty girl for the shape she is in* – хорошо сложенная молодая женщина; *s.a. girl* – сексапильная женщина; *sexappeal girl* – страстная физически привлекательная девушка; *sweater girl* – 1. киноактриса или фотомодел, известная своими физическими данными (особ. крупной красивой грудью) 2. любая женщина с красивой грудью, которая носит облегающую одежду, чтобы подчеркнуть свои формы; *yellow girl* – 1. мулатка 2. сексапильная светлая негритянка;

3. характеристика женщины с точки зрения манеры ее поведения (данная группа представлена двумя противоположными по смыслу подгруппами):

3.1. категория «порядочность» составляет 12,1% от общего количества проанализированных выражений: *girl who won't* – респектабельная, приличная женщина; *home girl* – женщина, не позволяющая вольностей мужчинам; *nice girl* – девушка, не позволяющая вольностей мужчинам; *slow girl* – недотрога;

3.2. категория «непристойность» представлена следующими лексическими единицами (15,2%): *charity girl* – распутная молодая женщина (употребляется только по отношению к незамужним, внешне респектабельным женщинам); *clamour girl* – ненасытная (в сексуальном плане) женщина; *fast girl* – распутная женщина; *gong girl* – женщина, которую подбирает водитель с целью пофлиртовать; *zowie girl* – молодая страстная женщина.

Рассмотрев сленговые лексические единицы с компонентом “man” (порядка 15 слов и выражений), авторы пришли к следующим выводам: довольно часто один и тот же сленгизм имеет в своем значении одновременно положительную и отрицательную коннотации, например: *man on the make* – 1. ухажер 2. бабник, волокита; *sweet man* – 1. любовник 2. ухажер, кавалер 3. сутенер; *ladies' man* – 1. дамский угодник 2. волокита, бабник; *wild man* – 1. распутный мужчина 2. страстный любовник; *young man* – 1. ухажер 2. любовник.

Сленгизмы, характеризующие поведение мужчины, составили 68,75% от общего количества проанализированных примеров: *ass man* – 1. мужчина, много времени уделяющий женщинам (обычно с целью совокупления) 2. мужчина, помешанный на сексе 3. мужчина, для которого самой привлекательной частью тела у женщины являются ягодицы; *big man big prick, little man all prick* – о низкорослом мужчине, который ведет себя вызывающе, глупо, неприлично; *man of affairs* – бабник, волокита; *dirty old man* – похотливый мужчина (особ. пожилой); *gquaw man* – волокита, бабник; *Sunday man* – любовник на уик-энд; *tableend man* – сильно сексуально озабоченный мужчина; *honey man* – жиголо, мужчина, живущий за счет женщины; *old man* – 1. любовник 2. пожилой богатый мужчина, содержащий любовницу намного моложе себя; *shack man* – 1. женатый мужчина, содержащий любовницу 2. солдат, живущий с любовницей, а не в казарме; *backdoor man* – 1. женатый любовник 2. любовник замужней женщины.

В ходе сравнительного анализа сленгизмов с компонентом “girl” и “man” авторы исследования пришли к выводу о количественном превосходстве сленгизмов, характеризующих женщину в современном сленге, однако эти характеристики носят преимущественно негативный оттенок. Данный факт позволяет говорить о гендерном диссонансе в языке, что может быть обусловлено тем, что в обществе и языке до сих пор считается «нормой» неравенство полов и снисходительное (нередко уничижительное) отношение к женщине в различных сферах [6, с. 186].

Список литературы

1. Dictionary of American slang / Comp. a. ed. by Harold Wentworth a. Stuart Berg Flexner. – N/Y.: Crowell, Cop. 1975. – 766 p.
2. Oxford Learner's dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/slang?q=slang> (дата обращения: 16.07.2022).
3. Англо-русский словарь непристойных выражений [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-en-dirty-words-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.07.2022).
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_18.htm (дата обращения: 16.07.2022).
5. *Кузнецов А.М.* О понятии «гендер» и гендерной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня. – 2004. – №2004. – С. 180–200 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-gender-i-gendernoy-lingvistike> (дата обращения: 17.07.2022).
6. *Шурупова М.В.* Лексическая репрезентация концепта «уничижительное отношение к женщине» в американском сленге // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – №9 (51). – Ч. 4. – С. 184–187.
7. *Шурупова М.В.* Метафора как один из способов образования американских сленгизмов // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – №2. – С. 143–145.

10.02.19

Л.В. Кузнецова, Е.В. Иванова

Иркутский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
кафедра английской филологии,
Иркутск, larisa.kuzneczova@mail.ru, elena50682@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И ПРОСПЕКТИВНЫЕ СВЯЗИ В ДИСКУРСЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются особенности дискурса принятия решения в парламентской коммуникации, расширяются научные представления о понятии «принятие решения», дается свое понимание данного термина. Указывается, что создание и поддержание общего коммуникативного, дискурсивного и проблемного когнитивного пространства осуществляется на протяжении продолжительного времени механизмами ретроспективной и проспективной связи.

Ключевые слова: принятие решения, проблемная ситуация, ретроспекция, проспекция, проблемное пространство.

Термин «принятие решения» в настоящее время используется довольно широко в разных научных дисциплинах: экономике, социологии, когнитивной психологии, политологии, прикладной математике, исследовании искусственного интеллекта. Специалистами из разных научных областей создаются методы принятия решения, и таким образом разрабатывается новое научное направление.

В науке нет единого определения термина «принятие решения». Так Р. Снайдер понимает под принятием решения выбор некоторого плана (линии действия) из ограниченно возможного количества общественно обусловленных альтернативных планов с целью вызвать к жизни некое специфическое состояние, положение вещей в будущем, ясное тому, кто принимает это решение [7].

В лингвистике С.Н. Плотникова анализирует данное явление в терминах знания и единиц дискурса. Принятие решения определяется как вербализация проблемных пропозиций и аргументированный выбор одной из них. С.Н. Плотникова утверждает, что проблема формируется в ситуации общения через серию бесед [5]. А. Ньюэлл в своих работах подчеркивает, что решение проблем связано с понятием проблемного пространства (problem space), элементы которого состоят из отдельных знаний и суждений об этой проблеме, включая исходную и желаемую ситуации [6]. Участники ситуации принятия решения, по мнению Р. Акоффа, стремятся найти удовлетворяющую обе стороны линию поведения, так как они находятся в ситуации выбора [1]. На наш взгляд, в процессе решения проблемных ситуаций люди, принимающие решение, находясь в состоянии выбора, дискурсивно перебирают возможные варианты решения, в лингвистических терминах, проблемные пропозиции, в поисках одного подходящего. Такое взаимодействие участников позволяет им строить вокруг себя коммуникативное пространство, а также пространство дискурсивное, поскольку дискурс порождается как центрированный на проблемных пропозициях [4]. Мы полагаем, что решение проблемы и принятие решения – это создание общего коммуникативного, дискурсивного и проблемного когнитивного пространства, поддержание которого осуществляется на протяжении продолжительного времени механизмами ретроспективной и проспективной связи.

Цель данной статьи – рассмотреть, как эта связь сохраняет и удерживает проблемное пространство до тех пор, пока проблемный вопрос не решен.

Мы обратимся к примеру обсуждения законопроекта об ответственном обращении с животными (от 19.12.2018 г) в комитете Государственной Думы, так как Парламентская коммуникация в целом, и в Государственной Думе в частности, связана с обсуждением социальных, политических и других проблем с целью принятия решения по законопроектам в течение длительного времени. На протяжении всего периода обсуждения законодательных актов осуществляется создание единого коммуникативного, дискурсивного и проблемного когнитивного пространства. Такой длительный характер развития проблемных ситуаций можно соотнести с понятием пространственно-временного континуума как определённой последовательностью фактов и событий, разворачивающихся во времени и пространстве [2,3]. По И.Р. Гальперину пространственно-временной континуум связан с категориями проспекции и ретроспекции, которые обеспечивают эту последовательность при обращении к прошлому или будущему.

При формировании различных проблемных ситуаций механизмы ретроспекции и проспекции способствуют поддержанию когнитивно-дискурсивного пространства; эта связь сохраняется до тех пор, пока проблемный вопрос существует в этом пространстве, поскольку все это время происходит постепенное формулирование, проговаривание, обсуждение и осмысление определенного варианта решения. На языковом уровне разрастание ретроспективных связей обеспечивают повторы – это вербализация ранее упомянутой говорящим информации (*коллеги, я вам всем хочу **напомнить**, что эти поправки четырежды **обсуждались** комитетом очно; Коллеги, **ещё раз вам говорю**; **Ещё раз хочу повторить**, что; Коллеги, **вчера при рассмотрении** этого законопроекта во втором чтении **нам говорили**; этот блок совпадает с тем законопроектом, который **вы предлагали** принять отдельно; Что касается обсуждения поправок, коллеги, я вам **всем хочу напомнить**, что эти поправки четырежды **обсуждались**; я **эту тему поднимал** более месяца назад*). С помощью повторов говорящий возвращает собеседника к уже упомянутым фактам по рассматриваемой проблеме с целью привлечь его внимание или придать особое значение отстаиваемому говорящим решению. Механизм ретроспекции позволяет слушающему восстановить в памяти ранее полученные сведения, переосмыслить их. Благодаря упоминанию ранее сообщаемых фактов, уже известная информация приобретает для слушающего новую значимость в описании происходящих событий, которая может стать основополагающей для принятия своевременного решения.

С помощью механизма проспекции говорящий удерживает, фокусирует внимание собеседника на возможных причинах необходимости вернуться к обсуждаемым вопросам еще раз, убеждая его в том, что значимая фактуальная информация будет предоставлена позже, в последующих беседах (*принятие этого закона **потребуется корректировки законодательства**; работа только начинается, несмотря на то, что огромный путь уже пройден: **нам предстоит регулировать ещё множество вопросов**; нам **ещё придётся вернуться к этой статье**; там тоже **есть ещё над чем работать**; Моя точка зрения, в двух словах, заключается в том, чтобы вопрос сегодня снять с повестки дня, спокойно, размеренно **принять решение в январе***). С помощью данной стратегии участники направляют друг друга к поиску новых смыслов, подкрепляющих выбор необходимого решения. Проспекция даёт собеседнику возможность более детально вникнуть в процедуры отбора наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации, более полно представить себе связь между возможными вариантами решения. Напоминая друг другу о дальнейших перспективах развертывания дискурса принятия решения, участники концентрируют своё внимание на тех действиях, которые могут привести их к желаемому событию.

В целом, механизмы ретроспекции и проспекции – это инструменты коммуникативной борьбы, используемые говорящими с целью привлечь других участников на свою сторону, заставить их принять, отстаиваемый вариант решения. В течение всего этого продолжительного периода времени (более семи лет) данная проблемная ситуация поддерживалась разными говорящими. В своём развитии она охватила множество

институциональных и коммуникативных ситуаций с разным составом участников, но в каждой из них поднимался один и тот же проблемный вопрос: принять законопроект или отклонить его. Этот вопрос обсуждался, аргументированно отстаивался, и всё это время в борьбе за избранный вариант решения политики обращались к таким приемам как ретроспекция и проспекция, которые цементировали, стягивали все эти ситуации в одну общую ситуацию принятия решения. Таким образом, происходил процесс разрастания пространственно-временного континуума, процесс наложения одного пространства на другое, где все это время решение переходило от одного варианта к другому – <Изменить существующее положение дел> или <Оставить мир без изменений>.

Список литературы

1. *Акофф Р.* Искусство решения проблем // Пер. с англ. Е.Г. Коваленко / Под. ред. Е.К. Масловского. – Москва : Мир, 1982. – 220 с.
2. *Гальперин И.Р.* Грамматические категории текста // Известия АН СССР, серия литературы и языка. – 1977. – Т. 36. – № 6.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
4. *Кузнецова Л.В.* Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации: дис. канд. филол. наук: 10.02.10. – Красноярск, 2016. – 191 с.
5. *Плотникова С.Н.* Решение проблем в серии бесед: анализ примера из романа Д. Дефо «Молл Флендерс» // Фразеология и личность: межвузовский сб. науч. тр. . – Иркутск : Изд-во ИГПИИЯ, 1995 – С. 119-134.
6. *Newell A.* On the analysis of human problem solving protocols, in Johnson-Laird, P.N. and Vason. P.C (eds // Thinking. Readings in Cognitive Science. – Cambridge University Press. Cambridge, 1977. – P. 46-61.
7. *Snyder R.C.* A decision-making approach to the study of political phenomena / Ed. by Roland Young. Evanston. – Approaches to the Study of Politics, 1958. – P. 19.
8. Стенограмма заседания (19.12.2018) [Electronic resource] №458458-5 Законопроект :: Система обеспечения законодательной деятельности (duma.gov.ru) (15.06.2022)

*10.02.19***А.В. Медведева, П.В. Невская**

Краснодарский государственный институт культуры,
информационно-библиотечный факультет,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, r_anaya@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ

Благодаря передовым технологиям значительно улучшилось качество и тип материалов, используемых в обучении. Аутентичные материалы могут быть наиболее предпочтительными при обучении иностранному языку. В данной статье рассматривается, как выбрать наиболее подходящие аутентичные материалы для учащихся, типы, характеристики, особенности, преимущества и недостатки аутентичных материалов.

Ключевые слова: аутентичные материалы, образование, обучение иностранным языкам, использование материалов.

Аутентичные материалы приобрели известность благодаря появившемуся в 1970-х годах коммуникативному подходу в обучении иностранному языку. В этот период различные слуховые, визуальные и печатные документы, используемые на уроках, стали называть аутентичными материалами. С помощью таких материалов преподавание иностранных языков становится более эффективным, поскольку оно повышает мотивацию и интерес, дает оригинальные примеры, позволяет учащимся прочувствовать изучаемый язык, слышать его в том виде, в каком он используется в реальном мире, вне классной среды. Аутентичные материалы позволяют студентам практиковать реальные жизненные ситуации, сосредоточив внимание не на форме, а на содержании. Кроме того, главная цель использования аутентичных материалов - максимально воплотить реальность жизни в искусственную учебную среду.

Согласно С. Берардо, существует два типа материалов:

- 1) учебные материалы: учебник, УМК, компакт-диски с диалогами и т.д.
- 2) аутентичные материалы, не имеющие педагогической цели: тексты газет, музыка, брошюры, фильмы, рекламные ролики [5, 67].

Аутентичные материалы являются частью повседневной жизни носителей языка. Это материалы, произведенные носителями языка и разработанные для удовлетворения какой-либо социальной цели в языковом сообществе, без каких-либо педагогических намерений. В отличие от них, учебные материалы, специально созданные для преподавания языков, подчиняют естественность и подлинность языка дидактической цели, а язык, используемый в этих типах текстов, как правило, устаревший и наполнен идеальными фразами и повторяющимися конструкциями. М. Пикок выделяет 5 видов аутентичных материалов:

1. Графические аутентичные материалы: фотографии, графика, знаки.
2. Видеоматериалы: фильмы, рекламные ролики, видеоклипы.
3. Письменные аутентичные материалы: романы, стихи, статьи в прессе, рецепты, билеты, инструкции.
4. Аудио материалы: песни, радио-шоу.
5. Предметы повседневной жизни [8, 150].

Аутентичные материалы имеют экстралингвистические цели, то есть никогда не создаются в качестве примера правильного или надлежащего использования определенными способами. Поскольку они являются реальными образцами языкового сообщества и

представлением определенной культуры и ее взгляда на мир, то через них студент узнает и понимает некоторые характерные аспекты культуры страны, язык которой он изучает. Именно поэтому такие материалы являются очень мощным инструментом культурного сближения, знания и интеграции культурных элементов в преподавание иностранных языков.

Аутентичные материалы крайне полезны для преподавания иностранных языков, если их правильно подбирать. Интересы и потребности учащихся являются одной из наиболее важных тем при подготовке учебной программы и в процессе обучения. Как изображение, так и содержание выбранных материалов должны быть в состоянии заинтересовать студентов. Кроме того, материалы должны соответствовать лингвистическим потребностям учащихся. По этой причине при выборе аутентичных материалов необходимо сначала убедиться, что они удовлетворяют потребностям учащихся. Не каждый аутентичный материал может быть пригоден для использования на уроке. Так, например, студентам творческих вузов и специальностей необходимо подбирать материал, соответствующий их предметной области с учетом особенностей их профессионального мышления. Такое обучение предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях [4, 126]. Подбор аутентичного материала должен осуществляться, как правило, специально для обучения студентов конкретной специальности и фокусироваться на обучении языковым средствам (грамматике, лексике, фонетике) и коммуникативным функциям, характерным для конкретной сферы использования языка, связанной с той или иной специальностью. Правильно подобранный материал, который учитывает профессиональные потребности студентов, безусловно, вызывает интерес и повышает мотивацию студентов на дальнейшее обучение.

В своей книге Макграт упоминает семь важных критериев, которые можно использовать при выборе подобных материалов: соответствие потребностям ученика и учебника; привлекательность предмета; соответствие культурам; оценка материально-технического обеспечения; познавательные потребности; лингвистические потребности; качество и доступность [6, 33].

Берардо добавляет к вышеупомянутым критериям выбора аутентичных материалов еще два важных критерия - разнообразие и доступность. Тот факт, что используемые подлинные материалы всегда одного и того же типа, может негативно повлиять на мотивацию учащихся.

Прежде чем приступить к работе с материалом, необходимо сначала выполнить ряд предварительных действий, направленных на устранение возможных грамматических, лексических или социокультурных различий, которые могут возникнуть у учащихся при использовании документа. Согласно Берардо, трудности в аутентичных текстах могут быть преодолены путем упрощения их на лингвистическом уровне (устранение сложных слов или грамматических структур), когнитивном (в зависимости от возраста, образования и интересов учащегося) и психологическом. Кроме того, необходимо учитывать, что работа с дополнительным материалом должна не прерывать основную тему урока, а дополнять ее.

Аутентичные материалы не только облегчают введение новых лексических, морфологических и синтаксических структур, но и положительно влияют на заинтересованность и мотивацию учащихся, помогая им развивать коммуникативные компетенции, что очень важно при изучении иностранных языков.

Преимущества аутентичных материалов можно суммировать следующим образом: учащиеся лучше и быстрее изучают иностранный язык, чувствуют себя более уверенно в реальных жизненных ситуациях, слышат реальную речь носителей языка; аутентичные материалы оказывают положительное влияние на мотивацию студентов; создается более благоприятная среда обучения; студенты могут сравнивать свою культуру и культуру изучаемого языка.

Помимо преимуществ использования аутентичных материалов, есть и некоторые недостатки: используемые слова и структуры могут не соответствовать уровню учащихся; подготовка материалов может занять много времени, поскольку некоторые материалы могут потребовать дополнительной подготовки учителей; в слуховых аутентичных текстах могут быть очень разные акценты, что может сбивать с толку учащихся; чтобы понять некоторые материалы, необходимо обладать знаниями о стране изучаемого языка, и не каждый ученик может обладать этими знаниями; уровень владения языком ученика должен быть достаточно высоким; выбор, организация и подготовка подлинных материалов довольно трудоемки. Учителя иностранных языков должны максимально использовать преимущества использования аутентичных материалов при обучении иностранному языку и работать, чтобы избежать недостатков.

Подводя итоги, можно сказать, что аутентичные материалы, используемые при обучении иностранным языкам, играют немаловажную роль в эффективности преподавания. Помимо интереса учащихся, их использование позволяет консолидировать и использовать существующие знания, создавать реальные ситуации общения, облегчать внедрение лексических конструкций, делать учащихся более уверенными при общении на иностранном языке. Кроме того, аутентичные материалы способствуют межкультурному взаимодействию, повышению успеваемости учащихся. Таким образом, они выполняют конечную цель преподавания иностранных языков, которая заключается в том, чтобы помочь студенту улучшить свои коммуникативные и межкультурные навыки.

Список литературы

1. Астахова, А.Г. Использование аутентичных материалов при обучении английскому языку / А. Г. Астахова // Студенческий форум: электрон. научн. журн. - 2017. - № 9(9). - С. 15-26.
2. Бырдина О.Г., Долженко С.Г. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у учащихся посредством технологии активного говорения / О. Г. Бырдина, С. Г. Долженко // Иностранные языки в школе. - 2019. - №5. - С. 18- 24.
3. Кирсанова О.Ф. Использование аутентичных материалов на уроках английского языка как средства формирования иноязычной культурологической компетенции // Иностранный язык в школе. -2007.- С. 19-25.
4. Матухин Д.Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов лингвистических специальностей. // Язык и культура. – 2011. - №2. – С.121-128.
5. Berardo S.A. The use of authentic materials in the teaching of reading. The reading matrix. – 2006. - № 6. – P. 60-69.
6. MacGrath I., Materials evaluation and design for language teaching. Edinburgh. Edinburgh University Press Ltd. – 2002. – 310 p.
7. Harmer J. The Practice of English language teaching. London: Longman. – 2007. – 448 p.
8. Peacock M. The effect of authentic materials on the motivation of EFL learners. ELT Journal. – 1997. – P. 144-156.

10.02.19

О.Н. Польщикова канд. филол. наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации,
Белгород, polshchikova@bsu.edu.ru

МЕТОНИМИЗАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В работе представлены результаты изучения явления метонимизации в терминологии компьютерной лингвистики. В ходе исследования выявлены различные модели метонимического переноса в анализируемой терминологии, представлены соответствующие примеры.

Ключевые слова: *метонимия, компьютерная лингвистика, терминология, модель.*

Метонимизация как лексико-семантический процесс состоит в том, что форма языковой единицы или оформление языковой категории переносится с одного обозначаемого объекта на другой, «ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности». При этом перенос осуществляется «с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет» на основе пространственных, событийных, ситуативных, семантических, синтаксических и логических отношений [15, с. 236].

Понимание смысловой мотивировки метонимических значений основывается на выяснении типов ассоциативной смежности двух предметов или явлений. Метонимия «выполняет референциальную функцию, то есть позволяет одной сущности заменять другую» [7, с. 121]. С метонимическим переносом неразрывно связаны процессы образования новых терминов.

Попытку классифицировать метонимические транспозиции в терминологии одним из первых предпринял Д.С. Лотте, выделивший несколько типов образования специальных названий переносом по смежности: свойство или процесс – количественный показатель, предмет – единица измерения, свойство – предмет, процесс – состояние, материал – изделие, целое – часть [9].

Выявлены различные варианты моделей метонимического переноса в терминологических системах. Исследованы разновидности метонимических отношений между словами и сочетаниями, выражающими специфические военные понятия [7], представлены примеры образования по смежности технических терминов [5], рассмотрены различные механизмы метонимической номинации юридических терминов [13], изучены термины-метонимы в банковском дискурсе [17]. Особенности процесса метонимизации проанализированы в терминологиях фонетики [10], авиации [20], нефтегазовой сферы [6].

Явление метонимизации недостаточно освещено в терминологии компьютерной лингвистики. Эта сравнительно молодая профессиональная сфера базируется на междисциплинарных исследованиях в области автоматической обработки естественного языка [1; 12; 21] и нуждается в изучении и упорядочении соответствующей терминологии. В терминосистеме компьютерной лингвистики выявлен ряд моделей метонимизации, примеры которых представлены ниже.

1. Модель «действие (процесс) – результат действия (процесса)». Термин *высказывание* функционирует для обозначения процесса выражения, передачи словами своих мыслей, взглядов, мнений [3, с. 182]. Кроме того, *высказывание* как результат действия – это «синтаксическая единица, имеющая конкретный смысл, структуру и формальную организацию» [4, с. 69]. Лексема *сочетание* обозначает процесс установления синтаксической связи между элементами высказывания [2, с. 445], а также служит для

именования результата этого процесса, то есть непосредственно синтаксической связи. Процесс определения смысла, значения, объяснения чего-либо именуется термином *толкование* [3, с. 1328]. Этот же термин обозначает один из компонентов словарной статьи, «являющийся центральным и устанавливающий количество значений слова и определение каждого значения в отдельности» [4, с. 417], то есть имеет дефиницию результата действия.

2. Модель «свойство (способность) – величина». Термин компьютерной лингвистики *валентность* имеет дефиницию «способность полнозначного слова вступать в смысловые и синтаксические связи с другими словами» [3, с. 110]. Этот же термин функционирует для обозначения числа присоединяемых к глаголу актантов [18].

3. Модель «процесс – величина». В терминологии компьютерной лингвистики понятие *затухание* имеет значение процесса уменьшения амплитуды звука [16]. Это же понятие имеет дефиницию величины и определяется как показатель уменьшения амплитуды звуковых колебаний за единицу времени [19, с. 49].

4. Модель «процесс – состояние». Термином *нормализация* обозначается процесс «образования первоначальной формы слова, исходя из других его словоформ» [16], а также состояние пребывания в канонической форме слова (словосочетания), подвергаемого автоматической обработке [14].

5. Модель «процесс – раздел науки». Термин *машинный перевод* служит для обозначения процесса «перевода текстов с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы» [16]. Аналогично обозначается «интенсивно развивающаяся область научных исследований, экспериментальных разработок и функционирующих систем, в которых основная часть процесса перевода с одного естественного языка на другой выполняется компьютером» [8, с. 36].

6. Модель «целое – часть». В сфере компьютерной лингвистики под *каталогом* понимается нечто целое, а именно, перечень всех ресурсов, доступных используемой поисковой системой. Кроме того, имея дефиницию «перечень электронных ресурсов какого-то тематического раздела», термин каталог используется для обозначения категории «часть».

7. Модель «имена собственные – события». Иногда в терминологии компьютерной лингвистики встречаются случаи использования имен собственных для обозначения тех или иных событий. Так, название университета города Джорджтаун и название технологической компании IBM служат для обозначения известного события, именуемого *эксперимент Джорджтаун – IBM*. Он был подготовлен и проведен в 1954 году Джорджтаунским университетом совместно с компанией IBM в целях демонстрации возможностей машинного перевода [11, с. 7].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что метонимия получила естественное распространение в терминологии компьютерной лингвистики.

Список литературы

1. Агузумян Р.В., Великанова А.С., Польщиков К.А. О применении интеллектуальных технологий обработки естественного языка и средств виртуальной реальности для поддержки принятия решений при подборе исполнителей проектов // Экономика. Информатика. 2021. № 2. С. 392-404.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. 2004. 576 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. 2000. 1536 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань. 2010. 486 с.
5. Ильина О.Б. Немецкая техническая терминология в свете когнитивной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 20(731). С. 322-326.
6. Калинина С.В. Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания (на примере английской нефтегазовой терминосистемы) // Сервис plus. 2021. № 2. С. 85-96.
7. Кочарян Ю.Г. Метафора и метонимия в терминообразовании (на примере английской военной терминологии) // Вестник Университета Российской академии образования. 2012. №1. С. 120-123.
8. Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М. 2006. 304 с.
9. Лотте Д.С. Перенос термина по смежности понятий // Основы построения научно-технической терминологии. М. 1961. С. 51-58.
10. Лукина О.И. Полисемия терминов фонетики во французском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1. Ч. 2. С. 126-129.
11. Митренина О.В. Назад, в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 15(3). С. 5-12.
12. Польщиков К.А., Польщикова О.Н., Игитян Е.В., Балакишин М.С. Алгоритм поддержки принятия решений по выбору средств обработки больших массивов естественно-языковых данных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Экономика. Информатика. 2019. Т. 46. № 3. С. 553-562.
13. Попова Е.П. Семантические переносы как источник формирования юридической терминологии (на материале английского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 2. С. 150-159.
14. Прикладная и компьютерная лингвистика / Ред. И.С. Николаев, О.В. Митренина, Т.М. Ландо. М. 2016. 315 с.
15. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М. 1997. 703 с.
16. Русско-английский тезаурус по компьютерной лингвистике. URL: <https://uniserv.iis.nsk.su/thes/index.php?ent=1>.
17. Спирчагов С.Ю. Метонимия в англоязычном банковском дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3(75). С. 112-119.
18. Терньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. 1988. 656 с.
19. Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский, Б.М. Вул. Т. 2. М. 1962. 608 с.
20. Шарафутдинова Н.С. Многозначные термины в немецкой авиационной терминосистеме: основные способы и источники их формирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-1(32). С. 208-211.
21. Velikanova A.S., Polshchykov K.A., Likhoshesterov R.V., Polshchykova A.K. The use of virtual reality and fuzzy neural network tools to identify the focus on achieving project results. Journal of Physics: Conference Series. 2021. № 2060. 012017.

*10.02.19***А.В. Раловец**

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра теории и практики перевода,
Ставрополь, kravtsova1996@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ДЕТЕКТИВА

В настоящей работе исследуются когнитивные особенности детективных текстов, относящихся к массовой литературе, которая является актуальным объектом многоаспектных исследований в антропоцентрическом ракурсе. Обращение к методологии и парадигме современной когнитивной лингвистики позволяет детально рассмотреть когнитивные структуры исследуемого жанра, а также выявить лингвокультурные концепты, свойственные немецкому менталитету.

Ключевые слова: *массовая литература, классический детектив, лингвоконцепт, концептуальный персонаж.*

Переход западноевропейских стран к индустриальному обществу стимулировал появление массовой литературы, занявшей значимое место в современной культуре. Массовая литература возникла в XIX в., а ее активное развитие произошло в XX в., когда она начала управлять элитой. Элита, в свою очередь, пошла на компромисс, в результате чего утратила свой статус [13]. В итоге сформировалась новая система координат, в которой отсутствовала культурная иерархия. При этом массовая литература приобрела огромную популярность благодаря «комплексу рынка и новых технологий искусства, порождению современных коммуникаций, оглушающей силе и супервлиянию на духовный мир человечества в параметрах всего земного шара» [2].

Согласно М. А. Черняк, в конце XX в. детектив стал лидером среди продаж [14], мощным средством социально-психологической адаптации читателей к вызовам современности. Аксиоматично, что детективы характеризуются достаточно жесткими жанрово-тематическими канонами, типом героев, содержательно-композиционными стереотипами и эстетическими шаблонами, создающими в совокупности в сознании читателя определенные «жанровые ожидания» [9]. Некоторые ученые считают, что детектив воздействует исключительно на ум читателя, но не на его чувства [1]. С другой стороны, персонажи детектива вписаны в социум, попадают в реальные жизненные ситуации, поэтому детективные произведения оказывают разностороннее воздействие на реципиента, заставляя его пережить гамму разнообразных чувств, связанных как с драмой, так и с реакцией на детективную конструкцию. По нашему мнению, широта читательской аудитории детективов обуславливается именно этим фактором.

Классический детектив особенно строго следует традиционным жанровым правилам, восходя своим корнями к творчеству американского писателя Э. А. По, который использовал процесс криминального расследования в качестве предмета повествования [12]. Рационализм и схематизм стали основой построения классического детектива. В настоящее время ученые констатируют полную девальвацию детективного жанра. Теоретики и защитники классического детектива составили правила, которые были сформулированы в 1929 году в работе «Десять заповедей детективного романа» [8]. Согласно этим правилам, в классическом детективе недопустимы случайные совпадения, а у каждой ошибки есть логичное обоснование. Большую роль в классическом детективе играет главный герой, который обладает исключительными способностями и раскрывает преступления благодаря своей гениальности. Обязательным условием классического детектива является соревнование сыщика и преступника, которое обычно происходит в уединенном, замкнутом пространстве.

В последние десятилетия XX в. в немецкоязычных странах спрос на этот вид литературы стал стремительно расти, что обусловило появление большого количества новых произведений. В 1980-1990-х гг. немецкие филологи стали более активно исследовать жанр криминального романа, появились различные объединения авторов детективных произведений, такие как «Международное объединение женщин – криминальных авторов», «Союз немецкоязычных авторов криминальных романов» [9]. В Интернете можно пользоваться услугами большого количества специализированных сайтов по данной тематике: www.krimi-forum; www.das-syndicat.com; www.crimi-corner.de и др. Важно подчеркнуть, что фигура сыщика в немецких детективах является олицетворением закона и порядка, что можно считать ярким показателем констант законопослушного немецкого сознания.

Материалом исследования послужил классический детектив как эталонный образец детективного жанра, а именно произведение «*Rahnnacht: Kluftingers fünfter Fall*» (2010) дуэта популярных немецких писателей Фолькера Клюпфеля и Михаэля Кобра. Данный детектив является герметичным, строго следующим канонам образцового классического детектива. Техника вкрапления аллюзий в художественный текст является отличительной чертой детектива. Так, в рассматриваемом произведении главный герой подражает Эркюлю Пуаро, одному из самых гениальных сыщиков, что говорит о стремлении автора сохранить классические каноны детективного жанра.

Детектив как жанр художественной литературы отражает национальную специфику культуры, национальный характер, менталитет и мировосприятие того или иного народа в пространстве литературного наследия данной культуры. Согласно Н. С. Валгиной, в тексте можно выделить две основные текстообразующие функции: эстетическую функцию и функцию воздействия [5]. Мы считаем также, что детектив, как и любой художественный текст выполняет и культурологическую функцию. Так, авторы анализируемого детектива воплощают историческое, художественное и эстетическое познание действительности, пропущенное через свое сознание, дух своего времени и существующее мироустройство в немецком социокультурном пространстве, демонстрируя его лингвокультурное своеобразие.

В рамках данного исследования используется лингвокультурный подход к пониманию концепта, согласно которому концепт признается концентратом культуры, ее базовой единицей. Ю. С. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры, – этимология, оценки, современные ассоциации и т.д.» [10]. В концептах присутствует дискретная целостность смысла, который существует в непрерывном культурно-историческом пространстве. С перцептивной и когнитивной сторонами концепта коррелирует образная составляющая культурного концепта, а понятийная составляющая находит свое воплощение в соответствующем языке [7]. При этом наибольший интерес для данного исследования представляет фигура сыщика, обладающего характеристиками лингвокультурного типажа, представляющего собой этно- и социокультурно обусловленную личность, в которой находят отражение основные черты и свойства национального характера немцев.

Важнейшим компонентом немецкой концептосферы является этноспецифический немецкий концепт **Ordnung (Порядок)**, по-особому воплощенный в классическом детективе. Средневерхненемецкое слово *orden* датируется XI в., изначально оно использовалось в значениях *Ordnung* (порядок), *Regel* (правило), *Reihenfolge* (последовательность) [15]. Данный концепт остается актуальным и для современной немецкой культуры, так как немцам свойственна упорядоченность и размеренность. Для обеспечения высокого уровня жизни данной культуре достаточно должным образом выполнять все законы и правила. Так, например, выражение *Gedanken ordnen* (упорядочивать мысли) в следующем предложении показывает, что сыщик в рассматриваемом нами детективе не смог продолжить опрос подозреваемых, пока не привел свои мысли в порядок: *Als er seine Gedanken geordnet hatte, bat er den Doktor bat er den Doktor, Georg Eckstein, den grauhaarigen älteren Herrn, zum Gespräch zu bitten* [16].

В современном немецком языке большую популярность получило выражение *in Ordnung sein*, которое входит в активный словарь носителей языка для обозначения упорядоченного, находящегося под контролем состояния как личности, так и определенного круга дел: *Jedenfalls hat das Zimmermädchen mir auch nix anderes erzählen können, als ich eh schon gewusst habe. Beim Begrüßungscocktail hat sie ihm sein Kostüm reingelegt, da war wohl noch alles in Ordnung* [16]. Когда детектив анализировал факты и опрашивал свидетелей на предмет подозрительных явлений, некоторые из них не могли ему ничем помочь, по их мнению, *все было в порядке*, ничто не вызывало сомнений.

Сформировать порядок помогает четкое следование определенным правилам, без которых сложно представить себе немецкую культуру. Так, например, когда детектив Клюфтингер проводит допрос, он собирается провести его по *по всем правилам искусства: Sie wollten ein richtiges Verhör? Sie sollten eines bekommen. Und zwar nach allen Regeln der Kunst* [16]. Данное словосочетание подчеркивает, что допрос следует провести искусно, мастерски, соблюдая нормы и учитывая все детали, что полностью соответствует немецкому менталитету. В следующем примере мы также видим, что правила являются для детектива эффективным способом организовать свой рабочий процесс: *Mit einer Stimme, die klang, als stecke ihm ein Knödel im Hals, sagte er: Wir brauchen hier Regeln, anders kann ich nicht arbeiten* [16]. Чтобы показать, насколько комиссар был взволнован, когда говорил о правилах, автор использует языковую игру во фразе *als stecke ihm ein Knödel im Hals* на основе близкой по значению идиомы *einen Kloß im Hals haben* (иметь комок в горле), где наблюдается несоответствие между семантикой и буквальным значением, выводимым из прямого значения компонентов. В данном примере обыгрываются синонимы *Kloß* и *Knödel*, обозначающие клёцки, что придает речи образность, усиливает ее экспрессивность.

Для немцев типично стремление к чистоте и комфорту. Для обозначения этого состояния в немецком языке существует особая номинация – **Gemütlichkeit (уют)**, которая происходит от слова *Gemüt*, означающего в переводе на русский язык «нрав, характер, душа», то есть внутреннее состояние и душевную жизнь человека [15]. Понятие *Gemüt* характеризует духовную сторону человеческого бытия в противоположность физическому и интеллектуальному состоянию. Иными словами, данный концепт описывает внутреннее эмоциональное состояние, настроение человека, затрагивающие его внутреннюю, душевную сферу.

Согласно нашим наблюдениям, концепт **Gemütlichkeit** обозначает не только и не столько материальный комфорт, сколько особое душевное состояние. Рассмотрим в качестве примера ситуацию, когда детектив восхищается захватывающим видом из окна: *Das Dach gab den Blick in den inzwischen ziemlich bedrohlich aussehenden Himmel frei, aus dem dicke Flocken fielen, die aber auf dem Glas sofort schmolzen und als kleine Rinnsale nach unten flössen. Es war eine spektakuläre Aussicht. Ja, sehr schön. Die Kombination aus rustikaler Gemütlichkeit, die die vielen Holzelemente verströmten, und moderner, lichter Bauweise gefiel ihm gut* [16]. В то время, как за окном был снегопад, Клюфтингер находился в уютном помещении, стиль которого ему очень нравился. Сочетание красоты и комфорта получило свою репрезентацию в рассматриваемом нами концепте **Gemütlichkeit**. Использование прилагательных *spektakulär* и *schön* помогает автору точнее передать приятную атмосферу: *Kluftinger konnte ihm nur zustimmen*. Однако плохая погода со временем надоедает детективу. При помощи выражения *jemandem aufs Gemüt schlagen* (действовать удручающе на кого-л.) автор дает понять читателю, что Клюфтингеру уже некомфортно наблюдать бесконечную снежную бурю: *Allmählich schlug auch ihm der nicht enden wollende Schneesturm aufs Gemüt* [16].

Главному персонажу детектива свойственна профессиональная самоотверженность, идеализированное стремление к справедливости. В немецкой культуре **Gerechtigkeit** (справедливость, моральное поведение в соответствии с нормами) происходит от понятия «право» (*Recht*) [15]. Справедливость связана с призывом бороться с различными нарушениями норм морали и права, помогать другим. Этим можно объяснить прагматическую значимость термина *soziale Gerechtigkeit* (социальная справедливость). Концепт **Idealismus** (идеализм) представляет собой связанное с самопожертвованием стремление к воплощению,

осуществлению идеалов; мировоззрение, сложившееся под воздействием идеалов, жизненную позицию. Его суть составляют такие черты немецкого национального характера, как стремление к красоте, вера в духовную первооснову мира, жертвенность.

Из следующего фрагмента можно понять, что комиссар является романтиком, который всеми силами борется за справедливый мир: *Nein, Geld ist nicht wichtig. Ich kämpfe für eine Welt, die gerecht ist. Ich bin im Grunde ein Romantiker, ein ziemlich heillos sogar. Ich höre manchmal nachts Schreie, und dann gehe ich nachsehen, was los ist. Dabei verdient man keinen Penny. Wenn man noch seine fünf Sinne zusammen hat, macht man das Fenster zu und dreht die Musik lauter [16].* Эпитет *heillos* подчеркивает, что его состояние «не излечимо» – он безнадежный романтик, готовый посреди ночи рисковать жизнью, жертвовать материальными ценностями.

Концепт **Sparsamkeit** (бережливость) маркирует важный признак немецкого менталитета. Существительное *die Sparsamkeit* восходит к глаголу *sparen*, который первоначально имел значения «щадить, держать невредимым», т.е. беречь, восходя к древнегерманскому прилагательному, имевшему значение «достаточно» [15].

В рассматриваемом произведении Клюфтингеру и его жене не свойственна расточительность, как и всем немцам: *Sie stammte wie er aus bescheidenen Verhältnissen. Sie hatten nie Geld verprasst [16].* Выражение *sie hatten nie Geld verprasst* подчеркивает, что они привыкли экономить. И когда жена в шутку предлагает мужу взять апельсиновый сок в отеле, он реагирует крайне негативно: *Prüfend sah er zu Erika auf. Wie, Orangensaft? Das fangen wir ja jetzt wirklich nicht an! Hast du nix dabei zum Trinken? Die Frage kam in rüderem Ton, als er eigentlich gewollt hatte [15].*

Абстрактное существительное *Zeit* зафиксировано в немецких письменных памятниках VIII в. со значениями «время; время года, время суток; возраст» [15]. Концепт **Zeit** (время) является одним из ключевых концептов в немецкой языковой картине мира, реализующим весь потенциал значения слова *Zeit* и синонимичных ему номинаций, включая коннотативные и ассоциативно-образные приращения, которые сформированы на основе представленных в языке форм. Время настолько глубоко формирует фундамент наших представлений о мире, что мы не можем исключить его из рассмотрения при решении любых проблем. Время есть прежде всего достояние души, его содержание прежде всего психологично.

В следующем примере при помощи глагола *haben* происходит актуализация таких признаков концепта, как «вещь», «обладание»: *Kluftinger hatte keine Zeit mehr, dem Doktor die Sachlage zu erklären. [16].* Такую же функцию выполняет глагол *verlieren*: *Kluftinger zögerte zunächst, trat dann aber ein. Schließlich hatte er keine Zeit zu verlieren. [16].* Клюфтингер не мог позволить себя растрчивать такой ценный ресурс, как время. Каждая секунда была на счету, пока убийца был на свободе и представлял опасность для окружающих.

В языковой картине любого народа представлены этические концепты. В исследуемом произведении отдельное место занимает концепт **Höflichkeit** (вежливость). В немецкой лингвокультуре вежливость воспринимается крайне положительно, следование правилам этикета обеспечивает комфортность общения, совершенствует нравы. Этимологически понятие «вежливость» в немецкой лингвокультуре связано с изысканным поведением высших слоёв общества. Так, прилагательное *höflich* (вежливый) образовано от средневекового понятия *Hof* (двор) в значении *Fürstenhof* (княжеский двор) [15].

Из следующего примера мы видим, что для немцев вежливость является важным признаком культуры и воспитанности: *Mit dem Salz und dem Pfeffer zum Beispiel, das ist halt einfach praktisch. Und höflich, verkündete Kluftinger in leidendem Tonfall. Höflich?, erkundigte sich Erika und schien mehr interessiert als verstimmt. Ja, höflich. Stell dir vor, wir gehen nobel essen [16].* Так, по мнению Клюфтингера соль и перец могут сделать их трапезу более изысканной за счет того, что будут соблюдены все правила этикета.

В следующем примере, когда доктор принес детективу таблетки, Клюфтингер не смог не поблагодарить его в ответ, подарив ему несколько вкусностей – банку жаренного арахиса (*Dose gerösteter Erdnüsse*), упаковку соленых палочек (*eine Packung Salzletten*) и открытый

пакет мармеладных мишек (*eine angebrochene Tüte Gummibärchen*): Also erkannte der Kommissar mit einem gemurmelten «**Dankschön**» die Geste an und wollte seinerseits auch nicht hintanstellen, was **Gastfreundschaft** anlangte. Daher machte er sich an seinem Nachtkästchen zu schaffen und spendierte eine Dose geröstete Erdnüsse, eine Packung Salzletten und eine angebrochene Tüte Gummibärchen [16]. Таким образом он выразил свою благодарность и почтение за оказанную услугу, как того требовала гостеприимность (**Gastfreundschaft**).

Итак, немцы – это пунктуальный народ, который ценит свое время, стремится к соблюдению порядка и норм поведения. Ключевые концепты немецкой культуры **Ordnung, Regeln, Gemütlichkeit, Gerechtigkeit, Idealismus, Sparsamkeit, Zeit, Höflichkeit**, получившие реализацию в рассматриваемом детективе, отражают общепринятое представление о немцах как о прилежном, законопослушном, честном, бережливом, образованном и практичном народе. В немецкой лингвокультуре ценятся душевный покой и комфорт, упорядоченность и размеренность, вежливость считается при этом важным признаком культуры и воспитанности, для немцев важно гостеприимство. Анализ показал, что в исследуемом детективе лингвокультурные концепты часто воплощаются при помощи устойчивых выражений и языковой игры, повышающих прагматический потенциал и экспрессивность концептуально значимых высказываний.

Список литературы

1. Авелин К. Двойная смерть Фредерика Бело / К. Авелин // Как сделать детектив: пер. с англ., франц., нем., исп. – М.: Радуга, 1990. – С. 86-89.
2. Айтматов Ч. Т. В ожидании XXI века / Ч. Т. Айтматов / Известия. – Москва: Известия, 1998. – С. 3-13
3. Берковский Н. Я. О советском детективе / Н. Я. Берковский // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 116-118.
4. Брюсов В. Я. Из сборника «Miscellanea» / В. Я. Брюсов // Брюсов В. Я. Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. – Т. 2: Переводы. Статьи. – С. 652.
5. Валгина, Н.С. Теория текста. – Москва, Логос. 2003. – 173 с.
6. Вольский Н. Н. Дело о «детективе без берегов»: «теоретические» споры о детективе и их практические результаты / Н. Н. Вольский // Классический детектив: поэтика жанра. – [Электронный ресурс]. URL: <http://detective.gumer.info/text01.html#volsky>.
7. Карасик В.И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Карасик В. И., Слышкин Г. Г. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С.75-80.
8. Нокс Р. Десять заповедей детективного романа / Р. Нокс // Как сделать детектив. – М.: Радуга, 1990. – С. 77-79.
9. Серебрякова С.В., Кравцова А. В. Жанрово-тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра / С.В. Серебрякова, А. В. Кравцова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2019. – С. 163-170.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
11. Тихонова О. В. Современный немецкий детектив в контексте инациональных моделей / О. В. Тихонова // Балтийский филологический курьер. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2009. – С. 226-234.
12. Фетисова Т. А. Детектив в пространстве культуры. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. – С. 165-180.
13. Цветкова Б. Л. Массовая литература как культурный феномен. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 130 С.
14. Черняк М. А. Массовая литература XX века. 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. – [Электронный ресурс]. URL: <http://russianliter.ru/file.cgi?id=487>
15. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymology der deutschen Sprache. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1997. – 839 S.
16. Klüpfel V., Kobr M. Rauhnacht: Kluftingers neuer Fall Piper. – Verlag GmbH, 2010. – 190 S.

10.02.19

¹М.И. Савостькина, ¹С.Н. Маскаева, ²И. Г. Зубарева

¹Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литературы,

²МОУ «Лицей № 26», учитель мордовского языка,
Саранск, savostkina_MI@mail.ru, maskaeva77@rambler.ru, irina-zubareva79@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОВАРЯМИ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются пути формирования учебно-познавательной компетенции при работе с лингвистическими словарями на уроках родного языка. Предложены пути, методы и приемы в формировании универсальных учебных действий.

Ключевые слова: учебно-познавательная компетенция, формирование и развитие, универсальные учебные действия, словарь, словарная статья, урок родного (мокшанского) языка.

В настоящее время согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта основного и общего образования (ФГОС ООО) главная компетенция ученика – научиться учить себя, а также применять полученные знания в жизни [4].

Принципиальным отличием школьных стандартов нового поколения является их ориентация на достижение не только предметных образовательных результатов, но, прежде всего, на формирование личности учащихся, овладение ими универсальными способами учебной деятельности, обеспечивающими успешность в учебно-познавательной деятельности на всех этапах дальнейшего образования.

Анализируя учебники и учебные пособия по родному (мокшанскому) языку, пришли к выводу, что в них недостаточно заданий, обращённых на формирование познавательных учебных универсальных действий обучающихся [2, с. 110]. Поэтому, целесообразно обратить внимание на работу со словарями родного языка для формирования и развития учебно-познавательной компетенции. Это дает повод для внедрения новых методов, приемов и принципов обучения. В этом и заключается актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является выявление содержательно-процессуальной основы в формировании и развитии познавательных универсальных учебных действий на уроках родного (мокшанского) языка через систему работы со словарями в общеобразовательных организациях.

Для достижения цели исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов: теоретические, эмпирические.

Материалом исследования послужила методическая база, учебно-методический комплекс, словари, обобщение педагогического опыта профессиональной подготовки.

Работа со словарем на уроке родного (мокшанского) языка способствует формированию и развитию познавательных универсальных учебных действий, которые предполагают формирование учебно-познавательной заинтересованности обучающихся к предметной информации и способности к самостоятельному решению учебных задач. В познавательных универсальных учебных действиях развиваются поисковые умения, которые включают в себя поиск информации для выполнения учебных заданий с использованием необходимых лексикографических источников. Для решения коммуникативных задач обучающимся необходимо правильно использовать речевые средства, которые необходимо реализовать на уроках родного (мокшанского) языка [3].

Основная и самая значимая функция словаря – дать верную трактовку значения слов. В словарной статье представлены все значения слова, которые используются чаще в современной речи, а затем следуют более редкие значения, которые употребляются не так часто и только в конкретной речевой ситуации, которое развернуто и дополнено множеством примеров их художественных и научных текстов [1; 2].

Следует отметить, что словари предоставляют грамматическую информацию о слове, этимологические данные о составе слова и способах словообразования. Всю эту информацию с большим успехом можно использовать на уроках родного (мокшанского) языка как на основном этапе урока, так и на этапе закрепления материала.

Работу со словарями на уроках родного (мокшанского) языка можно разнообразить различными приемами и технологиями, которые способствуют формированию учебно-познавательной компетенции. При работе со словарями существует свой алгоритм, который состоит из трёх этапов:

- ознакомление со словарными словами-исключениями (начальный этап работы со словарной статьей и ее содержанием, в котором представляется лексические значения; фонетический анализ слова; наглядное представление слова; последующая проверка орфографии; установление разницы в произношении и правописании; подбор односложных слов, их написание, выделение орфограммы; определение лексического значения);

- фиксация полученных знаний, умений и навыков (на этом этапе используются различные приемы: группировка по тематическим группам, группировка в соответствии с алфавитным порядком, составление индивидуального орфографического словаря; визуальный диктант – мысленное «фото» слов в словаре и их запись в рабочей тетради через минуту; диктовка словарных слов и деление их на две колонки, затем проверка написания по словарной статье; диктант с взаимопроверкой и самопроверкой – словарный запас проверяется учеником или соседом попарно через слово, при этом развивается умение пользоваться словарем);

- контроль за усвоением полученных универсальных учебных действий (возможно проводить в виде: а) словарного или творческого диктанта; в виде тестовых заданий, при выполнении которых обучающиеся могут пользоваться разными видами словарей).

Для ознакомления с лексикографическими понятиями используется либо сообщение учителя, либо самостоятельный анализ соответствующего материала в учебнике. Для закрепления полученных знаний выполняются следующие упражнения:

- анализ словарной статьи, направленный на поиск соответствующей пометы;
- нахождение в лингвистическом словаре слов, имеющих указанные пометы;
- объяснение назначения той или иной пометы в словарной статье.

При работе со словарем, прежде всего, развивается потребность обращаться к нему за справками. С этой целью учитель либо специально создает ситуацию поиска лексического значения слова, либо использует естественную ситуацию анализа незнакомых слов в тексте упражнения учебника. Мы предлагаем разнообразные упражнения:

Заданиясь 1. Валксста муда кемонь стака валхт и сёрмадость видеста алфавитть мяльс кирдезь (Используя словарь, выберите 10 трудных в орфографическом отношении слов и расположите их в строгом алфавитном порядке).

Заданиясь 2. Налхксема «Диктор». Путомс вачкотьксть, азомс валть (Игра «Диктор». Расставь ударения, произнеси правильно)

Аварьгофнемс, арьсемс, ассистент, ведьбиченя, ведьналхкшит, куроcone, куротфтома, обижамс, обедикада, полафтовикс, расписандакинемс.

Заданиясь 3. Мусть валрисьмоста кевонзаф валзюлмоть и толкавасть сонь смузенц (Найдите фразеологизмы и объясните их значение).

Федя ялгазе нълня тейневок ашезь макссе кургонь панжемс ётка. Мекольдень пингть кочкярня нолсида покодемань вастса эвондась аф кържа. Синь эсь ётковасть пеетькинихть, што Николай пильгонек-прянек пезсь кельгомань болотас, ся и сяшкава старандай. Аф пилеса кулезень валхнень, а кургса фатнезень. Суронь пачатне сяшкава

танцтихть, кяльценъге нильсак.

Заданиясь 4. Сёрмадомста точкатнень вастс путода (коза эряви) ляпе тяштенья. Толкавасть сонь аф путоманц (Запишите, расставляя орфограммы).

Сувсеме мин.. мокшен.. лама велес –

Эсток юмсес.. сизефс.. кати-коза.

Кен..киснон пан..чсезь сембе тейнек келес –

И моркиш лангса шовса лакас.. позас.

Заданиясь 5. Налхксема «Кие сядя курок?». Валксста кочкада синонипт валхненди (Игра «Кто быстрее?». Выпишите из словаря синонимы к словам): *кельме, оцю, начка, ильхтемс, рахамс, коламс, максомс, цебярь, казяма, ольксемс, кяжи, ёмла, вишке, мала.*

Таким образом, работа со словарями на уроках родного (мокшанского) языка многоаспектна и многогранна. Словари помогают совершенствовать речь обучающихся, вызывают познавательный интерес к родному языку и делают обучение более продуктивным. А также способствуют формированию учебно-познавательной компетенции.

*Работа выполнена в рамках сетевого гранта вузов-партнеров
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет», ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование и развитие познавательных универсальных
учебных действий при работе со словарями на уроках родного языка».*

Список литературы

1. Богдашкина С.В., Налдеева О.И., Савостькина М.И. Отражение национального менталитета во фразеологической системе мокшанского языка // Казанская наука, № 12. 2020. С. 135-138.
2. Савостькина М.И., Богдашкина С.В., Налдеева О.И. Лингвокультурологический аспект изучения мордовского (мокшанского) языка в основной школе // Казанская наука : научное издание. 2021. С. 110-112.
3. Савостькина М.И., Гужанкова К.А. Роль словарей в обогащении лексического и грамматического строя речи учащихся на уроках родного (мокшанского) языка // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, №1 (62). 2022. Том 4. С. 42-46.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. N 1897). С изменениями и дополнениями от 29 декабря 2014 г., 31 декабря 2015 г.

*10.02.19***Е.Н. Сагайдачная канд. филол. наук, Е.В. Рябикина**

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
кафедра иностранных языков для экономических специальностей,
Ростов-на-Дону, sag-natali@yandex.ru, ryabikinaelena@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ НЛП В КОНТЕКСТНОЙ РЕКЛАМЕ МЕДИЙНОГО ТИПА

Работа затрагивает анализ стратегий нейролингвистического программирования в контекстной рекламе медийного типа. В работе подчеркивается особенность рекламного дискурса – воздействие и манипулирование сознанием целевой аудитории. В исследовании рассматриваются 53 продающих заголовка и баннера, показываемых на образовательных сайтах, порталах и обучающих платформах, с целью анализа и классификации возможных триггеров, активирующих покупку предлагаемого товара или услуги.

Ключевые слова: *нейролингвистическое программирование, манипуляция сознанием, рекламный дискурс, контекстная реклама.*

Нейролингвистическое программирование (НЛП) это психологический подход, который включает анализ стратегий, используемых успешными индивидуумами, и применение их для достижения личных целей. Оно опирается на мысли, язык и поведенческие паттерны, изученные на основе результатов специальных опытов.

Несмотря на различие в подходах, исследователи едины в том, что при успешной манипуляции информационный квант подается таким образом, чтобы у слушающего/реципиента образовалась стойкая уверенность в самостоятельности принятия целевого решения. Это и есть высшая цель манипулирующего. Рекламный дискурс, как и политический, ставит своей целью не информирование аудитории, а «воздействие и манипулирование общественным сознанием, обращаясь к эмоциям и потакая слабостям реципиента, ведь «эмоции ближе.....легче куются....»[3].

Частым приемом является попытка провести рекламную кампанию, позволяющую расположить бренд или даже само название фирмы в ментальной карте представителей целевой аудитории. Также часто встречается визуальное выражение ценностей целевой аудитории, например, на рекламные плакаты зоомагазинов помещают изображения веселых довольных питомцев.

Для целей нашего исследования были рассмотрены 53 рекламных продукта формата контекстной рекламы медийного типа на примере продающих заголовков и баннеров. Продающим или рекламным заголовком является такой заголовок, который мотивирует адресата к определенному действию: проявить интерес к продукту (переход на сайт или ссылку в объявлении), оформить или купить товар или услугу. При этом основной задачей продающего заголовка является именно привлечение внимания к продукту или услуге через воздействие на эмоциональную сферу реципиента и создание у него стойкого убеждения о необходимости данного товара или услуги и, что самое важное, уверенности в самостоятельности принятого решения. Успешный продающий заголовок должен «зацепить» внимание читателя и настолько проинформировать его, чтобы возникло желание о немедленном приобретении данного товара или услуги»[4]. «Интернет баннер представляет собой рекламную площадь с текстом и/или изображением, которая размещается на странице сайта. Доминирующая форма баннера — прямоугольник, вытянутый по горизонтали. Новыми форматами баннера стали так называемые «небоскребы» или «башни». Размер «башни» может быть разным, главное, чтобы высота была больше ширины»[2]. Данный вид рекламы задействует еще и невербальные методы воздействия (формат и цвет шрифта, движение, анимацию, мерцание, цветокоррекцию и проч.). Контекстная реклама основана на

таргетинге – механизме, с помощью которого настраиваются критерии выбора реципиентов для целевой аудитории согласно необходимым параметрам: возраст, социальный статус, гендерная принадлежность. Маркетологами еще выделяется и психографический параметр (интересы, семейное положение, данные о подписках на определенные социальные сети и проч.). В нашем исследовании данный отбор был проведен автоматически, без нашего участия, но его результаты могут представлять собой любопытный материал для дальнейшего исследования.

В нашем исследовании были рассмотрены 53 продающих заголовка и баннера, показываемых на образовательных сайтах, порталах и обучающих платформах. Основная целевая аудитория – молодые люди в возрасте от 14-26 лет, женского и мужского пола. Использующие данные ресурсы педагоги и преподаватели не составляют основную целевую аудиторию (хотя и являются пользователями этого контента), потому в рамках нашего исследования не рассматривали.

Целью нашего исследования является анализ и классификация возможных триггеров, активирующих покупку предлагаемого товара или услуги в этих продающих заголовках и баннерах. Полученные данные предоставили количественную характеристику используемым приемам, позволяя определить наиболее\наименее частотные модели.

В своей работе мы основывались на классификации моделей продающих заголовков, предложенной сервисом Postium.ru - одного из самых значимых специалистов в сфере бизнеса, рекламы и digital-маркетинга на Российском рынке.

Всего было выявлено 7 моделей:

- модель вопроса и\или выгоды;
- модель «Обещание»;
- информационная модель;
- модель «Что это и какой результат я получу»;
- модель «Призыв к действию»;
- модель «Личный опыт»;
- модель «Интрига».

Количественное и процентное соотношение моделей рекламных заголовков и баннеров представлено в таблице 1.

Таблица 1

модель	Количество, ед.	%
модель вопроса и\или выгоды;	6	11.3%
модель «Обещание»;	9	16.9%
информационная модель;	3	6.4%
модель «Что это и какой результат я получу»;	6	11.3%
модель «Призыв к действию»;	6	11.3%
модель «Личный опыт»;	1	1.8%
модель «Интрига»	22	41.5%

Как видно из таблицы 1 наиболее частотной моделью является модель интрига (22 случая, что составляет 41.5%), модели «Что это и какой результат я получу», вопроса и\или выгоды, «Призыв к действию» занимают равные позиции, насчитывая 11.3% модель «Обещание» встречается чаще (9 случаев и 16.9% соответственно).

Это не удивительно, учитывая целевую аудиторию и саму характеристику продукта – обучающего контента досуговой сферы. Молодые люди целевой аудитории рассматривают предлагаемый продукт как товар не первой необходимости, как сопутствующий продукт, используемый для удовольствия, в качестве хобби, потому и эффективная подача такого продукта должна быть легкой, веселой, непринужденной.

Например, прием языковой игры, основанный на каламбуре:

Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг АТТАСК (реклама языковых курсов).

-звукоподражании:

Go-went- (изображение пистолета); «gun» по англ. созвучно «gone»- III форме глагола *go* (реклама школы иностранных языков School#1 language studies).

-воображении:

возле надписи *Yes, there is still time* графическое изображение Y в окружении „ и математического знака – формируют рожицу, которую реципиент достроит в своем воображении сам, с удовольствием включившись в эту игру сопричастности, избранности, дешифровки кода (School of Art and Design).

- сензитивном подходе (реклама школы дайвинга Bluemarea)

We'll make you love water не только аллитерация w-l, звуков ассоциативно нежных, мягких, но и детальное изображение кота с четким фокусом внимания на его мягкую пушистую шерсть (тактильное ощущение делает продукт узнаваемым).

Приведенные случаи явили собой наиболее частотные модели рассмотренных продающих заголовков и рекламных баннеров, используемых для молодежной целевой аудитории (14-26 лет) в качестве медийного контента образовательных платформ и порталов. Полученные результаты могут быть использованы в области лингвистических исследований речевого воздействия в рамках рекламного дискурса, а также в профессиональной деятельности маркетологов с целью повышения покупательского интереса к определенной продукции.

Список литературы

1. Макдермот Я., Яго В. Практический курс НЛП. / Я. Макдермот, В.Яго. – М.: Эксмо, 2006. – 464 с.
2. Маркетинг. Большой толковый словарь. <https://marketing.academic.ru/19/БАННЕР> (дата обращения 1.05.2022)
3. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А.К. Михальская. – М.: Academia, 1996. – 192 с.
4. Сохова И.Б. Рекламный заголовок и его функции / И. Б. Сохова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 52 (238). — С. 178-179. — URL: <https://moluch.ru/archive/238/55281/> (дата обращения: 04.06.2022)
5. Плигин А. Золотые россыпи НЛП / А. Плигин. – М.: Твои книги, 2009, 426 с.

10.02.19

Г.С. Сатаева, Л.Ю. Данилина

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего образования «Военный университет имени Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка (второго),
Москва, galina-sataeva@yandex.ru

КОНЦЕПТ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАГМАТИКЕ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Настоящая статья посвящена изучению влияния концепта личных отношений на организацию и функционирование дискурса. Цель исследования заключается в установлении четырех базовых лексико-семантических групп, раскрывающих суть личностных отношений в рамках диалогической речи, а также определении наиболее ярких «индикаторов», способных продемонстрировать читателю личные отношения в речевой динамике дискурса на английском языке на примере сатирической повести-притче Джорджа Оруэлла «Скотный Двор».

Ключевые слова: лингвопрагматика, дискурс, концепт, личные отношения.

Не секрет, что вопросы, связанные с языком, его происхождением, развитием и функционированием всегда были в центре внимания филологов, философов, культурологов, историков всего мира. Особый всплеск интереса к изучению живого, естественного языка, к речевому общению и роли языка в данном процессе наблюдается с 50-х годов прошлого века. Связано это, прежде всего, с попыткой систематизировать существующие подходы к языку и со стремлением дальнейшего расширения научных взглядов на употребление языка в речи. Одними из наиболее выдающихся ученых-лингвистов, занимавшихся вопросами речевого общения, взаимодействия говорящего и слушающего были Э.Бенвенист, М.М. Бахтин, Р.О. Якобсон, Е.В. Сидоров.

Актуальность представленной темы обусловлена необходимостью дальнейшего анализа феномена концепта личных отношений в дискурсе с учетом функционального подхода к языку, а также определению его роли в организации и семантической трансформации высказываний в зависимости от личных отношений участников коммуникации.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что язык – это сложная, многоуровневая система, которую нужно изучать комплексно с учетом особенностей каждого из элементов этой системы и их отношений между собой. Подтверждение данной мысли мы находим у Ф.Н. Филина, который отмечает, что язык – «сложная система, слова в которой цементируются грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, общение между людьми, познание и перестройка мира» [2]. При этом, нужно понимать, что элементы могут противопоставляться друг другу и каждый в этом случае наделяется особой значимостью. Именно это делает языковую систему доступной для анализа и описания.

Осознание дискурса в рамках концепта личностных отношений заложил М. Фуко, понимающий дискурс/речь как освоение реальности. С его точки зрения, в результате дискурсивных практик не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила самого дискурса, и как результат, соответствующие мыслительные конструкции» [3].

Семантика высказываний дискурса с различных сторон вербализуют концепт межличностных взаимоотношений, который, в свою очередь, определяет значения

высказываний и способы их функционирования. Наиболее ярким примером личностных отношений служит неформальное или бытовое общение, в котором можно выделить два полюса жанров: верхний уровень (конструктивное общение, например, похвала, комплимент) и нижний уровень (деструктивное общение, например, обида, ссора).

Личные отношения в диалоговой интеракции играют немаловажную роль в дискурсе, проводя регуляторную политику адекватного речевого и неречевого поведения. Семантика диалогов, в свою очередь, определяется исходя из связи говорящего и адресата и их языковой и концептуальной картин мира.

Таким образом, концепт личных отношений «играет значительную роль в системе вербальных отношений между коммуникантами в диалогической речи, охватывая множество речевых средств и практик» [1].

На основе анализа выбранного языкового материала были выделены четыре основные лексико-семантические группы, соотносящиеся с дискурсом личных отношений, в свою очередь каждая группа разделяется двумя модусами по типам.

Первая группа – оценка личных отношений.

Модус положительной оценки: *«If Comrade Napoleon says it, it must be right. I will work harder»*. // «Если товарищ Наполеон так сказал, то, значит, это правильно. Я буду работать еще больше» [4]. Своей фразой «I will work harder» герой произведения по кличке Боксер пытается показать на что он готов пойти ради уважаемого им Наполеона. Такая высокая оценка личности делает Наполеона гарантом успеха и процветания на ферме.

Модус отрицательной оценки: *«Those ribbons that you are so devoted to are the badge of slavery»*. // «Эти ленточки, к которым ты так привязана, – символ рабства.» [4]. Персонаж произведения Д. Оруэлла Сноуболл, используя фразу «the badge of slavery», показывает свое негативное отношение к нарушению правил сообщества и пытается объяснить Молли о сделанных ею ошибках, которые могут повлечь череду остальных проблем, в том числе и непослушание коллектива. Несмотря на то, что он не высказывает напрямую, что подобное поведение на ферме считается непристойным, однако ставит Молли перед выбором: снять ленточку как символ рабства или оставить, став сторонником людей.

Вторая группа – демонстрация чувств и эмоций по отношению к говорящему.

Положительный модус: *«I shall follow in a few minutes. Forward, comrades! The hay is waiting»*. // «Я последую за вами через несколько минут. Вперед, товарищи! Жатва не ждет.» [4]. Фраза из повести Д. Оруэлла «I shall follow in a few minutes» раскрывает отношение Наполеона к своим сородичам, которых он убеждает в необходимости работать, но сам при этом не спешит выполнять свою задачу. Читателю данная ситуация ясна, однако в контексте взаимоотношений жителей фермы – указанный персонаж получает поддержку и ведет всех вперед, хотя и остается позади.

Отрицательный модус: *«A bird's wing is an organ of propulsion and not of manipulation. It should therefore be regarded as a leg. The distinguishing mark of man is the hand.»* // «Птичьи крылья, – это орган движения, а не действий. Следовательно, их можно считать ногами. Отличительный признак человека – это руки.» [4]. Предложение «A bird's wing is an organ of propulsion and not of manipulation» ярко демонстрирует, с одной стороны, искусственно созданное сближение с человеческим видом, и, с другой стороны, отчуждение от животных. Таким образом, птицы лишились поддержки в отношениях с обитателями фермы и стали неуютны из-за их сходства с «врагами».

Третья группа. Отношения, связанные с соблюдением или нарушением норм поведения, правил речевого общения в личных отношениях.

Положительный модус: *«Many of us actually dislike milk and apples. Our sole object in taking these things is to preserve our health.»* // «Многие из нас на самом деле терпеть не могут молоко и яблоки. Единственная цель, с которой мы их используем, — сохранить ваше здоровье.» [4]. Персонаж по кличке Визгун объяснил ситуацию остальным товарищам фразой «сохранить ваше здоровье», которая показывает заботу об окружающих и почтительное отношение к их проблемам, так как данные продукты употребляются

исключительно для поддержания здоровья свиней. Для уточнения как раз и используется фраза «многие из нас терпеть не могут...». Исходя из этого, свиньями соблюдаются нормы поведения, однако, стоит отметить, что при употреблении другими животными такого рациона – их ждало бы наказание.

Отрицательный модус: «*You were allowing him to stroke your nose. – What does that mean, Mollie? He didn't! I wasn't!*» // «Ты ему позволяла чесать твой нос. Что это значит, Молли? – Это не так! Я там не была!» [5]. Участница диалога по кличке Кlover отметила неподобающее поведение подруги высказыванием «ты позволяла чесать твой нос». Персонаж повести не раскрывает причины осуждения, а лишь акцентирует внимание на действиях, потому что мизантропия является главной идеологией фермерского общества и двигателем его прогресса.

Четвертая группа. Семантические особенности регулятивов во взаимоотношениях в рамках диалогической речи. В регулятивы входит коммуникативный опыт, полученный в ходе итерации, и неречевое/речевое поведение, складывающееся в определенных ситуациях реального речевого общения.

1) Модус стимулирующих регулятивов: «*And, above all, no animal must ever tyrannise over his own kind. Weak or strong, clever or simple, we are all brothers.*» // «И, кроме всего, ни одно животное не должно тиранить своих сородичей. Слабые или сильные, умные или глупые — все мы братья!» Мистер Джонс определил домашним животным стратегию «*no animal must ever tyrannise over his own kind*», которой заветал придерживаться всем обитателям фермы. Указанная стратегия заключается в установлении правил взаимодействия в рамках коммуникативной ситуации по совместному общению.

Модус регулятивов ответной реакции: «*You would not rob us of our repose, would you, comrades?*» // «Ведь вы же не собираетесь лишать нас заслуженного отдыха, не так ли, товарищи?» Свин по кличке Визгун отвечает на возмущение наблюдательной Кlover о нарушении установленных же им правил, что отдых в постели необходим свиньям, а фраза «*would you, comrades*» заставляет всех жителей фермы «пересмотреть свое отношение к ситуации» и больше не перечить своему наставнику и духовному лидеру, который избавил их от Джонса. Соответственно, данные регулятивы могут нести в себе положительную или отрицательную коннотацию, но и быть нейтральным с риторическим подтекстом.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что в рамках лексико-семантического описания диалогической речи в рамках концепта личных отношений были выделены следующие измерения: оценочное, интенсивности чувств, соблюдения/нарушения норм поведения, регулятивные значения. По своей структуре высказывания данного вида представляют собой как простые, так и осложненные конструкции.

Список литературы

1. Сатаева Г.С. Явление вербализации концепта личных отношений в дискурсе. – М.: Градиент, 2015, с.139 -140.
2. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка, – М.: ЛКИ, 2008. Изд. 2-е, с. 42.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания и власти. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996, с. 30.
4. Orwell G. Animal farm. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://linguabooster.com/ru/en/book/animal-farm#read> (дата обращения 26.05.2022)

10.02.19

М.А. Хатламаджиян канд. филол. наук

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
кафедра иностранных языков для экономических специальностей,
Ростов-на-Дону, Margarita22@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ МАНИФЕСТАЦИИ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей статье анализируются паралингвистические средства, репрезентирующие гендерно маркированные ложные высказывания в немецкоязычных художественных произведениях XX-XXI вв. Рассматривается гендерное невербальное поведение; отмечаются особенности невербальных поведенческих реакций у мужчин и женщин в ситуации ложной коммуникации.

Ключевые слова: *ложь, гендер, паралингвистические средства, ложное высказывание, лгущий персонаж.*

Гендерные исследования в рамках лингвистики активно стали развиваться в 70-е годы XX в. Результаты исследований получили отражение в работах лингвистов М. Кей [1975], Р. Лакофф [1975], С. Трёмель-Плетц [1996]. Ученый М. Кей определил язык женщин как *language of apology* (язык оправданий), а мужской язык в качестве *language of explanation* (язык объяснений) [4].

Коммуникативное взаимодействие среди участников общения характеризуется не только целенаправленностью, но ситуативной ориентированностью. В связи с этим процесс коммуникативного акта обуславливается наряду с физиологическими и социальными факторами, также и невербальными средствами, репрезентирующими значимую информацию об отправителе [1]. Сам же механизм коммуникации в общем виде выглядит как передача информации от коммуникатора к реципиенту с помощью вербальных и невербальных средств и предполагающая обратную связь.

Согласно результатам исследований отечественных и зарубежных ученых и мужчины, и женщины в равной степени прибегают ко лжи, отличие состоит лишь в причинах ложной интеракции [2]. Мужчины испытывают чувство неловкости до момента осуществления ложного высказывания, в то время как женщины – напрямую при передаче ложной информации [5]. Это объясняется важностью для женщины в передаче не самих фактов, а своего к ним отношения [3].

Материалом настоящего исследования послужили произведения немецкоязычных писателей XX – XXI вв., в которых автор посредством паралингвистических средств описывает невербальное поведение лгущего персонажа. В качестве основных методов исследования послужили гипотетико-дедуктивный, контекстуальный анализ, описательный метод и метод количественного подсчета. Для анализа нами были верифицированы паралингвистические средства, являющиеся маркерами невербального поведения лгущего персонажа. В ходе исследования методом сплошной выборки было отобрано 100 примеров паралингвистических маркеров, демонстрирующих гендерное невербальное поведение.

В художественном произведении лгущий литературный герой предстает во всевозможных ситуациях, включая его внутренний диалог, а также продуманные действия и импульсивные поступки. Образ лгущего литературного героя в художественном произведении – мужчины или женщины – зависит от социальных, психологических и политических особенностей описываемого общества, в котором живёт и творит писатель, и которое он описывает в произведении. Средствами описания лгущего героя, помимо непосредственно ложного

высказывания, выступает также невербальное поведение лжеца (активная жестикуляция – *das Armschwenken, die Hände reiben, die Handflächen auswärts drehen*; попытка прикрыть рот рукой – *den Mund mit den Händen decken*; протереть глаза – *die Augen reiben*; коснуться кончика носа – *die Nasenspitze kneten*; искусственная улыбка – *künstliches Lächeln*).

Таблица – Репрезентация кинесических маркеров лжи в художественном произведении (гендерный аспект)

Кинесический невербальный маркер	Муж. (%)	Всего маркеров	Жен. (%)	Всего маркеров
Микрополе «лицо»	67	73	33	42
Микрополе «нос»	61	22	39	15
Микрополе «лоб»	62	33	38	19
Микрополе «мимические, вегетативные проявления»	23	17	77	56
Микрополе «губы»	27	12	73	58
Микрополе «улыбка, смех»	18	21	82	68
Микрополе «волосы»	25	12	75	51
Микрополе «брови»	59	27	41	15
Микрополе «плечо»	61	53	39	24
Микрополе «манипуляции с предметами»	37	21	63	44

Полученные данные, представленные в таблице, позволяют заключить, что невербальное поведение женщин отличается от поведения мужчин в ситуации осуществления ложного высказывания. Так, женское невербальное поведение отличается использованием специфических маркеров, направленных на нивелирование внутреннего эмоционального напряжения, как, например, невербальные маркеры с характеристикой микрополя «губы» (73%), например, *den Mund mit den Händen decken, die Lippen kneifen, die Lippen aufeinanderpressen*; манипулятивные маркеры микрополя «волосы» (75%), например, *mit Haar herumspielen; Haar zurückstreichen, die Haare raufen*; «микрополя манипуляции с предметами» (73%), например, *Brille auf der Nase zurechtschieben, am Knopf haspeln, am Halstuch zupfen*. Инстинктивная привычка прикрыть рот, касаться пальцами рта/губ или поджать губы при манифестации лжи сопровождает взрослого человека с самого детства, маленький ребёнок при уличении лжи непроизвольно зажимает руками рот, пытаясь продемонстрировать свою непричастность. Женщине свойственна игра с волосами при репрезентации ложного высказывания, подобные невербальные движения направлены на защиту от некомфортной ситуации и желание вернуть внутреннюю гармонию. Для сокрытия истинных эмоций и мыслей женщины зачастую прибегают к манипуляциям с предметами, например, игра с очками, пуговицей на одежде свидетельствует о стремлении уйти от ответа, обдумывание которого требует много времени.

Мужская ложь верифицируется посредством невербальных маркеров с характеристикой микрополя «лицо» (67%), иллюстрирующие непроизвольные микровыражения для подавления эмоций; микрополя «нос» (61%), например, *an der Nase kratzen, recht betroffen die Nasenspitze reiben, die Nasenspitze kneten, den Nasenrücken reiben*; микрополя «лоб» (62%) и «брови» (57%), демонстрирующие активные мимические проявления, свойственные мужчинам, как например, *die Stirn runzeln, die Stirn tupfen, die Brauen hochziehen, die Brauen wölben, die Brauen zusammenschieben*; микрополя «плечо» (61%) как, например, *mit den Achseln/ Schultern zucken, bis zu den Achseln hochziehen, die Schultern hochheben*. У мужчин в большей степени репрезентация ложного высказывания сопровождается физическими проявлениями, сопровождающимися зудом или неприятными ощущениями в лицевых мышцах, они более активно прикасаются к носу, подбородку, поднимают брови на мгновение, морщат лоб в желании автоматически успокоить нервы.

Для женщин характерны также произвольные, неконтролируемые невербальные жесты микрополя «улыбка, смех» (82%), например, *hysterischer Lachkrampf, von einem Lachkrampf geschüttelt, kichern*; микрополя «мимических, вегетативных проявлений» (77%), как например, *das Gesicht rötet sich, die Lippen nervös lecken, die Wangen röten sich, glühende Ohren*. Очевидно, что эмоциональная экспрессия и как следствие вегетативные изменения на коже характерны для женского пола. При неискренности женщинам свойственна продолжительная улыбка без сокращения круговых глазных мышц. Как правило, длительность естественной улыбки составляет 4 секунды и сопровождается сокращением скуловых мышц и образованием «гусиных лапок» в уголках глаз.

Таким образом, авторами наиболее активно при демонстрации женской лжи используются кинесические невербальные маркеры, репрезентирующие манипулятивные жесты и эмотивные мимические проявления, обусловленные психологической природой женщин. Для литературных героев-лжецов мужского пола характерны иллюстративные жесты, используемые для самозащиты, подтверждения «мнимой» правдивости и поднятия собственной самооценки.

Список литературы

1. Барсукова О.В. Гендерные различия в понимании психологического феномена лжи // Молодой учёный, 2012. – №4 (39). – С. 348-351.
2. Грушко Н.В. Психология лжи как новое направление исследования в социальной психологии (из опыта преподавания спецкурса «психология лжи») // Вестник Омского университета. Серия «Психология», 2014. – № 2. – С. 38-44.
3. Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Особенности лексического оформления ложного речевого акта в немецком языке: гендерный аспект (на материале немецкой художественной литературы) // Вестник Башкирского университета, 2017. – №22(2). – С. 515-522.
4. Табурова С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социс., 1999. – № 9. – С. 84-92.
5. Цветкова О.А., Верхорубова А.Н. Гендерные особенности распознавания лжи // Омские социально-гуманитарные чтения, 2018. – С. 299-305.

10.02.19

А.Ю. Щербинин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра романо-германской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, 1057096@bsu.edu.ru

СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЁН ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI-XVIII ВВ.

Цель данного исследования состоит в выявлении динамики способов терминообразования для обозначения времён во французских грамматиках XVI-XVIII вв. В ходе исследования выявлено, что основой для терминосистемы категории времени в изученных грамматиках, послужила латинская терминология. В качестве главной модели для создания терминов выступали словосочетания, содержащие латинские заимствования и французские причастия или прилагательные, указывающие на форму, значение или функцию обозначаемого времени.

Ключевые слова: историография лингвистики, французские грамматики XVI-XVIII вв., терминология, глагол, категория времени.

Для современной историографии лингвистики актуальным является изучение французской грамматической традиции XVI-XVIII вв. В данный период происходило её зарождение, становление и совершенствование. Анализ французских грамматик этого периода позволяет проследить за процессом кодификации этого языка и его становления как одного из самых престижных языков Европы.

Как известно, авторы первых французских грамматик использовали в качестве модели греко-латинский канон грамматического описания. Данный канон был выработан для языков флективного типа, соответственно, он не мог быть в полной мере применён к описанию французского языка, который к XVI в. стал аналитическим. Это привело к неоднозначной трактовке многих языковых явлений в текстах французских грамматик. К их числу относится категория времени, для выражения которой во французском языке в большей степени используются аналитические формы. Одной из главных задач французских грамматистов XVI-XVIII вв. являлась модификация сложившегося канона, которая в том числе сводилась к созданию терминов для обозначения времён, аналогичных которым не имела временная система греческого и латинского глагола.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые была выявлена динамика способов терминообразования для обозначения времён глагола во французских грамматиках XVI-XVIII вв. В качестве материала исследования выступили наиболее известные французские грамматики, изданные в период с XVI по XVIII вв., следующих авторов: Ж. Дюбуа (1531), Ж. Пилло (1550), Л. Мегре (1550), Р. Этьен (1569), П. де ля Раме (1572), А. Уден (1636), Л. Шифле (1659), А. Арно и К. Лансло (1660), К. Ирсон (1662), Д. Верас-д'Алле (1681), К. Бюфье (1709), П. Ресто (1730), Г. Жирар (1747), Э.Б. де Кондильяк (1775) и Ш.Ф. Ломонд (1780).

Анализ материала исследования показал, что грамматисты по-разному подходили к созданию терминов для обозначения времён, свойственных только французскому языку, что касается, в частности, времён, выражаемых аналитической формой. Перед грамматистами стояла задача не только разработать новые термины, но и при их помощи разграничить функции определённых времён, например, простого и сложного перфектов, будущего и предбудущего и др.

Для грамматистов XVI в. характерно использование в терминах порядковых числительных. Например, для обозначения сложного перфекта Л. Мегре (1550) использовал порядковое числительное «*second*» – «*Le second per̄fēt*», «*Le second preterit per̄fēt*». В грамматике П. де ля Раме (1572) простой перфект обозначен как первый перфектный претерит (*Le premier præterit parfait*), а сложный – как второй (*Le secōd præterit parfait*). Такой способ терминообразования для обозначения языковых явлений часто использовался западноевропейскими грамматистами на этапе зарождения национальных традиций. Например, Л.Г. Степанова обратила внимание на то, что такой приём использовался при описании категории падежа в итальянских грамматиках XIV-XVI вв. [2, с. 396]. Порядковые числительные, использованные французскими грамматистами XVI в. для обозначения времён французского глагола, позволили им продемонстрировать различия между временами и обратить внимание адресата грамматики на то, что в языке существовали формы, которые не были свойственны латинскому языку.

Одним из наиболее часто использованных приёмов в грамматиках при создании терминов, входящих в систему категории времени, явилось использование латинского заимствования и прибавление к нему прилагательного или причастия, которое указывало на определённый признак времени. Е.Н. Головкина отмечает, что во французской грамматической терминологии XVI-XVIII вв. прилагательные использовались для более детализированной характеристики существующих грамматических понятий и категорий [1, с. 189].

Например, при обозначении простого перфекта в трактате Л. Мегре (1550) использованы латинизмы «*Preterit*» и «*Parfait*» с прибавленным к ним причастием «*indéterminé*» (неопределённый) («*Le preterit per̄fēt indéterminé*»), указывающим на функцию этого времени – выражать совершённое действие в прошлом без точного момента его совершения [6, р. 66b-67a].

Указание на функцию времени при помощи причастий как элементов терминов также наблюдается и в грамматиках XVII в. Например, в трудах таких авторов, как А. Уден (1636), Л. Шифле (1659) и К. Ирсон (1662), при описании перфектных времён к латинским заимствованиям прибавлены причастия «*définy* (*défini*)» (определённый) и «*indéfiny* (*indéfini*)» (неопределённый) – простой перфект представлен в этих трудах как «(*Preterit*) *parfait défini*», а сложный – как «(*Preterit*) *parfait indéfiny*». Использование причастий, которые указывают на функцию времени, как один из элементов для создания терминов, свидетельствует о том, что при описании категории времени грамматисты в первую очередь принимали во внимание французский узус, то есть стремились обозначить времена в соответствии со спецификой их употребления в речи и облегчить понимание сущности этих времён адресатом грамматики.

Прилагательные и причастия, входящие в состав терминов, получивших отражение в изученных грамматиках XVII в., могли указывать на форму времени. Времена, выражаемые флективной формой, например, простой перфект или простое будущее, представлены в грамматиках термином, частью которого является прилагательное «*simple* (*простой*)», соответственно, времена, выражаемые аналитической формой, то есть сложный перфект, предбудущее, представлены при помощи термина с причастием «*composé* (*сложный*)» – «*Parfait simple*», «*Parfait composé*» (А. Уден (1636)), «*Futur*», «*Futur composé*» (Д. Верас-д'Алле (1681)).

Как отмечают учёные, французская грамматическая терминология XVIII в. в целом не претерпела значительных изменений по сравнению с предыдущим столетием. Грамматисты использовали в качестве основы терминологию, получившую отражение в грамматических трудах своих предшественников, и вносили собственные коррективы [5, р. 238; 4, р. 478; 1, р. 161].

Важную роль при терминообразовании для обозначения времён французского глагола в грамматиках XVIII в. продолжали играть словосочетания, однако в данный период особое внимание в них акцентировалось грамматистами на значении времён. Так, например, у Г. Жирара (1747) простое прошедшее время обозначено греческим заимствованием – аорист

(*Aoriste*), а сложное представлено как претерит (*Prétérit*). К данным существительным также прибавлено прилагательное «*Absolu*», которое указывало на то, что оба перфекта выражают действие, которое соотносится напрямую с моментом речи. Предпрошедшее время в этой грамматике обозначено как «*Aoriste Relatif*», а у П. Ресто и Ш.Ф. Ломонда как «*Prétérit antérieur*». Прилагательные «*relatif*» и «*antérieur*» указывают на то, что действие, выражаемое этим временем, имеет отношение не к моменту речи, а к другому моменту в прошлом. Грамматисты XVIII в. приняли во внимание опыт своих предшественников и внесли определённые изменения в их терминологию с учётом собственного видения категории времени. В отличие от грамматистов XVI-XVII вв., авторы грамматик XVIII в. в большей степени обращали внимание на значение времени, а не на его форму или функцию.

Итак, анализ способов терминообразования времён французского глагола в грамматиках XVI-XVIII вв. показал, что на каждом синхронном срезе преобладает определённая модель создания терминов. В грамматиках XVI в. при разграничении простых и сложных времён использовались порядковые числительные – данный способ выступал в качестве первой попытки грамматистов обозначить времена, несвойственные латинской грамматике в глагольной системе родного языка. В грамматиках XVII в. при обозначении времён грамматисты использовали причастия или прилагательные, которые указывали на форму или функцию времени. В грамматиках XVIII в. прилагательные и причастия в терминах указывали на значение времени, то есть на его соотношение с моментом речи. Разнообразие способов и моделей разработки терминов, входящих в систему категории времени, отражает сложность и многоаспектность данной категории.

Список литературы

1. Головкина Е.Н. Становление грамматической терминологии во французском языке XVI-XVIII вв.: дис. ...канд. фил. наук: 10.02.05; Рос. пед. ун-т. СПб., 1996. 248 с.
2. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 504 с.
3. *Arnauld A.* Grammaire generale et raisonnée. Avec les Nouvelles methodes pour apprendre facilement et en peu de temps les langues italienne et espagnole. Paris: chez Pierre Le Petit, imprimeur & libraire du Roy, rue S. Jacques, à la Croix d'Or, 1660. 452 p.
4. *Chevalier J.-C.* La notion de complément chez les grammairiens: Etude de grammaire française (1530-1750): Thèse. Genève: Droz, 1968. 776 p.
5. *Kukenheim L.* Esquisse historique de la linguistique française et de ses rapports avec la linguistique générale. Leiden: Univ. Pers., 1966. 205 p.
6. *Meigret L.* Le Trętté de la grammaire françoęze. Paris: Chrestien Wechel, 1550. 144 p.

*10.02.19***М.В. Эфендиева**

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего образования «Военный университет имени Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка (второго),
Москва, udachenka@yandex.ru

КОНЦЕПТ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В ПРАГМАТИКЕ ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

Данная статья посвящена изучению влияния концепта выражения чувств участниками диалога на организацию и функционирование дискурса. Автором были проанализированы диалоги с яркой лексико-семантической нагрузкой, в которых в очевидной форме можно наблюдать выражения чувств и эмоций. Помимо этого, в статье рассмотрены ключевые лексические единицы, помогающие показать читателю взаимоотношения между героями в речевой динамике дискурса на английском языке. В качестве материала исследования был выбран роман Джейн Остин «Мэнсфилд-парк».

Ключевые слова: *концепт, дискурс, коннотативный вектор, диалог.*

Активное изучение эмоциональной стороны языка началось в 70-е годы XX века. В это время как раз и стала активно развиваться идея о том, что эмоциональная часть языка – это важнейшая составляющая внутреннего мира человека. Позднее, стало появляться много разных теорий и классификаций, связанных с эмоциональной стороной жизни человека и языковыми способами ее выражения. Одним из наиболее интересных стало исследование Е.М. Вольфа, который в 1989 году представил свою структуру описания эмоциональных состояний человека и ввел классификацию языковых репрезентаций [3].

Не менее интересны и научные выводы, сделанные выдающимися специалистами в сфере психолингвистики И.Н. Гореловым и К.Ф. Седовым, которые анализировали диалогическую речь как в письменной, так и устной форме и утверждали, что устная форма намного «правдивее» и более «открыто» описывает всю ситуацию во взаимоотношениях. Более того, эмоции улавливаются как через лексические единицы, так и через невербальные «индикаторы», которые реципиент сможет частично не понять [5].

Большинство ученых-лингвистов склоняется к тому, что отражение богатства и своеобразия духовной культуры приходится, в первую очередь, на эмоции человека. Что касается вербальной части выражения эмоций, то в рамках дискурса адресат может уловить даже самые тонкие чувства посредством лексико-семантических единиц. Чем существеннее, важнее то или иное чувство для самой личности, тем разнообразнее и богаче языковые средства репрезентации этого чувства в дискурсе.

Доктор филологических наук, профессор А.В. Бондарко истолковывает смысл как когнитивную основу лексических и грамматических значений языковых единиц и их реализаций в дискурсивных практиках [1].

Цель данной статьи рассмотреть современные подходы к понятию концепт и смысл, а также выделить основные лексико-семантические группы, отражающие проявления чувств и эмоций.

Актуальность представленной темы обусловлен необходимостью дополнения и систематизации подходов к концепту выражения чувств.

В качестве материала исследования был выбран роман Д.Остин «Мэнсфилд-парк».

Современные исследования когнитивной лингвистики привели к разделению понятий концепт и смысл. Так по мнению А. Вежбицкой смысл лежит в основе языка, а использование определенных смысловых групп помогает описать семантику лексических единиц в выражениях [2]. Соответственно, для смысла характерны существенные признаки, а для концепта – наоборот, несущественные, такие как эмоционально-экспрессивная сторона, оценочность. Таким образом, концепт опирается на языковую картину мира человека, на его знания, эмоции и ассоциации.

Стоит отметить, что организация личностных взаимоотношений коммуникантов опирается на моральное состояние, предпочтения и переживания, относящиеся к когнитивной стороне языка. Так, по мнению докторов филологических наук З.Д. Поповой и И.А. Стернина, одной из форм репрезентации знаний о мире с позиции когнитивной семантики является именно концепт, а эмоции осознаются исследователями как динамический, сложный по структуре, затрагивающий разные сферы внутренней жизни феномен [5].

На основе исследованного языкового материала были выделены базовые лексико-семантические группы, отражающие проявления чувств и эмоций. В рамках каждой группы были выделены позитивный и негативный коннотативные векторы

Первая группа – *проявление отношения к Всевышнему*.

Позитивный коннотативный вектор: «*Well done, sister! I honour your esprit du corps. When I am a wife, I mean to be just as staunch myself; and God bless me with the friends. It would save me many a heartache*» [6] // «*Браво, сестра! Я отдаю должное твоему esprit du corps. Когда я стану женою, я постараюсь быть такой же стойкой; и дай мне Бог таких же стойких друзей. Это избавило бы меня от многих страданий*». Героиня романа «Мэнсфилд-парк» Мэри, общаясь со своей сестрой, верит в ее теорию, основная мысль которой состоит в том, что успех брака заключается в стойкости характера, который помогает пережить горе, преодолеть трудности, дает силу. Все это подкрепляется фразой «*God bless me with...*» («дай мне Бог ...»), которая призвана показать, что сильные духом люди необходимы в качестве наставников и опоры. В данном примере обращение к Богу имеет положительную коннотацию, т.к. идет обращение к Всевышнему как помощнику.

Негативный коннотативный вектор: «*Edmund might, in the common phrase, do the duty of Thornton, that is, he might read prayers and preach, without giving up Mansfield Park ... if that would content him. But, God, it will not*». [6] // «*Эдмунд мог бы, так сказать, исполнять свой долг перед Торнтоном, то есть читать молитвы и проповеди, не покидая Мэнсфилд-парк ... если б это его удовлетворило. Но, Боже, не удовлетворит его это*». В данном фрагменте Томас рассказывает мистеру Крофорду о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться молодому пастырю Эдмунду, переживающему духовный кризис и не желающему больше вести богослужения в местном приходе, т.к. он считает свои воскресные проповеди слишком ничтожным вкладом в жизнь людей городка. Фраза Томаса «*But, God, it will not*» («*Боже, не удовлетворит его это*») призвана показать те негативные чувства и эмоции, которые испытывает Томас по отношению к этой ситуации.

Вторая группа – *выражение высоких чувств*.

Позитивный коннотативный вектор: «*My dearest Henry, how glad I am to see you so much in love! – They will now see what sort of woman it is that can attach me, that can attach a man of sense*» [6] // «*Дорогой мой Генри! Как же я рада видеть, что ты так влюблен! – Теперь они увидят, какая женщина способна меня привлечь, какая женщина способна привлечь разумного мужчину*». Персонаж произведения по имени Генри высокопарно высказывается о своих чувствах к Фанни. Свое отношение к ней он подчеркивает через фразы «*sort of woman it is that can attach me*» и «*can attach a man of sense*».

Негативный коннотативный вектор: «*From Bath, Norfolk, London, York, wherever I may be, I will attend you from any place in England, at an hour's notice. – I am sorry you are going; but as to our play, that is all over – entirely at an end*». [6] // «*Из любого места Англии, где бы я ни был – из Бата, Норфолка, Лондона, Йорка, — я тут же являюсь по первому зову. – Мне жаль,*

что вы уезжаете... но что до пьесы, с нею покончено, совершенно и безвозвратно. » Генри Кроуфорд, прощаясь с Томом и его сестрой, пытается сгладить конфликтную ситуацию фразой «*I will attend you from any place*», однако собеседники понимают, что за этой фразой не стоит искреннего чувства и желания дальнейшего общения. Томас отвечает своему оппоненту вместо Мэри, что спектакль (в данном случае речь идет о поведении Генри) окончен (*but as to our play, that is all over – entirely at an end*). В свою очередь, Мэри безмолвно реагирует на желание Кроуфорда покинуть их, тем самым подтверждая конец их отношений.

Третья группа – демонстрация отношения к оппоненту.

Позитивный коннотативный вектор: «*You are too kind, how shall I ever thank you as I ought, for thinking so well of me. Oh! cousin, if I am to go away, I shall remember your goodness to the last moment of my life.*» [6] // «Как же я сумею отблагодарить тебя за то, что ты такого хорошего мнения обо мне? Ох, кузен, если мне придется уехать, я всегда, до последней минуты жизни буду помнить твое великодушие.» Фанни раскрыла переживания кузену Эдмунду, который смог приободрить и успокоить ее в отличие от некоторых членов семьи. Почувствовав, что брат готов стать опорой для нее, Фанни благодарит его от всего сердца («*I ever thank you as I ought, for thinking so well of me*»), а для придания большей эмоциональности и искренности она добавляет фразу «*if I am to go away, I shall remember your goodness*», тем самым еще раз подчеркивая их дружеский союз.

Негативный коннотативный вектор: «*Don't, Mr. Crawford, pray don't! I beg you would not. This is a sort of talking which is very unpleasant to me. I must go away. I cannot bear it.*» // «Прошу вас, мистер Кроуфорд, не надо. Пожалуйста, не надо. Подобный разговор мне очень неприятен. Я уйду. Мне это невыносимо.» Данный отрывок из романа Д. Остин ярко демонстрирует читателю негативное отношение Фанни к собеседнику и ее нежелание продолжать разговор с мистером Кроуфордом (*This is a sort of talking which is very unpleasant to me. I must go away. I cannot bear it.*)

Проведенный анализ показал, что, во-первых, лексическое значение и концепт неразрывно связаны. Во-вторых, именно посредством когнитивной интерпретации слов в лексическом значении удастся выделять различные качественно новые компоненты, которые влияют на сознание слушающего. В-третьих, концепт выражения чувств может делиться на три основные группы в соответствии с лексико-семантическими признаками и подразделяться на два коннотативных вектора.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. – М.: Языки славянских культур, 2011, с.134.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011, с.46.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Ленанд, 2020, с.102.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. – М.:Лабиринт, 1997, с.46.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие, 2008, АСТ – Восток-Запад, с. 54, 109.
6. Austen J. Mansfield park. – URL https://www.kkoworld.com/kitablar/Ceyn_Ostin_Mensfild_park_eng.pdf (дата обращения 20.05.2022)

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSВ.Н. Бараков
ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА
В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
РУБЕЖА ВЕКОВ

Ключевые слова: Василий Белов, отечественное литературоведение рубежа XX-XXI веков, национальные корни творчества.

В работе представлены результаты анализа основных литературоведческих исследований прозы В.И. Белова рубежа XX – XXI веков. Рассмотрена проблема мировоззренческого противостояния на примере творчества Василия Белова как хранителя «русского лада». Выявлено, что его проза основана на традиционных для реализма категориях: верности жизненной правде и психологизме. Актуальность произведений В.И. Белова объясняется не только социальной проблематикой, но и природой его творчества.

В.В. Башкеева, Е.Д. Монгуш
КВАЗИСЕМЬЯ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Ключевые слова: ранние повести Гоголя, квазисемья, родители и дети, мужья и жены.

В статье в раннем цикле Гоголя рассмотрены два типа отношений в семье: между родителями и детьми, между мужьями и женами. Нарушение добросердечных отношений между обеими парами персонажей позволяет говорить о типе квазисемьи у писателя. Показана незрелость отцов, идущих на поводу своих незрелых желаний, во многом связанных с нечистой силой. Проанализирован в «Вечере накануне Ивана Купала» образ сироты как человека вне семьи, лишенного родового опыта.

Л.В. Гурленова
РОМАН А.С. ЯКОВЛЕВА «ЧЕЛОВЕК И ПУСТЫНЯ»:
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Ключевые слова: персонажная система, художественное пространство, советская литература 1920-х годов.

В статье представлены результаты изучения романа советской литературы 1920-х годов: на основе глав, повествующих о детстве, юности и молодости главного героя, с использованием структурного, мотивно-образного, тематического анализа выявлен не характерный для эпохи тип положительного героя.

Ю.Н. Золотых, М.Г. Подопригора, М.В. Ардашева
РЕАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ И ТЕРНАРНОЙ МОДЕЛЕЙ
МИРА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ»

Ключевые слова: национальное сознание, экзистенциальное сознание, тернарная и бинарная модели мира.

В статье предпринимается попытка интерпретации романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» через призму современных концепций семиотики пространства.

Ли Шуан
ОБРАЗ ШАНХАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЩЕРБАКОВА

Ключевые слова: образ Шанхая,

М. Щербаков, эмигранты, национальная специфика.

В статье рассматривается цикл очерков М. Щербакова «Шанхайские наброски», в котором создается образ города в 1920–1930-е гг. В основу цикла положены ситуации, объединенные сквозной проблематикой, связанной со спецификой китайской культуры, в которых раскрывалась её необычность и парадоксальность, сочетающаяся с гармоничностью и органичной обусловленностью настоящего прошлым, каждая из которых становилась поводом для размышлений об особенностях китайской культуры.

V.N. Barakov
THE WORK OF VASILY BELOV IN THE EVALUATION
OF RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE TURN
OF THE CENTURY

Keywords: Vasily Belov, domestic literary criticism of the turn of the XX-XXI centuries, the national roots of creativity.

The paper presents the results of the analysis of the main literary studies of V.I. Belov's prose of the turn of the XX – XXI centuries. The problem of ideological confrontation is considered on the example of Vasily Belov's creativity as the guardian of the "Russian way". It is revealed that his prose is based on traditional categories for realism: loyalty to the truth of life and psychologism. The relevance of V.I. Belov's works is explained not only by social issues, but also by the nature of his work.

V.V. Bashkeeva, E.D. Mongush
QUASIFAMILY IN N. GOGOL'S CYCLE 'EVENINGS
ON A FARM NEAR DIKANKA'

Keywords: Early novels of Gogol, quasifamily, parents and children, husbands and wives.

In the article we investigated two types of relations within the family: between parents and children, husbands and wives. Violation of good interrelations in both pairs permit to speak about type of quasifamily. Parents haven't maturity, they prefer their own desires, connected with demons. Also orphan Peter Lowborn from the novel "Evening on the eve Ivan Kupala" was analysed as someone outside the family.

L.V. Gurlenova
A.S. YAKOVLEV'S NOVEL "MAN AND THE DESERT":
A NEW READING

Keywords: character system, artistic space, merchant theme.

The article presents the results of the study of the novel of Soviet literature of the 1920s: on the basis of chapters telling about the childhood, youth and youth of the protagonist, using structural, motive-figurative, thematic analysis, the type of positive hero that is not characteristic of the era is revealed.

J.N. Zolotych, M.G. Podoprigora, M.V. Ardasheva
IMPLEMENTATION OF BINARY AND TERNARY MODELS
OF THE WORLD IN M.YU. LERMONTOV'S NOVEL
"HERO OF OUR TIME"

Keywords: national consciousness, existential consciousness, ternary and binary models of the world

In this study, an attempt is made to interpret the novel by M.Yu. Lermontov "A Hero of Our Time" through the prism of modern concepts of the semiotics of space.

Li Shuang
THE IMAGE OF SHANGHAI IN THE WORKS
OF M. SCHERBAKOV

Keywords: image of Shanghai, M. Scherbakov, emigrants, national specificity.

The article deals with the cycle of essays by M. Scherbakov "Shanghai sketches", in which the image of the city in 1920-1930s is created. The cycle is based on the situations, united by cross-cutting problems, connected with the specificity of Chinese culture, in which its singularity and paradoxes, combined with harmony and organic conditionality of the present with the past, each of which became an occasion to reflect on the features of Chinese culture, are revealed.

М.Г. Подопригора, Ю.Н. Золотых, М.В. Ардашева
ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ
СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Ключевые слова: мироощущение, нигилизм, психологизм, национальная стихия, символизм, бессознательное, мотив, перспективные направления.

В статье рассматриваются особенности сложно-синтетического мироощущения Андрея Белого, как элемента символического нигилизма и обретения новых духовных стимулов.

А.Н. Ушакова
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПОКОЛЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.К. ОЛЕШИ

Ключевые слова: поколение, время, интеллигент, Ю.К. Олеша, "Три толстяка", "Зависть", "Список благодеев".

В разных книгах Ю.К. Олеша обнаруживается общая тема времени. Одной из стабильных манифестаций времени является категория поколения, связанная с понятиями рода, социума, мировоззрения. Категория поколения интерпретируется в контекстах исторического и личного времени.

Ян Хао
ЖУРНАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
«ЛАСТОЧКА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
ХАРБИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Ключевые слова: дальневосточная журналистика, детский периодический журнал, журнал «Ласточка».

В работе рассматривается один из самых известных детских журналов дальневосточной эмиграции «Ласточка», который издавался русскими предпринимателями в китайском городе Харбин в 1930-х годах XX века. Основанный на традициях русской классической литературы и ставший популярным на территории Маньчжурии, журнал «Ласточка» представляет собой социокультурный феномен.

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов
СЛАГАЕМЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
ОБРАЗА ДЕЙТЕЛЬНОСТИ В TELEGRAM-КАНАЛЕ
ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ

Ключевые слова: журналистика, социальные медиа, публицистический образ действительности, репортаж, детализация повествования, судьба человека, военный конфликт на Украине, Марина Ахмедова.

В статье представлены результаты изучения слагаемых формирования публицистического образа действительности в творчестве известного в России и в некоторых других странах журналиста и блогера Марины Ахмедовой. Материалы исследования: 200 оригинальных публикаций указанного автора в ее личном Telegram-канале за период с 01.03.2022 г. по 10.07.2022 г. Методы исследования: проблемно-тематический, лексико-стилистический и функциональный анализ медиатекстов М. Ахмедовой. Авторы статьи выяснили, что слагаемыми формирования публицистического образа действительности в творчестве данного блогера стали: наглядность / документальность повествования, рассказ о судьбах и поступках простых, проживающих в условиях войны, людях и подачи информации от первого лица блогера.

Д.С. Ищенко
ПРОЕКТНО-ПРОЦЕССНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
В РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Ключевые слова: проект, организационно-управленческие структуры, проектно-процессная деятельность.

В статье рассматриваются проблемы трансформации организационно-управленческих структур в области журналистики и издательского дела. В частности, выявляются особенности формирования модели проектно-процессной деятельности на предприятиях издательской отрасли и в редакциях СМИ.

M.G. Podoprigora, J.N. Zolotych, M.V. Ardasheva
HISTORIOSOPHICAL PROBLEMS AND PECULIARITIES
OF ANDREY BELY'S STYLISTIC SYSTEM

Keywords: attitude, nihilism, psychologism, national element, symbolism, unconscious, motive, promising directions.

The article examines the features of Andrey Bely's complex synthetic worldview as an element of symbolic nihilism and the acquisition of new spiritual stimuli.

A.N. Ushakova
INTERPRETATION OF THE GENERATION CATEGORY IN
OLESHA'S WORK

Keywords: generation, time, Olesha, "Three fat men", "Envy", "A List of Assets".

The main theme of Olesha's books is time. One of the stable manifestations of time is the category of generation associated with the concepts of family, society and worldview. The generation category is interpreted in the context of historical and personal time.

Yang Hao
THE MAGAZINE OF THE FAR EASTERN ABROAD
«LASTOCHKA» AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON
OF HARBIN EMIGRATION

Keywords: Far Eastern journalism, children's periodical, «Lastochka» magazine.

This paper considers one of the most famous children's magazines of the Far Eastern emigration «Lastochka», which was published by Russian entrepreneurs in the Chinese city of Harbin in the 1930s of the twentieth century. Based on the traditions of Russian classical literature and becoming popular in Manchuria, the «Lastochka» magazine is a sociocultural phenomenon.

Al-Baidhani waleed Abdulkareem saeed, R.P. Bakanov
THE COMPONENTS OF THE FORMATION
OF A PUBLICISTIC IMAGE OF REALITY
BY THE TELEGRAM CHANNEL JOURNALIST
AND BLOGGER MARINA AKHMEDOVA

Keywords: journalism, social media, journalistic image of reality, reportage, narrative detailing, human fate, military conflict in Ukraine, Marina Akhmedova.

The article presents the results of studying the components of the formation of a journalistic image of reality in the work of a well-known journalist and blogger Marina Akhmedova in Russia and in some other countries. Research materials: 200 original publications of the specified author in her personal Telegram channel for the period from 01.03.2022 to 15.07.2022. Research methods: problem-thematic, lexico-stylistic and functional analysis of M. Akhmedova's media texts. The authors of the article found out that the components of the formation of a journalistic image of reality in the work of this blogger were: visual / documentary narration, a story about the fates and deeds of ordinary people living in war conditions, people and the presentation of information from the first person of the blogger.

D.S. Ishchenko
DESIGN AND PROCESS ACTIVITIES
AS A BASIC MODEL OF LABOR ORGANIZATION
IN THE EDITORIAL OFFICE AND PUBLISHING HOUSE

Keywords: project, organizational and management structures, project and process activities.

The article deals with the problems of transformation of organizational and managerial structures in the field of journalism and publishing. In particular, the regularities of the formation of the project-process model of activity at the enterprises of the publishing industry and in the editorial offices of the media are revealed.

Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова
КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. ИБРАГИМОВА
НА ТАТАРСКУЮ ДРАМАТУРГИЮ

Ключевые слова: критика, публицистика,
Г. Ибрагимов, драматургия.

Статья посвящена актуальной и значимой теме – роли научного наследия Г. Ибрагимова в развитии татарского литературоведения и литературной критики. В статье рассмотрены литературно-критические статьи и теоретические исследования, посвященные татарской драматургии. На примере отдельных статей выявлены основные принципы и приемы анализа произведений.

Ю.М. Павлов

«ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА

Ключевые слова: «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского,
отрицательный тип, общая гармония, народная правда.

А.И. Казинцев – один из ведущих критиков и публицистов рубежа XX–XXI веков. Однако его «поздняя» статья «Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф.М. Достоевского» (2017) до сих пор обделена вниманием литературоведов. В работе на разных уровнях – концептуальном, логическом, фактологическом – показываются достоинства и недостатки «Вдохновенной ошибки» Казинцева и в контексте историко-литературных событий выявляются истинные смыслы «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского.

О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, И.А. Башкирова
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В АСПЕКТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ИНТРИНСИВНОЙ МОТИВАЦИИ
УЧАЩИХСЯ

Ключевые слова: проектное обучение,
лингвистические проекты, экстринсивная мотивация,
интринсивная мотивация, урок русского языка.

Данная статья посвящена исследованию проблемы лингвистических проектов как средства формирования интринсивной мотивации учащихся на уроках русского языка. В работе рассматриваются особенности проектного обучения, классификация лингвистических проектов. Авторами делается вывод о том, что применение лингвистических проектов на уроках русского языка приводит к развитию интереса самого учащегося, к формированию у него интринсивной мотивации к обучению, поэтому лингвистические проекты являются эффективной формой работы учителя и ученика для самореализации познавательных компетенций каждого учащегося.

Е.О. Двинова
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЙ
В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Ключевые слова: диалектный словарь полного типа,
лексикографическая дефиниция, гипероним.

В статье рассматриваются лексикографические дефиниции конкретных имен существительных, представленные в диалектном словаре. Анализируются особенности структуры значения слов на основе разных семантических центров. Отмечается важность унификации толкований слов, входящих в структурно-однотипные парадигмы.

Г.М. Лисина, Н.В. Габдреева
ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ АРГО

Ключевые слова: социальный диалект,
арготизм, заимствование из французского языка,
межъязыковые трансформации.

В работе представлены результаты изучения лексико-семантических и грамматических межъязыковых трансформаций на материале русских арготизмов французского происхождения, заимствованных в разное время.

F.H. Minnullina, G.N. Zayneeva, L.Sh. Garipova
CRITICAL VIEWS OF G. IBRAGIMOV
ON TATAR DRAMATURGY

Keywords: criticism, journalism, G. Ibragimov, drama.

The article is devoted to an urgent and significant topic – the role of G. Ibragimov's scientific heritage in the development of Tatar literary criticism and literary criticism. The article discusses literary and critical articles and theoretical studies devoted to Tatar drama. Using the example of individual articles, the basic principles and techniques of analyzing works are revealed.

Yu.M. Pavlov

"PUSHKIN'S SPEECH" BY F.M. DOSTOEVSKY
IN THE INTERPRETATION OF ALEXANDER KAZINTSEV

Keywords: "Pushkin's speech" by F.M. Dostoevsky,
negative type, general harmony, narodnaya pravda.

A.I. Kazintsev is one of the leading critics and publicists of the turn of the XX–XXI centuries. However, his "late" article "Inspired error. "Pushkin's speech" by F.M. Dostoevsky" (2017) is still deprived of the attention of literary critics. In the work, at different levels – conceptual, logical, factual – the advantages and disadvantages of Kazintsev's "Inspired Mistake" are shown, and in the context of historical and literary events, the true meanings of F.M. Dostoevsky's "Pushkin Speech" are revealed.

O.A. Astafieva, T.A. Koloskova, I.A. Bashkirova
LINGUISTIC PROJECTS IN THE ASPECT
OF FORMING INTRINSIC MOTIVATION OF STUDENTS

Keywords: project-based learning, linguistic projects, extrinsic motivation, intrinsic motivation, Russian language lesson.

This article is devoted to the study of the problem of linguistic projects as a means of forming students' intrinsic motivation in Russian language lessons. The paper discusses the features of project-based learning, the classification of linguistic projects. The authors conclude that the use of linguistic projects in Russian language lessons leads to the development of the student's own interest, to the formation of his/her intrinsic motivation to learn, therefore linguistic projects are an effective form of teacher and student work for the self-realization of cognitive competencies of each student.

E.O. Dvinova
STRUCTURAL AND SEMANTIC ARRANGEMENT OF
LEXICOGRAPHIC DEFINITIONS IN A DIALECT
DICTIONARY

Keywords: full-type dialect dictionary,
lexicographic definition, hyperonym.

The article tackles lexicographic definitions of specific nouns presented in a dialect dictionary. Peculiarities of words' semantic structure is analyzed on the ground of different semantic areas. The article highlights the importance of harmonizing interpretation of words included in structurally homogeneous paradigms.

G.M. Lisina, N.B. Gabdreeva
FRENCH BORROWINGS IN RUSSIAN ARGO

Keywords: social dialect, argotism,
borrowing from French, interlingual transformations.

The paper presents the results of the study of grammatical and lexico-semantic interlingual transformations on the basis of Russian argotisms of French origin, borrowed at different times. The coincidences with the general trends in the development of Gallicisms in the Russian lexical system, as well as the specific

Рассмотрены совпадения с общими тенденциями освоения галлицизмов в русской лексической системе, а также специфические особенности, свойственные аргю.

features inherent in this social dialect, are considered.

В.П. Манаенко, А.В. Чепкасов
МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» В РЕЧИ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
А.Г. ТУЛЕЕВА)

V.P. Manaenko, A.V. Chepkasov
PERSONAL PRONOUN "WE" AS ONE OF ADDRESS
FORMS IN THE SPEECH OF THE SPEAKER (ON
MATERIAL OF PUBLIC STATEMENTS A. G. TULEYEVA)

Ключевые слова: личное местоимение,
обращения, спикер, политический дискурс.

Keywords: personal pronoun,
addresses, speaker, political discourse.

Местоимение «мы» рассматривается в статье как один из способов речевого воздействия. Анализируется речь спикера и доказывается гипотеза о том, что обращение выступает не только как элемент синтаксиса, но и как доминанта политического дискурса, которая и служит способом речевого воздействия. Материалом исследования являются публичные речи А. Г. Тулеева.

The article considers the pronoun "we" as one of the ways of persuasion. The article analyzes the speech of the speaker and proves the hypothesis that the address acts not only as an element of syntax, but also as a dominant of the political discourse, which serves as a method of persuasion. The material of the study is the public speeches of A. G. Tuleyev.

А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева
ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «МОДА» В ТЕКСТАХ СМИ

A.R. Petrovskaya, L.A. Yakovleva
LEXICAL REPRESENTATION OF THE SEMANTIC FIELD
"FASHION" IN MEDIA TEXTS

Ключевые слова: семантическое поле,

Keywords: semantic field,

лексико-семантическая группа, лексические парадигмы.

lexico-semantic group, lexical paradigms.

Семантическая теория поля является одной из актуальных проблем современной лингвистики. В статье авторами рассмотрена структура семантического поля «Мода», определены ядерная и периферийные зоны, выявлены основные слова-репрезентанты. В ходе исследования использовался метод сплошной выборки из периодических изданий, компонентный анализ, описательный метод, позволяющий провести анализ особенностей лексических единиц.

Semantic field theory is one of the urgent problems of modern linguistics. In the article, the authors considered the structure of the semantic field "Fashion", defined the nuclear and peripheral zones, identified the main representative words. In the course of the study, the method of continuous sampling from periodicals, component analysis, descriptive method was used, which allows analyzing the features of lexical units.

П.А. Якимов
ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ
ВОЛОЩЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ

P.A. Yakimov
FEATURES OF THE STUDY OF LINGUISTIC VOLOSTS OF
THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD IN POETRY

Ключевые слова: религиозная картина мира, поэтические
воплощения, языковые средства.

Keywords: religious picture of the world,
poetic incarnations, linguistic means.

В данной статье рассматриваются особенности анализа языковых воплощений религиозной картины мира в поэтических текстах. Автор показывает направления в исследовании, необходимость обращения к различным методам и источникам получения информации – основным и дополнительным.

This article discusses the peculiarities of analyzing the linguistic incarnations of the religious picture of the world in poetic texts. The author shows the directions in the study, the need to refer to various methods and sources of information – the main and additional.

К.Н. Антонова, Л.В. Фиалкина
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТ WATER
В РОМАНЕ ИЭНА МАКБЮЭНА «В СКОРЛУПЕ»

K.N. Antonova, L.V. Fialkina
REPRESENTATION OF THE CONCEPT WATER
IN NOVEL NUTSHELL BY IAN MCEWAN

Ключевые слова: лексико-семантическое поле,
лексико-семантический вариант, концепт, лингвокультурный
концепт, образная составляющая.

Keywords: lexico-semantic field, lexico-semantic variant,
concept, linguocultural concept, figurative component.

В работе представлены результаты изучения репрезентации лингвокультурного концепта WATER в тексте современного английского романа, определены приемы и средства выразительности, определяющие образную составляющую концепта. Проведена экспликация лексико-семантического поля концепта.

The paper presents the results of studying the representation of the linguocultural concept of WATER in the text of a modern English novel, defines the techniques and means of expression that determine the figurative component of the concept. The explication of the lexico-semantic field of the concept is carried out.

К.Э. Вяляк, В.В. Барышникова
К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
РЕЧИ КИНОПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
АКЦЕНТИРОВАННОГО КИНО)

K.E. Vyalyak, V.V. Barishnikova
TO THE QUESTION OF THE THEMATIC ORIENTATION OF
THE SPEECH OF FILM CHARACTERS (BASED ON THE
MATERIAL OF THE ACCENTED CINEMA)

Ключевые слова: речь киноперсонажа,
тематическая направленность, акцентированное кино.

Keywords: speech of the film character,
thematic orientation, accented cinema.

Согласно принципу антропоцентризма, язык изучается в тесной взаимосвязи с человеком, его культурой и ценностями. Данный подход позволяет рассмотреть тематическую направленность речи киноперсонажей акцентированного кино, в основе которой индивидуальные и когнитивные схемы восприятия мира.

According to the principle of anthropocentrism, language is studied in close relationship with a person, his culture and values. This approach allows us to consider the thematic orientation of the speech of the film characters of the accented cinema, which is based on individual and cognitive schemes of world perception.

А.М. Горохова

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ
КАРТИРОВАНИИ ПАНДЕМИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ*Ключевые слова:* медийный дискурс, картирование, неологизм, пандемия, национальная идентичность, лингвоаксиология.*Настоящая статья посвящена комплексному анализу понятийно-эмотивного, словотворческого, лингвоаксиологического потенциала пандемических неологизмов COVID-19 в англоязычном массмедийном дискурсе. Классифицируются наиболее продуктивные способы словообразования подобных лексем, создается понятийно-ассоциативная карта воссоздаваемых ими этномаркированных и универсальных конструкторов. Устанавливается взаимосвязь с национальной идентичностью.*

Ю.С. Григорьева

КЕННИНГИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ*Ключевые слова:* кеннинги, древнеанглийская поэзия, лингвокреативность.*В статье рассматриваются древнеанглийские кеннинги как проявление лингвокреативности сказителей. Ставится вопрос о том, что в создании кеннингов проявляется креативная функция называния, которая является следствием характерного для мифопоэтического мышления отождествления имени и свойства его носителя.*

А.В. Гуркова

СПОСОБЫ ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ И ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ
ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ*Ключевые слова:* категория времени, преуменьшение времени, преувеличение времени, гиперболизация.*В данной статье рассмотрены способы как преувеличения, так и преуменьшения времени в художественной ткани текста. Произведен обзор частей речи, которые помогают создавать временной континуум, замедлять ход времени, или же ускорять для. Преувеличение и преуменьшение времени оказывает влияние не только на восприятие читателем хода событий, но и вносит неповторимые детали в описание как пространства, так и героев, которые в нём существуют.*

Е.В. Дворак

ЭВФЕМИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК
СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ
СОЗНАНИЕМ*Ключевые слова:* эвфемизмы, манипулирование, политический дискурс.*Данная статья посвящена некоторым вопросам, связанным с широким использованием эвфемизмов в политическом дискурсе на примере российских и зарубежных СМИ. Предпринимается попытка определить манипулятивный потенциал и цели, которые ставят перед собой политические деятели, использующие данный стилистический прием в своей речи.*

А.И. Каразия, Н.А. Каразия

ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)*Ключевые слова:* метафора; перевод; художественный текст. Целью исследования, лежащего в основе статьи, является описание технологии перевода метафоры на базе анализа языкового материала художественного произведения английского писателя Дж. Даррелла «My Family and Other Animals» и его перевода в русскоязычном издании. В статье рассмотрен ряд теоретических вопросов, связанных с трактовкой понятия художественного текста и подходами к определению метафоры, а также представлены результаты практического анализа материала с целью выявления основных способов перевода данного тропа.

A.M. Gorokhova

TOWARDS LINGUISTIC-AXIOLOGICAL MAPPING OF
PANDEMIC NEOLOGISMS IN AMERICAN ENGLISH
MASS-MEDIA DISCOURSE*Keywords:* mass-media discourse, mapping, neologism, pandemic, national identity, linguistic axiology.*The article under consideration dwells on a complex, manifold analysis of conceptual-emotive, word-formative, linguistic-axiological potential typical of pandemic neologisms in American English mass-media discourse. The study provides classification of most productive word-creation mechanisms of such lexical items as well as a multi-branched map of ethnic-marked and universal value constructs shaped by them.*

Yu.S. Grigoryeva

RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION
OF ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON
DISPERSION MATRICES*Keywords:* kennings, Old English poetry, linguistic creativity.*The article considers Old English kennings as examples of Old English poets' linguistic creativity. Resulting from identification of the name and properties of the nominated object as a specific feature of mythopoetic thinking a creative function of nomination is believed to be manifested in kennings.*

A.V. Gurkova

WAYS OF UNDERSTATEMENT AND EXAGGERATION OF
TIME IN A LITERARY TEXT*Keywords:* time category, time understatement, time exaggeration, hyperbolization.*This paper presents the ways of both exaggeration and understatement of time in the artistic fabric of the text. An overview of the parts of speech that help to create a time continuum, slow down the passage of time, or accelerate for. Exaggeration and understatement of time affects not only the reader's perception of the course of events, but also introduces unique details into the description of both the space and the characters that exist in it.*

E.V. Dvorak

EUPHEMISM IN POLITICAL DISCOURSE
AS A MEANS TO MANIPULATE PUBLIC CONSCIOUSNESS*Keywords:* Euphemisms, manipulation, political discourse.*This article is devoted to some issues related to the widespread use of euphemisms in political discourse on the example of Russian and foreign media. An attempt is made to determine the manipulative potential and goals set by politicians who use this stylistic device in their speech.*

A.I. Karaziya, N.A. Karaziya

RENDERING ENGLISH METAPHOR IN TRANSLATION
(BASED ON FICTION TEXT MATERIAL)*Keywords:* metaphor, translation, fiction text.*The purpose of the investigation resulting in the given article is to describe metaphor translation technology based on the analysis of language material extracted from the English piece of prose fiction "My Family and Other Animals" by G. Durrell and its Russian translation. The paper considers some theoretical issues concerning fiction text interpretation and approaches to metaphor definition, it also presents practical material analysis results revealing main ways of this trope translation.*

Ю.Б. Косова, Т.В. Сметанина, М.В. Носкова
К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(ДЕОНТИЧЕСКАЯ, ЭПИСТИМИЧЕСКАЯ
И ДРУГИЕ ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ)

Ключевые слова: имена действия, модальность, деонтическая модальность, эпистемическая модальность.

В статье представлены результаты исследования и установления факта сохранения у имен действия способности участвовать в выражении модальных значений полипредикативного предложения. Показаны разные виды модальности имен действия. Выявлено, что способность имен действия участвовать в выражении модальности обусловлена ассоциативной связью с мотивирующим предложением (парадигма) и опирается на значение самого имени действия, семантически восходящего к отглагольному предикату.

К.В. Костина, И.В. Солдатенко
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И
МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Ключевые слова: имагологическая наука, медиапространство, мифологизация, стереотипизация.

В работе рассматриваются взаимосвязи между лингвистической имагологией и медиапространством, обосновывается принадлежность имагологии к лингвистической науке, представлена информация о развитии данной отрасли научного знания в России и Германии.

К.И. Пикун, Ю.Н. Синицына
ПРОЕКТ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: метод личностно-ориентированного обучения, метод проектов, творческая самореализация личности, творческая деятельность.

В данной статье авторами рассмотрен метод проектов как один из методов личностно-ориентированного обучения. Были проанализированы характеристики творческой самореализации личности. Авторами статьи сделан вывод, что проектный метод представляет собой вид творческой деятельности. Авторами статьи был проведен эксперимент, в результате которого установлено, что проект — это форма творческой самореализации личности.

В.Н. Рудых, К.И. Федорова
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ
КОРОНОВИРУСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Ключевые слова: метафорическая модель, фрейм, слот, пандемия, коронавирус.

Статья посвящена анализу метафорического представления пандемии COVID-19 в англоязычных средствах массовой информации в виде метафорической модели «Пандемия — война». Данная модель имеет сложную фреймовую структуру. Использование метафор военной риторики в англоязычных средствах массовой информации формирует общественное мнение.

Ю.А. Бабайкина
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
ТЕКСТА И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР
В ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: текстовая деятельность, конструктивно-информативная функция текста, диакритическая функция, функциональность речевых структур текста.

В работе рассматривается проблема функционального подхода в психолингвистике текста. Текстовая деятельность представлена процессом создания первичного текста и вторичного текста, которые выполняют конструктивно-информативную и диакритическую функцию. Речевые структуры текстов отвечают за «развернутую» и «сжатую» форму передачи информации о предмете действительности (темы).

Y.B. Kosova, T.V. Smetanina, M.V. Noskova
MEANS OF EXPRESSING MODALITY OF NAMES
OF ACTION IN MODERN ENGLISH (DEONTIC MODALITY,
EPISTEMIC AND OTHER TYPES OF MODALITY)

Keywords: names of action, modality, deontic modality, epistemic modality.

The article presents the results of the study and the establishment of the fact that names of action retain the ability to participate in the expression of modal meanings of a polypredicative sentence and also shows different types of modality of names of action. The authors have discovered that the ability of names of action to express modality is caused by an associative bond with a motivating sentence (paradigm) and is based on the meaning of the name of action that is semantically linked with verbal predicate.

K.V. Kostina, I.V. Soldatenko
LINGUISTIC IMAGOLGY AND MEDIASPACE:
INTERACTION OF CONCEPTS

Keywords: imagological science, mediaspace, mythologization, stereotyping.

The paper examines the relationship between linguistic imagology and the mediaspace, substantiates the belonging of imagology to linguistic science, provides information on the development of this branch of scientific knowledge in Russia and Germany.

K.I. Pikul, Y.N. Sinitsyna
PROJECT AS A FORM OF CREATIVE SELF-REALIZATION
OF INDIVIDUAL IN ENGLISH LESSONS

Keywords: method of personality-oriented learning, method of projects, creative self-realization of personality, creative activity. In this article, the authors consider the project method as one of the methods of personality-oriented learning. The characteristics of the creative self-realization of the individual were analyzed. The authors of the article concluded that the project method is a type of creative activity. The authors of the article conducted an experiment, as a result of which it was established that the project is a form of creative self—realization of the individual.

V.N. Rudykh, K.I. Fedorova
METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE
CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE ENGLISH MEDIA

Keywords: metaphorical model, frame, slot, pandemic, coronavirus.

The article deals with the metaphorical representation of the COVID-19 pandemic in the English-language media as a metaphorical model "Pandemic - War". This model has a complex frame structure. The use of military rhetoric metaphors in the English-language media shapes public opinion.

U.A. Babaikina
FUNCTIONAL APPROACH TO THE PSYCHOLINGUISTICS
OF THE TEXT AND FUNCTIONALITY OF THE SPEECH
STRUCTURES IN THE TEXT ACTIVITY

Keywords: text activity, constructive and informative function of the text, diacritical function, functionality of the speech structures of the text.

This paper presents the ideas of study concerning the problem of the text activity as a process of creation of the first text — original text and the second text or the compressed text according to the functional approach to the text activity, including the questions of functioning and functionality of the speech structures of the texts, fulfilling their constructive and informative, diacritical functions.

Е.А. Вансяцкая

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
КОММУНИКАНТОВ-МАЛЬЧИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ)

Ключевые слова: специфические невербальные действия, коммуникант-мальчик, эмоциональное общение, невербальное поведение младших школьников, англоязычная художественная литература для детей.

В статье рассматриваются специфические невербальные действия, характерные для коммуникантов-мальчиков в ситуациях эмоционального общения. Отмечаются особенности данной разновидности невербального поведения младших школьников. Примеры взяты из англоязычной художественной литературы для детей.

Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова

МЕТАФОРЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА:
УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Ключевые слова: ассимиляция, билингвизм, метафоры, мотивация, типология, татарский язык.

Статья посвящена одной из актуальных проблем современности – сохранению языков. Объектом исследования является татарский язык, который в течение последних десятилетий подвергся значительным трансформациям под влиянием доминирующего русского языка. В исследовании представлен новый эмпирический материал и новое осмысление метафор татарского языка в связи с их бесспорным влиянием на язык и культуру народа

Г.К. Гизатова, Д.Р. Сабирова

СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ В ИДИОМАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: культура, мотивация, идиома, символ, татарский язык.

Статья посвящена результатам анализа идиом татарского языка, мотивированными знаниями о фрагментах культуры народа-носителя языка. Цель исследования – рассмотреть нетрадиционную интерпретацию символики зоонимов в идиомах татарского языка, которая нередко отличается от ее западноевропейских аналогов.

Н.В. Гревцева, Г.А. Донскова,
О.А. Донскова, А.Э. Мирзаханова,
«КОВИДНЫЙ СЛОВАРЬ»

КАК ОТКРЫТАЯ ДИНАМИЧНАЯ СИСТЕМА

Ключевые слова: ковид, лексико-семантическое поле, открытая система, динамика, термин, неологизм.

В статье представлены результаты анализа современного «ковидного словаря» – нового продукта языкотворчества, структурированного в виде лексико-семантического поля в разных лингвокультурных пространствах, установлены отношения между единицами поля, выявлены его параметры: открытость и динамичность.

А.Н. Гуров

ПРОЦЕСС ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

Ключевые слова: процесс локализации, дубляж, перевод видеоигр, ПО, постлокализация, локализатор, AAA-видеоигры. В статье рассматриваются этапы процесса локализации видеоигр, приводятся модели локализации с указанием преимуществ и недостатков каждой из них. Исследуется структура процесса локализации, который, по мнению автора, включает предварительную локализацию, промежуточную локализацию и постлокализацию.

А.В. Данилова, Л.Г. Васильев
ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Ключевые слова: аргументация, стратегия, тактика, коммуникация, речевое воздействие.

Аргументативное речевое воздействие выступлений

Е.А. Vansyatskaya

SPECIFIC NONVERBAL ACTIONS OF BOY-SPEAKERS
(BASED ON CHILDREN'S FICTION)

Keywords: specific nonverbal action, boy-speaker, emotional discourse, nonverbal schoolchildren's behavior, children's fiction.

The article describes specific nonverbal actions typical of boy-speakers in emotional discourse. The peculiarities of this kind of nonverbal schoolchildren's behavior are pointed out. The examples are taken from English literary works for children.

G.K. Gizatova, D.R. Sabirova

METAPHORS OF THE ENDANGERED TATAR LANGUAGE

Keywords: assimilation, bilingualism, metaphors, motivation, typology, Tatar language.

The article deals with preserving endangered languages, that is one of the most pressing issues of the day. The research object is the Tatar language which has been exposed to significant transformations under the influence of the dominant Russian language. The article presents a new empirical material and a new understanding of the metaphors of the Tatar language concerning their undisputed influence on the language and culture of the nation.

G.K. Gizatova, D.R. Sabirova

SYMBOLS OF CULTURE IN TATAR IDIOMS

Keywords: culture, motivation, idiom, symbol, Tatar language. This paper presents the results of analyzes of Tatar idioms motivated by the cultural knowledge of the native speakers. The main goal of the study is to consider unconventional interpretation of animal symbols in Tatar idioms which often differs from its occidental analogues.

N.V. Grevtseva, G.A. Donskova,
O.A. Donskova, A.E. Mirzakhanova,
COVID VOCABULARY

AS AN OPEN DYNAMIC SYSTEM

Keywords: Covid, lexico-semantic field, open system, dynamics, term, neologism.

The article presents the results of the analysis of the modern "Covid vocabulary" – a new product of language creation, structured as a lexical-semantic field in different linguo-cultural spaces, establishes the relationship between the units of the field, reveals its parameters: openness and dynamism.

A.N. Gurov

THE PROCESS OF LOCALIZATION OF VIDEO GAMES

Keywords: localization process, dubbing, video game translation, software, post localization, localizer, AAA video games. The article discusses the stages of the localization process of video games, provides localization models indicating the advantages and disadvantages of each of them. The structure of the localization process is investigated, which, according to the author, includes preliminary localization, intermediate localization and post-localization.

A.V. Danilova, L.G. Vasilev
CHARACTERISTICS OF THE STRATEGY
OF POLITICAL ARGUMENTATION

Keywords: argumentation, communication, persuasion, strategy, tactics.

Argumentative discourse influence of presidential candidates'

кандидатов на пост президента рассматривается как важная составляющая американской предвыборной кампании. Представлены результаты исследования средств аргументации, реализующие риторико-коммуникативный потенциал дискурса Д. Трампа и Д. Байдена в ходе президентских дебатов 2020 года. В качестве практического инструмента кандидаты применяют различные средства убеждения, характеризующиеся высокой степенью речевоздействия.

Л.Х. Дзасежева, А.Л. Латипова,
Э.Р. Хутова, М.А. Шарданова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: концептуальная метафора,
медицинский дискурс, гастрономическая метафора,
терминологическая метафоризация.

Статья посвящена изучению роли гастрономической метафоры в медицинском дискурсе. В ходе исследования проанализированы научные и научно-популярные англоязычные медицинские статьи и выделены гастрономические метафоры по следующим признакам: форма, размер, цвет, фактура поверхности продукта, консистенция и запах. Исследуемый материал показал, что гастрономические метафоры широко используются в медицинском дискурсе и выполняют объяснительную и мнемоническую функции.

speeches is viewed as an important component of American election campaigns. The article exposes the results of a study of argumentation tools that pursue the rhetorical and communicative potential of D. Trump's and J. Biden's communicative interaction in the 2020 presidential debates. As a practical tool, candidates use various means of efficient verbal persuasion.

L.Kh. Dzasezheva, A.L. Latipova,
E.R. Khutova, M.A. Shardanova

FUNCTIONING OF GASTRONOMIC METAPHOR IN MEDICAL DISCOURSE

Keywords: conceptual metaphor, medical discourse,
gastronomic metaphor, terminological metaphorization.

This paper is devoted to the study of the role of gastronomic metaphor in medical discourse. In the course of the study, scientific and popular science English-language medical articles were analyzed and gastronomic metaphors were identified according to the following features: shape, size, color, texture of the surface of the product, consistency and smell. The studied material showed that gastronomic metaphors are widely used in medical discourse and perform explanatory and mnemonic functions.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
БРИТАНСКОМ СЛЕНГЕ

Ключевые слова: гендерность, английский язык,
сленг, гендерное неравенство.

Данная статья посвящена рассмотрению понятия гендерности с точки зрения его репрезентации в современном британском сленге. Авторы рассмотрели примеры сленгизмов с компонентами "girl" и "man", составили тематическую классификацию и доказали гипотезу о гендерном неравенстве в современном английском сленге.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
GENDER REPRESENTATION
IN MODERN BRITISH SLANG

Keywords: gender, English language, slang, gender inequality.

This article studies the concept of gender in terms of its representation in modern British slang. The authors considered examples of slangisms with the components of "girl" and "man", compiled a thematic classification and proved the hypothesis of gender inequality in modern English slang.

Л.В. Кузнецова, Е.В. Иванова
РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И ПРОСПЕКТИВНЫЕ СВЯЗИ
В ДИСКУРСЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ
В ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: принятие решения, проблемная ситуация,
ретроспекция, проспекция, проблемное пространство.

В статье анализируются особенности дискурса принятия решения в парламентской коммуникации, расширяются научные представления о понятии «принятие решения», дается свое понимание данного термина. Указывается, что создание и поддержание общего коммуникативного, дискурсивного и проблемного когнитивного пространства осуществляется на протяжении продолжительного времени механизмами ретроспективной и проспективной связи.

L.V. Kuznetsova, E.V. Ivanova
RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE CONNECTIONS
IN THE DISCOURSE OF DECISION-MAKING
IN PARLIAMENTARY COMMUNICATION

Keywords: decision-making,

problem situation, retrospection, prospection, problem space. The article analyzes the peculiarities of the discourse of decision-making in parliamentary communication, expands scientific ideas about the concept of «decision-making», the authors give their own understanding of this term. It is indicated that the creation and maintenance of a common communicative, discursive and problematic cognitive space is carried out for a long time by mechanisms of retrospective and prospective communication.

А.В. Медведева, П.В. Невская
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: аутентичные материалы, образование,
обучение иностранным языкам, использование материалов.

Благодаря передовым технологиям значительно улучшилось качество и тип материалов, используемых в обучении. Аутентичные материалы могут быть наиболее предпочтительными при обучении иностранному языку. В данной статье рассматривается, как выбрать наиболее подходящие аутентичные материалы для учащихся, типы, характеристики, особенности, преимущества и недостатки аутентичных материалов.

A.V. Medvedeva, P.V. Nevskaya
THE USE OF AUTHENTIC MATERIALS
IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE
IN UNIVERSITIES OF CULTURE

Keywords: authentic materials,

education, foreign language teaching, using materials. Thanks to the advancing technology, there are significant improvements in the quality and type of materials used in teaching. Authentic materials, which is one type of these materials, can be most preferred in foreign language teaching. This article discusses how to choose the most suitable authentic materials for students, types, characteristics, features, advantages and disadvantages of authentic materials.

О.Н. Польщикова
**МЕТОНИМИЗАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ
 КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Ключевые слова: метонимия,

компьютерная лингвистика, терминология, модель.

В работе представлены результаты изучения явления метонимизации в терминологии компьютерной лингвистики. В ходе исследования выявлены различные модели метонимического переноса в анализируемой терминологии, представлены соответствующие примеры.

А.В. Раловец
**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ
 СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ДЕТЕКТИВА**

Ключевые слова: массовая литература, классический детектив, лингвоконцепт, концептуальный персонаж.

В настоящей работе исследуются когнитивные особенности детективных текстов, относящихся к массовой литературе, которая является актуальным объектом многоаспектных исследований в антропоцентрическом ракурсе. Обращение к методологии и парадигме современной когнитивной лингвистики позволяет детально рассмотреть когнитивные структуры исследуемого жанра, а также выявить лингвокультурные концепты, свойственные немецкому менталитету.

М.И. Савосткина, С.Н. Маскаева, И.Г. Зубарева
**ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
 КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОВАРИМИ
 НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА**

Ключевые слова: учебно-познавательная компетенция, формирование и развитие, универсальные учебные действия, словарь, словарная статья, урок родного (мокшанского) языка. В данной статье рассматриваются пути формирования учебно-познавательной компетенции при работе с лингвистическими словарями на уроках родного языка. Предложены пути, методы и приемы в формировании универсальных учебных действий.

Е.Н. Сагайдачная, Е.В. Рябикина
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ НЛП В КОНТЕКСТНОЙ
 РЕКЛАМЕ МЕДИЙНОГО ТИПА**

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, манипуляция сознанием, рекламный дискурс, контекстная реклама.

Работа затрагивает анализ стратегий нейролингвистического программирования в контекстной рекламе медийного типа. В работе подчеркивается особенность рекламного дискурса – воздействие и манипулирование сознанием целевой аудитории. В исследовании рассматриваются 53 продающих заголовка и баннера, показываемых на образовательных сайтах, порталах и обучающих платформах, с целью анализа и классификации возможных триггеров, активирующих покупку предлагаемого товара или услуги.

Г.С. Сатаева, Л.Ю. Данилина
**КОНЦЕПТ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАГМАТИКЕ
 ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Ключевые слова: лингвопрагматика, дискурс, концепт, личные отношения.

Настоящая статья посвящена изучению влияния концепта личных отношений на организацию и функционирование дискурса. Цель исследования заключается в установлении четырех базовых лексико-семантических групп, раскрывающих суть личностных отношений в рамках диалогической речи, а также определении наиболее ярких «индикаторов», способных продемонстрировать читателю личные отношения в речевой динамике дискурса на английском языке на примере сатирической повести-притче Джорджа Оруэлла «Скотный Двор».

O.N. Polshchykova
**METONIMIZATION IN THE TERMINOLOGY
 OF COMPUTER LINGUISTICS**

Keywords: metonymy,

computational linguistics, terminology, model.

The paper presents the results of studying the phenomenon of metonymization in the terminology of computational linguistics. In the course of the study, various models of metonymic transfer in the analyzed terminology are identified, and relevant examples are presented.

A.V. Ralovets
**LINGUOCULTURAL FEATURES OF CONCEPTS
 OF A MODERN GERMAN DETECTIVE**

Keywords: mass literature, classic detective, linguistic concept, conceptual character.

This paper presents the cognitive features of detective texts related to popular literature, which is an actual object of multidimensional research from an anthropocentric perspective. The appeal to the methodology and paradigm of modern cognitive linguistics allows us to consider in detail the cognitive structures of the genre under study, as well as to identify linguocultural concepts peculiar to the German mentality.

M.I. Savostkina, S.N. Maskaveva I.G. Zubareva
**FORMATION OF LEARNING AND COGNITIVE
 COMPETENCE WHEN WORKING WITH DICTIONARIES
 IN THE LESSONS OF THE NATIVE LANGUAGE**

Keywords: educational and cognitive competence, formation and development, universal educational activities, dictionary, dictionary entry, lesson of the native (Moksha) language.

This article discusses the ways of forming educational and cognitive competence when working with linguistic dictionaries in the lessons of the native language. Ways, methods and techniques in the formation of universal educational activities are proposed.

E.N. Sagaidachnaya, E.V. Ryabikina
**THE USE OF NLP TECHNIQUES IN CONTEXTUAL
 ADVERTISING OF THE MEDIA TYPE**

Keywords: neuro-linguistic programming, manipulation of consciousness, advertising discourse, contextual advertising.

The work concerns the analysis of neuro-linguistic programming strategies in contextual advertising of the media type. The paper emphasizes the peculiarity of advertising discourse – the impact and manipulation of the consciousness of the target audience. The study examines 53 selling titles and banners displayed on educational websites, portals and training platforms in order to analyze and classify possible triggers that activate the purchase of the offered product or service.

G.S. Sataeva, L.Yu. Danilina
**THE CONCEPT OF PERSONAL RELATIONSHIPS
 IN DISCOURSE PRAGMATICS (ON THE MATERIAL
 OF ENGLISH LANGUAGE)**

Keywords: linguopragmatics, discourse, concept, personal relations.

This article is devoted to the study of the influence of the concept of personal relations on the organization and functioning of the discourse. The purpose of the study is to establish four basic lexico-semantic groups that reveal the essence of personal relationships within the framework of dialogical speech, and to define the most striking “indicators” capable of demonstrating to the reader personal relationships in the speech dynamics of discourse in English on the example of George Orwell’s satirical parable “Animal farm”.

М.А. Хатламаджиян
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ
МАНИФЕСТАЦИИ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: ложь, гендер, паралингвистические средства, ложное высказывание, лгуций персонаж.

В настоящей статье анализируются паралингвистические средства, репрезентирующие гендерно маркированные ложные высказывания в немецкоязычных художественных произведениях XX-XXI вв. Рассматривается гендерное невербальное поведение; отмечаются особенности невербальных поведенческих реакций у мужчин и женщин в ситуации ложной коммуникации.

А.Ю. Щербинин
СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЁН ВО ФРАНЦУЗСКИХ
ГРАММАТИКАХ XVI-XVIII ВВ.

Ключевые слова: историография лингвистики, французские грамматики XVI-XVIII вв., терминология, глагол, категория времени.

Цель данного исследования состоит в выявлении динамики способов терминообразования для обозначения времён во французских грамматиках XVI-XVIII вв. В ходе исследования выявлено, что основой для терминосистемы категории времени в изученных грамматиках, послужила латинская терминология. В качестве главной модели для создания терминов выступали словосочетания, содержащие латинские заимствования и французские причастия или прилагательные, указывающие на форму, значение или функцию обозначаемого времени.

М.В. Эфендиева
КОНЦЕПТ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В ПРАГМАТИКЕ
ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

Ключевые слова: концепт, дискурс, коннотативный вектор, диалог.

Данная статья посвящена изучению влияния концепта выражения чувств участниками диалога на организацию и функционирование дискурса. Автором были проанализированы диалоги с яркой лексико-семантической нагрузкой, в которых в очевидной форме можно наблюдать выражения чувств и эмоций. Помимо этого, в статье рассмотрены ключевые лексические единицы, помогающие показать читателю взаимоотношения между героями в речевой динамике дискурса на английском языке. В качестве материала исследования был выбран роман Джейн Остин «Мэнсфилд-парк».

M.A. Khatlamadzhiyan
GENDER FEATURES OF REPRESENTATION
OF PARALINGUISTIC MEANS BY THE MANIFESTATION
OF A FALSE STATEMENT IN ARTISTIC DISCOURSE

Keywords: lie, gender, paralinguistic means, false statement, lying character.

This article analyzes paralinguistic means which represent gender-marked false statements in German-language works of fiction of the 20th -21st centuries. The article deals with gender non-verbal behavior. The author notes the features of non-verbal gender behavioral reactions in a situation of false communication.

A.Yu. Shcherbinin
THE WAYS OF THE TERM FORMATION
FOR THE VERB TENSES IN THE FRENCH GRAMMARS
OF THE XVI-XVIII CENTURIES

Keywords: historiography of linguistics, French grammars of the XVI-XVIII centuries, terminology, verb, tense category.

This article focuses on the dynamics of the ways of the term formation for the verb tenses in the French grammars of the XVI-XVIIIth centuries. The research results showed that the basis for the tense category term system was the Latin grammar terminology. The main model for creating the terms was the combination of a Latin loanword and a French adjective or participle pointing to the form, meaning, or function of the defined tense.

M.V. Efendieva
THE CONCEPT OF EXPRESSING FEELINGS IN THE
PRAGMATICS OF DISCOURSE: THEORETICAL ASPECT
OF CONSIDERATION

Keywords: concept, discourse, connotative vector, dialogue.

This article is devoted to the study of the influence of the concept of expressing feelings by the participants in the dialogue on the organization and functioning of discourse. The author analyzed the dialogues with a bright lexical-semantic load, in which expressions of feelings and emotions can be observed in an obvious form. In addition, the article discusses the key lexical units that help to show the reader the relationship between the characters in the speech dynamics of the discourse in English. Jane Austen's novel "Mansfield Park" was chosen as the material for the study.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.08.2022

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.08.2022

14,3 усл.печ.л. 15,9 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4990.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»